

*«Придумать можно все,
кроме психологии»
Л.Н.Толстой*

Человеческий фактор

СОЦИАЛЬНЫЙ
ПСИХОЛОГ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2000 году в Ярославле

2014

№2 (28)

ЧФ:

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Свидетельство о регистрации - ПИ № 77-15751
Подписной индекс Агентства "Роспечать" - 36053

СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

выпуск №2(28) 2014

журнал
для ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2000 году

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА:

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ
НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
"НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
"ИНСТИТУТ ЭРГОНОМИКИ И
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ТЕХНОЛОГИЙ""

ИНСТИТУТ ИННОВАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ

Главный редактор журнала
«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР»

В.В.Козлов

Главный редактор серии
«Социальный психолог»

В.В.Козлов

Главный редактор серии
«Проблемы психологии и эргономики»

В.М.Львов

Главный редактор серии
«Общество и власть»

Д.П.Пискарев

Редакционная коллегия серии
«Социальный психолог»

**А.В.Карпов, В.В.Козлов,
В.М.Клюева, Е.В.Карпова
В.А.Мазилев, Н.П.Фетискин**

Редакционный совет серии
«Социальный психолог»

**Г.В.Акопов, И.П.Волков,
А.Л.Журавлев, Т.П.Емельянова,
М.М.Кашапов, Ю.А.Клейберг,
В.И.Назаров, Р.С.Немов,
Н.Н.Обозов, Б.Д.Парыгин,
Ю.П.Поваренков, А.Л.Свеницкий,
Л.Ю.Субботина, В.Е.Семенов,
В.А.Урываев, А.В.Филиппов
В.А.Янчук**

Оригинал-макет: **М.Н.Федоров**

Адрес редакции:

150057, г.Ярославль,
ул.Матросова, дом 9, офис 206
тел.: (4852) 728-394;
факс (4852) 478-666

Адрес издателя и распространителя :

ООО «Международная Академия психологических наук»

150000, г. Ярославль, ул Первوماйская 9-2
тел. 8-4852-728394

Эл.почта kozlov@zi-kozlov.ru

Отпечатано Типография «ТИТУЛЬ» (ИП Маренков А.В.)
150040, г.Ярославль, ул. Угличская 12Б
формат 70x100/16. Тираж 400. Заказ № 1631

ЧФ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

2014 выпуск №2 (28)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Золотова Н.В., Мазиллов В.А., Базиков М.В. (Ярославль, Россия)

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ** 5

Кашапов М.М. (г. Ярославль, Россия), Билык Е.В.(г. Владимир, Россия)

**«СЮЖЕТ КОНФЛИКТА» КАК МЕТОД ДИНАМИЧЕСКОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАРРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ** 24

В.В. Козлов (Ярославль, Россия)

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ХОЛИЗМА
В ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ**..... 32

В.А.Мазиллов, Ярославль

**ПСИХОЛОГИЯ: СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТ** 42

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

БоллигерЛ.В. (Иркутск, Россия)

**ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
САМООБРАЗОВАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ** 57

Клейберг Ю.А. (Москва, Россия)

**СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОГЕРОНТОЛОГИЯ:
СОВРЕМЕННАЯ СИНТАГМА ИССЛЕДОВАНИЙ** 64

Милютин Е.В. (г.Полевской, Россия)

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ,
КАК ЭТАП БИОПСИХОСОЦИО - ДУХОВНОГО ПОДХОДА
К ВЕДЕНИЮ БОЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ
(этапы, методы)** 67

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Боллигер Л.В., (Иркутск, Россия), Юркова М.Г., (Иркутск, Россия) ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВНЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ У ПЕДАГОГОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ	84
Завозяев И.И. (Иваново, Россия), Назаров В.И., (Иваново, Россия), Турчина А.С., (Санкт-Петербург, Россия) ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПОДРОСТКОВО-ЮНОШЕСКОЙ СРЕДЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К УПОТРЕБЛЕНИЮ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ	91
Кашапов А. С. (Ярославль, Россия) СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТИРОВАННОСТЬ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТОМ	98
Ковалёв С.Э., Аксёнова Т.А. (Усть-Каменогорск, Казахстан) ПРИНЦИПЫ ИНТЕГРАТИВНОЙ СКАЗКОТЕРАПИИ	112
Кукина М.В. (Иркутск, Россия) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ВИЗУАЛИЗАЦИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОБРАЗНОЙ ТЕРАПИИ В РАБОТЕ С ИНКУРАБЕЛЬНЫМИ ОНКОБОЛЬНЫМИ	119
Романов И.В. (Москва, Россия) НОВЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА ОСНОВЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СЕТЕЙ	124
ПАМЯТЬ ОБ УЧИТЕЛЕ	127
Сведения об авторах	133

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

*Золотова Н.В., Мазилев В.А.,
Базиков М.В. (Ярославль, Россия)*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема истории отечественной медицинской (клинической) психологии в психологической историографии. На примере медицинской психологии показано отсутствие в основных историко-психологических работах таких направлений изучения, как анализ исторических закономерностей дифференциации и интеграции знаний в отдельных отраслях психологии. Традиционным в истории психологии является общее представление, согласно которому выделение медицинской психологии в качестве прикладной области было обусловлено смыканием экспериментальных исследований с решением актуальных проблем и практических задач в психиатрии и неврологии в конце XIX – начале XX вв.

На основании обзора специальной литературы также демонстрируется недостаточная разработанность вопросов, связанных с развитием медицинской психологии в России. В изложении исторических сведений, представленном в большинстве учебной литературы, выявлен схожий, преимущественно описательный, подход к проблеме истории данной дисциплины. Констатируется отсутствие систематических исторических работ, в которых объективно изучаются проблемы возникновения и формирования отечественной клинической психологии и осуществляется углубленный анализ концептуальных идей и принципов, ставших ее методологическим основанием. Выделены основные позиции, связанные с определением времени возникновения отечественной медицинской психологии как новой области знаний. В качестве важнейшего фактора становления медицинской психологии в России на «доэкспериментальном» этапе рассматривается формирование системы взглядов на психологический аспект взаимоотношений врач – больной, неотделимое от научных воззрений выдающихся представителей русской терапевтической школы.

Анализируются трудности создания научной истории клинической психологии как междисциплинарной области, обусловленные наличием нескольких источников ее формирования, необходимостью разделения этапов зарождения и становления клинической психологии, выделения критериев, определяющих начало становления клинической психологии в России, анализа его конкретных форм и направлений. Подчеркивается актуальность проблемы разработки методологических подходов не только к междисциплинарным исследованиям, но также к их историческому изучению. Обосновывается, что реконструкция исторического прошлого отечественной медицинской психологии будет способствовать уточнению научного статуса и положения данной дисциплины в структуре научного знания, а также продвижению к разрешению ее важнейших дискуссионных вопросов и существующего до настоящего времени «методологического рассогласования» медицинской психологии как с психологией, так и медициной.

Ключевые слова: медицинская психология, клиническая психология, история психологии, методологический подход, реконструкция исторического прошлого, междисциплинарная область.

Annotation. Describes a problem in the history of domestic medical (clinical) psychology in psychological historiography. For example, medical psychology shows no major historical and psychological works explore such areas as the analysis of the historical patterns of differentiation and integration of knowledge in selected branches of psychology. Traditional in the history of psychology is understanding, according to which the allocation of medical psychology as applied area was due to the strongly experimental studies with the decision of actual problems and practical problems in Psychiatry and Neurology in the late 19th and early 20th centuries.

Based on the literature review also demonstrates the inadequacy of development-related issues of medical psychology in Russia. In the statement of historical information presented in most textbooks, a similar, largely descriptive approach to the history of the discipline. States lack systematic historical work in which objectively examines the issues of establishment and organization of national clinical psychology and carried out an in-depth analysis of the conceptual ideas and principles have become its methodological basis. Highlights positions related to the determination of the domestic medical psychology as a new field of knowledge. As an essential factor of medical psychology in Russia on the «doeksperimental'nom» stage is the creation of a system of views on the psychological dimension of the relationship doctor-patient, inseparable from scientific beliefs of outstanding representatives of Russian medical schools.

Analyses the difficulty of establishing the scientific history of clinical psychology as interdisciplinary field, arising from multiple sources of its formation, the Division of the stages of the origin and development of clinical psychology, selection criteria that define the beginning of clinical psychology in Russia, analysis of its specific forms and directions. Stresses the importance of the development of methodological approaches to interdisciplinary research, but also to their historical studies.

It is proved that the reconstruction of the historical past of domestic medical psychology will help clarify the scientific status of the discipline in the structure of scientific knowledge, as well as the efforts made to resolve its most important discussion of the issues and existing up to the present time «methodological error» medical psychology as psychology and medicine.

Keywords: health psychology, clinical psychology, history of psychology, methodological approach, the reconstruction of the historical past, interdisciplinary field.

Вначале два слова о том, почему статья по истории клинической психологии публикуется в журнале по социальной психологии. Причина крайне проста: клиническая (медицинская) психология изначально разрабатывалась в социальном контексте. Авторы в будущем посвятят этому вопросу специальную работу.

По оценкам ряда специалистов, медицинская (клиническая) психология в России вошла в обширный комплекс современных наук о психическом здоровье, сфера ее влияния и интересов неуклонно расширяется [4; 35; 47; 73], что обусловлено большой актуальностью проблемы психического здоровья для современного общества и наличием социального запроса на психологическую помощь [2; 70]. Клиническая психология начинает рассматриваться не только в качестве прикладной, но и

фундаментальной науки [13; 35]. Отмечая ведущую роль интегративных тенденций и активное использование знаний пограничных дисциплин в современных научных отраслях, представители врачебного сообщества подчеркивают влияние, оказываемое клинической психологией на развитие теории и практики различных медицинских дисциплин [36].¹

Несмотря на официальное признание и высокий рейтинг клинической психологии в нашей стране, некоторые авторы полагают, что клиническая психология не сформировалась окончательно в качестве самостоятельной дисциплины [70], что проявляется в наличии ряда дискуссионных вопросов относительно ее названия, предмета исследования, общей структуры, теоретических и практических задач, а также профессиональной подготовки. Но если отсутствие единой позиции по указанным положениям, имеющим важнейшее значение для дальнейшего развития клинической психологии, порождает соответствующие профессиональные обсуждения [2; 9; 17; 31; 64], то проблемам истории ее становления уделяется меньшее внимание. Так, и в отношении современной клинической психологии справедливы и актуальны слова П. Ганнушкина в предисловии к монографии Ю. Каннабиха, обратившегося к теме изучения эволюции знаний в истории психиатрии в начале XX века. По утверждению П. Ганнушкина, изложить историю дисциплины можно в том случае, если она уже достигла определенного этапа своего развития [14]. Таким образом, степень разработанности вопросов истории можно рассматривать в качестве «показателя» уровня зрелости клинической психологии как науки. Принимая во внимание верное замечание западных историков

психологии о том, что «знание истории упорядочивает и привносит смысл в то, что кажется хаосом» [72], есть основания надеяться, что реконструкция исторического прошлого клинической психологии будет также способствовать ее самоопределению в структуре научного знания и в системе человекознания в целом.

В настоящее время определение научного статуса и положения клинической психологии приобретает особое значение. Исторический путь клинической психологии в качестве междисциплинарной науки определяет, по мнению ученых, наличие комплекса глубинных методологических рассогласований как с медициной, так и с психологией [53]. Начало указанного рассогласования обнаруживается уже у самых истоков формирования клинико-психологического знания, когда появившееся в 80-90-х гг. XIX века собирательное понятие «патологическая психология» включало разнообразную систему знаний о патологических психических «отправлениях»: общие закономерности психической патологии, патологические проявления в общественной жизни и практике обучения детей [53]. Отсутствие сформированной точки зрения относительно предмета медицинской психологии наблюдалось и в 20–30-х годах XX века, когда «трудно было провести грань между работами по общей, экспериментальной и медицинской пси-

¹ В содержании данной статьи понятия «медицинская психология» и «клиническая психология» для удобства используются как синонимы.

хологии, медицинской психологией и психигигиеной, деонтологией как разделами медицины» [58]. Постоянное расширение предмета и задач клинической психологии, наличие неоднозначных их трактовок, отмечаемое современными авторами [3; 60; 35; 70], подчеркивают необходимость изучения и методологического анализа исторического наследия в данной пограничной между медициной и психологией научно-практической области.

В частности, подобный анализ позволит выяснить, является ли клиническая психология с точки зрения степени автономии и самодостаточности лишь «отраслевым», образованием психологии или, сумев воплотить в себе задачи теоретической и прикладной науки, успешно миновав «схизис» современной психологии [10], обладает собственным потенциалом, способностью к эффективному решению задач, актуальных в общественной практике [2]. Использование исторического материала позволит конкретизировать содержание понятий «медицинская» и «клиническая» психология, выявить методологические основания их соотношения, определяемые логикой исторического формирования, и, возможно, – снять существующие до сих пор противоречия между указанными терминологическими конструкциями.

Важнейшими задачами истории психологии, одной из важнейшей ветвей психологического знания, являются синтез научного материала по отдельным областям и проблемам психологии [44], а также разработка новых методологических моделей его изучения [42]. В наиболее известных историко-психологических исследованиях вопросы истории

медицинской психологии вообще не рассматриваются [56; 57; 59], либо данная отрасль упоминается в контексте экспериментальной психологии [19; 20; 44; 74; 77; 78].

Традиционно в истории психологии период с середины XIX века характеризуется преобразованием психологии в самостоятельную дисциплину, что проявлялось в интенсивном развитии экспериментальных исследований, происходившем в России в обстановке социально-политических противоречий переломной эпохи и получившем заостренное общественное звучание [6; 19; 59; 66; 74; 76]. Первые экспериментально-психологические лаборатории рассматриваются не только как новые организационные структуры, возникшие для изучения открытой физиологами, биологами, физиками, врачами психической реальности, но также как форма самоутверждения психологии в независимых научных правах [78]. Своеобразие развития психологии в России, направляемое социокультурными условиями, идеологическими и мировоззренческими установками общества, определило ориентацию экспериментальных изысканий на проблемы, имеющие реальное практическое значение [19; 44; 57; 59; 66; 74; 77]. Отмечая непосредственную связь формирования отечественной экспериментальной психологии с медициной [6; 19; 55; 66], исследователи полагают, что выделение медицинской психологии в качестве прикладной области психологии было обусловлено смыканием экспериментальных исследований с решением актуальных проблем и практических задач в психиатрии и неврологии в конце XIX – начале XX вв.

Важно отметить, что некоторые авторы рассматривают развитие знаний о душевных болезнях в работах психиатров и невропатологов в качестве одной из важнейших теоретических предпосылок естественнонаучного оформления психологии [74]. Переход с интуитивных и эмпирических соображений к использованию различных проверочных средств [76] способствовал укреплению объективного подхода к изучению психики в ее нормальном и болезненном состоянии. В связи с этим становление медицинской психологии происходило параллельно общей психологии в рамках медицины [74]. В соответствии с мнением М.Г.Ярошевского (1966), клиническая практика способствовала также переориентации эксперимента с изучения общих закономерностей душевных процессов на определение индивидуальных различий и развитию таких дисциплин, как психодиагностика и дифференциальная психология [76]. Новые дисциплины, выступая основными источниками развития клинической психологии [35], обусловили, в частности, доминирование психометрической традиции в западной клинической психологии [30].

В относительно современном фундаментальном исследовании «Психологическая наука в России XX столетия» (1997) медицинская психология как отрасль психологической науки не упоминается. Анализируя основные объективные предпосылки усиления научной активности советской психологии первых послереволюционных десятилетий, исследователи указывают на рост экономической и социальной эффективности работ в стремительно развивающихся психологических прикладных дисципли-

нах того времени: психотехники, психологии управления в форме движения за научную организацию труда, психогигиены, педологии, библиопсихологии [59]. Вызывает недоумение отсутствие в данном перечне медицинской психологии, возможно, по мнению авторов, не относящейся к «стремительно развивающимся» и эффективным дисциплинам и уступающей даже библиопсихологии. Более поздний период развития советской психологии (60–80-х гг. XX в.) характеризуется авторами следующими тенденциями: расширение проблемного поля и рост прикладной ориентированности проводимых исследований, углубление междисциплинарных связей и формирование новых отраслей психологической науки [59]. В частности, подчеркивается научная важность теоретических обобщений богатого эмпирического материала, накопленного на стыке психологии и физиологии. В этом контексте как о новых направлениях упоминается советская дифференциальная психофизиология, а также нейропсихологическая школа, основоположник которой А.Р.Лурия справедливо признается одним из организаторов психологической науки. Нельзя не обратить внимания на то, что в представленном библиографическом списке литературы по данному периоду содержится всего по одной работе Б.В.Зейгарник и В.Н.Мясищева, датируемых соответственно 1943 и 1945 годами. Видимо, широкая научная общественность слабо осведомлена о трудах Б.В.Зейгарник и В.Н.Мясищева, выдающихся представителей московской и ленинградской школ отечественной медицинской психологии.

По оценке М.Г.Ярошевского, Б.В.Зейгарник является автором наибо-

лее известного открытия советского ученого, вошедшего в мировую психологию как «феномен Зейгарник» [75]. Необходимо уточнить, что результаты данного исследования, включенные в доклад К.Левиным на Международном психологическом конгрессе в 1926 году, были получены в рамках дипломной работы Блюмы Вульфовны. Можно добавить, что у немногих ученых первая в их библиографическом списке публикация оказывается настолько серьезной и современной. В постберлинский период, с 30-х гг. XX века, медицинская психология становится главной областью научных интересов ученой, чему способствовала совместная с Л.С.Выготским разработка культурно-исторического подхода к психической патологии. Научные разработки Б.В.Зейгарник впервые конституировали патопсихологию как самостоятельную отрасль психологического знания, имеющую собственный предмет и методы исследования. С 1949 года Б.В.Зейгарник являлась заведующей лабораторией патопсихологии в НИИ психиатрии, читала курс лекций по патопсихологии в Московском университете. За цикл работ, посвященных проблеме нарушения психических функций при различных заболеваниях, ученой в 1978 году была присуждена премия им. М.В.Ломоносова [32].

Профессиональная деятельность выдающегося русского психиатра и психолога В.Н.Мясищева началась в 20-е гг. XX века, в «период бурного развития отечественной и мировой медицинской психологии» [11]. Исследователи творчества В.Н.Мясищева отмечают, что организационные формы и методологические подходы унаследованы ученым от

В.М.Бехтерева, а также И.А.Сикорского, В.Ф.Чижа, А.Ф.Лазурского [11, 12]. «Случай Мясищева» [41] аналогичен «случаю Зейгарник», когда интерес к доминирующей проблематике научного творчества складывается в годы юности и сохраняется в течение дальнейшего профессионального пути. Примечательно, что первая опубликованная работа молодого ученого, посвященная научно-характерологическому анализу литературных типов, не только представляет точку отсчета его научной биографии, но так же, как вышеупомянутая работа Б.В.Зейгарник, содержит значимые научные результаты и является предметом специального анализа [41]. Вклад ученого в развитие психологии обширен и многогранен, но в данном контексте можно ограничиться упоминанием созданной В.Н.Мясищевым концепции отношений личности. Глубоко обоснованная в трудах В.Н.Мясищева фундаментальная категория «отношение», ставшая связующим звеном медицинских и психологических взглядов ученого, позволила возратить в научный обиход теоретические построения его учителя А.Ф.Лазурского и философские идеи С.Л.Франка об отношениях личности к себе и окружающей ее среде [11].

Необходимо уточнить, что в советской психологии сложилась традиция употребления представителями ленинградской психологической школы термина «медицинская психология». В московской и киевской психологической школе большее распространение получил термин «патопсихология», который обозначал психологическую отрасль, изучающую структуру нарушений психической деятельности, закономерностей ее распада в сопоставлении с нормой [33]. Вопросы, связанные

с развитием непосредственно патопсихологии, отражены несколько подробнее в монографическом исследовании истории советской психологии А.В.Петровского (1967). В главе «Основные направления в области научной работы в психологии в период начала ее перестройки» подробно рассматривается структура психологии 20-30-х гг. XX века, а также содержание ее основных отраслей [55]. Медицина и здравоохранение выделены автором в качестве одной из основных областей практических разработок психологии, в которой важнейшей отраслью является патологическая психология, изучающая «расстройства и ненормальности поведения и сознания человека». Интересно отметить, что в качестве синонимов ее обозначения существовали не только «психоневропатология» и «тропопатология», но и продолжал использоваться термин «психопатология» [55].

Отдельный раздел в указанной монографии, посвященный «борьбе за научные основы патопсихологии», соответствует идеологизированному духу времени. Патологическая психология, хотя и упрекаемая за нечеткость методологических оснований, связанную с традициями эмпирической психологии, а также за чрезмерное увлечение конституциональным направлением характерологии и психоаналитическими идеями, оценивается автором как одна из наиболее разветвленных отраслей психологии 20-х гг. XX в. Отмечается «огромное количество» работ разнообразной проблематики, разрабатываемых в рамках патопсихологии. Являясь непосредственно связанной с психологией (подчеркивалась связь с социальной психологией, особенно в связи с вопросом о происхождении

психопатологических явлений), патологическая психология составляла раздел медицины – психиатрии и невропатологии. Как указывалось, область практического исследования патологической психологии изначально являлось изучение симптоматики психических расстройств в экспериментально-психологических лабораториях при психиатрических клиниках. Однако знание патопсихологии широко использовалось для углубленного понимания механизмов нормального человеческого поведения и для построения индивидуальной психологии. Ответвлением патологической психологии являлась психотерапия («целеустремленное» и «гипнотическое» направление) и совокупность трудов по психологическому обоснованию педагогической работы с умственно неполноценными, глухими и слепыми детьми, ставшая экспериментальной и теоретической базой дефектологии. По мнению А.В.Петровского, одной из кардинальных проблем общей, дифференциальной и патологической психологии в 20-е гг. XX века была проблема конституций, которая рассматривалась в аспекте влияния на психику эндокринной и вегетативной нервной системы. Однако «конституционально-характерологические построения» оцениваются автором как страдающие тяжелыми идейно-теоретическим пороками и обнаружившие свою несостоятельность в патопсихологии.

Ведущее значение в разработке проблем патопсихологии А.В.Петровский придает школе И.П.Павлова, в которой в конце 20-х – начале 30-х гг. XX века был выдвинут ряд конструктивных принципов (в частности, идея двух сигнальных систем, учение о типах высшей нервной

деятельности). Также подчеркивается роль воззрений Л.С.Выготского, инициировавших после методологических дискуссий начала 30-х гг. прошлого века изучение смыслового и системного строения психической деятельности в ее развитии и распаде, ставшее впоследствии основным содержанием патопсихологических исследований, в частности, в работах Б.В.Зейгарник и А.Р.Лурия. В более поздней работе А.В. Петровского «Вопросы истории и теории психологии» (1984), к сожалению, можно встретить лишь упоминание таких отраслей психологии, как патопсихология и дефектология, поскольку основное внимание автора сосредоточено на анализе методологических проблем общей психологии [54]. Отмечая возобновление разработок прикладной проблематики в психологии на рубеже 80–90-х гг. XX века, А.В.Петровский и М.Г.Ярошевский (1996) в качестве примера «поворота психологии к нуждам практики», приводят «психологию, занимающуюся отклонениями от нормы и ее вариантами» – нейропсихологию и психоневрологию [57]. Представляется использование термина «психоневрология» здесь не вполне корректным. Данное понятие было введено еще в начале XX века В.М. Бехтеревым для обозначения нового научного направления, призванного создать целостное учение о человеке и включавшего анатомию и физиологию нервной системы, неврологию, психиатрию, психологию, философию, социологию, педагогику [1]. Термин, поддерживаемый учениками и последователями В.М. Бехтерева, был широко распространен в нашей стране до начала периода репрессий и гонений на психологическую науку в 30-е гг. XX века.

Лишь в коллективной монографии о развитии основных психологических школ и направлений в Московском университете (2007), можно не только ознакомиться с историей нейропсихологической школы А.Р.Лурия [69] и материалом, посвященным патопсихологии как ветви клинической психологии [49], но и встретить упоминание некоторых примечательных исторических фактов. Так, А.Н.Ждан пишет, что уже в 1921 году в Московском университете была образована кафедра медицинской психологии, которой заведовал А.Н.Бернштейн [20]. Отмечая процесс дифференциации университетского психологического научного знания в первые десятилетия XX века, появление новых предметов, соответствующих отраслям психологического знания, наряду с судебной психопатологией, общей психопатологией, педагогической психологией автором указана и патологическая психология [20].

Можно заключить, что вопросы, связанные с формированием отечественной медицинской психологии, не отражены в истории психологии. Очевидно, что изучение истории возникновения и развития отечественной медицинской психологии как структурной формы отечественной психологии может иметь несомненную теоретическую значимость для всей психологической историографии, в которой к числу ведущих направлений анализа специалисты относят рассмотрение истории психологической науки с точки зрения ее состава и структуры [74]. Анализ истории развития отдельных отраслей психологии, по мнению В.А.Якунина, дает возможность показать, как исторически складывалась система психологической науки, определить ее современ-

ную структуру, установить исторические закономерности дифференциации и интеграции психологических знаний, предсказать возможные междисциплинарные связи психологии в будущем.

В специальной литературе по медицинской психологии основное ее содержание как самостоятельной научной дисциплины впервые было представлено в 1966 году в монографии В.Н.Мясищева (написанной в соавторстве с М.С.Лебединским) «Введение в медицинскую психологию». Указывая на тесную связь истории медицинской психологии с развитием психиатрии и накоплением знаний о мозге, авторы коротко освещают эволюцию представлений о психических нарушениях и методах психотерапии, а также естественнонаучные данные нейрофизиологии, как основы понимания нормальных и патологических явлений в материалистической медицинской психологии. Отечественная медицинская психология представлена упоминанием имен известных психологов и психиатров [48].

Изданный в 1967 году первый отечественный учебник по медицинской психологии [7] также содержит краткий исторический очерк о развитии материалистических представлений о психике в психологической науке, начиная с эпохи античности. Исходя из содержания приведенных исторических сведений, можно сделать вывод, что авторы связывают выделение медицинской психологии как отрасли психологической науки с первыми экспериментальными работами по исследованию психически больных. Достижения экспериментальной медицинской психологии дореволюционного периода, основанной на позициях ме-

тафизической функциональной психологии, оцениваются авторами весьма скромно. На данном историческом этапе подчеркивается значение проникнутых гуманизмом передовых врачебных взглядов основоположников клинической медицины (И.Е.Дядьковского, С.П.Боткина, М.Я.Мудрова, Г.А.Захарьина, Н.И.Пирогова, В.П.Образцова и др.), определивших значительные успехи в развитии медицинской деонтологии [7]. По мнению В.М.Банщикова и соавторов, ценные экспериментально-психологические работы, выполненные с позиций диалектического материализма, с учетом взаимосвязи и взаимообусловленности психических процессов в деятельности человека появляются в советский период.

В работе В.Н.Мясищева, Б.Д.Карвасарского, С.С.Либиха, И.М.Тонконового «Основы общей и медицинской психологии» (1968) развернутых исторических сведений нет. Подчеркивается, что «советская медицинская психология исходит из неразрывного единства психического и соматического, из тесного взаимодействия личности с окружающей средой, понимает психику как продукт деятельности высокоорганизованной материи – человеческого мозга». В связи с этим положением упоминаются имена известных отечественных клиницистов и физиологов, подчеркивавших ведущую роль психической деятельности в течении физиологических и патологических процессов [51]. Б.В.Зейгарник, разработавшая теоретические основы отечественной патопсихологии, подчеркивала своеобразие формирования данной отрасли в России, ее отличие от западной клинической психологии. Но в работе ученой (1986) исторические сведения

ограничены формированием патопсихологии [33].

На основании анализа литературы, в которой предпринимаются попытки изложить обстоятельства возникновения медицинской психологии в России, данная дисциплина зародилась в психоневрологии, в работах физиологов и психиатров 80–90-х гг. XIX в., что было связано с созданием первых лабораторий при психиатрических клиниках, в которых предпринимались попытки экспериментальных исследований психических явлений в практических целях – для понимания причин психических и нервных болезней, их диагностики и лечения [12; 30; 33; 35; 36; 58; 73]. В решении практических клинических задач, с опорой на научно верифицированное знание о механизмах нервно-психической деятельности человека, рождались идеи, которые в дальнейшем приобретали форму обоснованных концептуальных построений.

Историческое значение данного этапа становления молодой психологической науки оценивается неодинаково различными исследователями, что можно рассматривать в контексте обсуждаемых А.Л.Журавлевым негативных следствий междисциплинарности [29]. Подробно рассматривая проблемы междисциплинарных исследований в психологии, ученый в частности проанализировал обусловленные ими трудности и ограничения. К подобным «издержкам» А.Л.Журавлев относил возможность редукции психических явлений к непсихическим, а также плюралистичность получаемого знания. Являясь типичной для междисциплинарных исследований, множественность знания порождает сложности его интеграции вследствие низкой

совместимости используемых языков разных наук, недостаточного уровня понимания между специалистами [29]. В обсуждаемом контексте подобная плюралистичность, связанная с нечеткостью статусных границ клинической психологии, имеет самое непосредственное отношение и к историческому анализу ее развития.

Так, для большинства специалистов с базовым медицинским образованием традиционным и даже принципиальным является мнение, что в развитии клинической психологии ведущую роль сыграли прогрессивные психиатры, неврологи и психофизиологи [1; 5; 12; 36]. Подчеркивается независимость исторического формирования медицинской психологии от психологии, «восходящей к гуманитарно-философской традиции» [2]. Некоторые исследователи становление всей отечественной медицинской психологии связывают в большей мере с конкретным вкладом сотрудников и профессоров кафедры душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии [71]. Действительно, анализируют психологи, клиническая психология зарождалась в противовес академической психологии XIX столетия в связи с задачей применения психологических знаний [35]. Однако здесь речь идет не только о внешнем факторе (в виде наличия объективных практических потребностей) зарождения междисциплинарности в психологии. Как подчеркивается, уже в указанный период придавалось важнейшее теоретико-методологическое значение изучению патологии психики для развития общей теории психического, а также решения проблемы соотношения и определения психической нормы и патологии, которую иссле-

дователи безусловно относят к разряду фундаментальных в психологической науке [35; 68]. Возрастание социальной значимости психологии в конце XIX – начале XX вв., которое стимулировало ее развитие и укрепляло научные позиции, также способствовало формированию прикладных отраслей [59], и в частности, – медицинской психологии [63].

Не отрицая исторической роли психиатров в развитии клинической психологии, особенно в начальный период ее развития, психологи высказывают мнение о некорректности утверждения, согласно которому психиатры «разрабатывали» клиническую психологию [30]. Б.Г.Ананьев подчеркивал связь методологических основ всей передовой русской науки с русским философским материализмом, которая наиболее ярко обнаруживается в развитии нервной физиологии [6]. В формировании научной психологии в России (как и всей передовой науки) в русле естественнонаучной философской традиции участвовали многие выдающиеся учёные различных областей, утверждал Б.Г.Ананьев. Очень важно в этой связи обратиться к уточнению понятия «естественнонаучная», которое делает В.А.Мазиллов [43]. По мнению ученого, указанное определение отражало в начале XVIII века направленность на построение психологии как системы научного знания в соответствии с ключевыми характеристиками естественной науки, а не узко понимаемое стремление основываться в исследованиях на данных физиологии [43]. Отмечается, что естественнонаучная парадигма, являясь одной из основных и исторически первых в современной психологии, конституировала научную психологию. Ут-

верждая изначальную междисциплинарность проблемы изучения психических феноменов, следует признать, что в данном вопросе не может быть монополии как у психологической науки [29], так и у медицинской. Необходимо также подчеркнуть актуальность имеющей фундаментальный характер для философии науки проблемы разработки методологических подходов не только к самим междисциплинарным исследованиям, но также к их историческому изучению [15].

Возвращаясь к обзору специальной литературы по клинической психологии, отдельно хотелось бы отметить монографию «Методологические проблемы медицинской психологии» К.К.Платонова (1977), в которой нивелируются обозначенные междисциплинарные противоречия, поскольку взаимоотношения психологии и медицины в их историческом развитии анализируются автором системно: с позиций философии, медицины и психологии. Видимо, не случайно до настоящего момента указанная монография остается программной работой для деятельности клинических психологов [64]. Существенным достоинством ее также является наличие большого литературного перечня отечественных публикаций по фундаментальным и частным проблемам медицинской психологии с начала XIX века. Заслуживает внимания исторически ценный исследовательский материал в статьях В.А.Журавеля, в котором обилие фактических данных, стройное изложение сочетается с попыткой анализа логики развития клинической психологии в России [21–28]. Оригинальный материал И.Е.Сироткиной [65] расширяет сложившиеся традиционные представления о развитии психологических исследований

в психиатрических клиниках, углубляет понимание причин «глубинных методологических рассогласований» и противоречивых отношений клинической психологии с медициной и психологией [53], возникших еще в прошлом веке и сохраняющихся до настоящего времени. Необходимо отметить также ряд исторических публикаций представителей Санкт-Петербургской школы клинической психологии [1; 11; 13].

Интерес представляют также немногочисленные статьи, посвященные отдельным проблемам и событиям в истории российской клинической психологии. Так, Н.С.Курек на достаточном фактическом материале выявил и обозначил следующие направления направлений отечественной медицинской психологии 20-30-х гг. XX века (клинический психоанализ, дифференциальная тестологическая патопсихология, этнологическая патопсихология, гештальт-патопсихология), показал довольно интенсивное их развитие в России [39]. Историю медицинской психологии указанного периода автор освещает на основе модели «большой репрессированной науки». В контексте влияния идеологии на развитие науки автор анализирует выделенные аспекты медико-психологических исследований, которые могли обусловить государственный запрет тестов и зарубежных психологических теорий [39]. Статья В.А.Урываева и В.А.Журавеля знакомит с основными положениями доклада П.П.Викторова, прозвучавшего на первом съезде российских психиатров в Москве в 1887 году [67]. По мнению авторов, в указанном докладе, отражающем широкий психопрофилактический взгляд на проблему здоровья и болезни, впервые

проблема личности представлена как основополагающая для медицины. Авторы придают важное значение высказанному ученым призыву разрабатывать клиническую психологию, понимаемую им как учение о состоянии и переменах личности и включающую проблемы пограничных нервно-психических состояний и их профилактики, а также изучение влияния психических факторов на возникновение соматических заболеваний [67].

Несмотря на предпринимаемые некоторыми авторами попытки определить предпосылки появления клинической психологии, выделить основные источники ее развития, в изложении исторических сведений, представленном в большинстве учебной литературы, в целом выявляется схожий, преимущественно описательный, подход к проблеме истории данной области знания в России. Пожалуй, исключением в этом смысле является учебник по клинической психологии под редакцией А.Б.Холмогоровой [35], содержащий не только методологический анализ современных концептуальных схем клинической психологии, но также исторический контекст их развития. Наряду с психодинамической, когнитивно-бихевиоральной и экзистенциально-гуманистической традицией авторы рассматривают в качестве самостоятельных оригинальные новаторские концепции клинической психологии, которые формировались в московской и ленинградской школе с 20-х гг. XX века, подчеркивается их научный потенциал в современной науке. Однако более ранний период в развитии отечественной клинической психологии представлен в данном издании лишь упоминанием работ Г.И.Россолимо, Ф.Е.Рыбакова,

В.М.Бехтерева, И.П.Павлова,
А.Ф.Лазурского [35].

К сожалению, о достижениях западной клинической психологии читатель имеет возможность создать более полное представление. Несмотря на несомненные достоинства отечественной клинической психологии, «отцами клинической психологии» выступают преимущественно западные ученые: Л.Уитмер, Э.Крепелин, Э.Кречмер, Г. Айзенк [30]. Возможно, данное обстоятельство связано со стремлением российских ученых интегрировать отечественную клиническую психологию в логику развития мировой клинической психологии. В поиске общих тенденций и направлений развития необходимо сохранить преемственность собственного научного знания, что является одним из неперемных условий существования и развития науки как формы человеческого познания и профессионального института. Важно «не потерять» качественного своеобразия отечественной психологической мысли, которое всегда определялось неразрывной связью научной проблематики и достижений как с логикой научного познания, так и с общественно-историческими и социально-культурными условиями, в которых проводили свои изыскания российские ученые, а также их идеалами и ценностными ориентациями [19; 44; 59; 77].

По поводу определения времени зарождения отечественной клинической психологии существует несколько позиций, отражающих отсутствие единого методологического подхода к данной проблеме. В целом зарождение клинической психологии ряд авторов относит к эпохе античности, когда возникают первые ма-

териалистические представления о психических процессах и их нарушениях в рамках философии и медицины, формируются этико-деонтологические принципы взаимоотношений врача и больного, а также провозглашается призыв «лечить не болезнь, но больного» [16; 36; 37; 45; 47]. Непосредственное отношение к возникновению клинической психологии в России имеют следующие взгляды.

Наиболее распространенным в литературе является представление, в соответствии с которым развитие отечественной клинической психологии было обусловлено проникновением экспериментального метода в клинику, организацией первых экспериментальных лабораторий [1; 7; 25; 30; 33; 35; 50]. Привлечение в клинику душевных заболеваний и очаговых поражений мозга методов исследования из экспериментальной психологии как одного из важных инструментов сравнительной диагностики, синтез новых методов и идей с клиническим подходом послужили основой ускоренного развития новых областей знания, получивших впоследствии название патопсихологии и нейропсихологии [25]. По убеждению Б.В.Зейгарник, наиболее четкое представление о предмете и задачах патопсихологии на заре ее становления содержится в работах В.М.Бехтерева, которого Блюма Вульфовна считала родоначальником материалистически ориентированной экспериментальной психологии и основоположником патопсихологического направления в России [33].

Существует другое мнение, согласно которому клиническая психология развивалась уже в «довундтовскую эпоху», представляя особую методологию в психиатрической практике [65]. Необходимо

пояснить, что под клинической психологией понималось особое направление эмпирических исследований в трудах французских психиатров, а затем и их русских коллег, в котором аномальное состояние психики, вызванное болезнью, гипнозом или наркотическими веществами, рассматривалось как объективный «природный эксперимент». Как утверждает, «объективно-экспериментальные» исследования составляли такую же неотъемлемую часть в деятельности отечественных психиатров, как и терапевтические мероприятия [65]. По приведенным И.Е.Сироткиной данным, один из первых отечественных трудов по патопсихологии («Основы механизма душевной деятельности») был издан уже в 1885 году профессором психиатрии Харьковского университета П.И.Ковалевским [65]. Позже, в последнюю четверть XIX века, с изменением критериев объективности научного исследования, лабораторный эксперимент по «немецкой модели» становится доминирующим в психиатрических клиниках над «природным экспериментом», а клиническая (опытная) психология уступает место экспериментальной, что способствовало созданию первых экспериментально-психологических диагностических инструментов и формированию диагностического направления в психиатрии и психологии. В связи с этим выделение клинической психологии (в виде патопсихологии), связанной уже с методологически новым психологическим знанием, относят к началу XX века [62].

Следующая позиция схожа с предыдущей в рассмотрении более ранних этапов формирования клинической психологии, чем этап проникновения эксперимента

в медицинскую практику, но отличается принципиально иной оценкой. Так, истокамимедицинской психологии в России, по убеждению К.К.Платонова, являются работы основоположников самобытной русской медицины и экспертизы начала XIX века [58]. В качестве примера, подтверждающей наличие «давнишней и глубоко верной» традиции целостного рассмотрения организма человека и его личности, автор цитирует наставление Якова Виллие из одного из первых пособий по медицинской экспертизе 1806 года: «Все вышеупомянутые болезни открыты могут быть без малейшего затруднения, когда медико-хирург обратит свое внимание на душевные и телесные способности рекрута, со вниманием рассмотрит жизненные и натуральные действия и воспользуется признаками, обозначающими характер объявленных болезней» (Цит.по: [58]). Как подчеркивает К.К.Платонов, психосоматические проблемы всегда являлись предметом научного интереса русских клиницистов, отмечавших значение психологических факторов в возникновении, течении и лечении заболеваний. На наличие «завораживающих рациональных» взглядов в русской медицине о соматопсихических и психосоматических взаимовлияниях обращают внимание и другие исследователи [40]. В связи с этим представляется ошибочным ограничение вклада основоположников отечественной клинической медицины только сферой медицинской деонтологии [47]. Высказываемые М.Я.Мудровым, И.Е.Дядьковским, С. П.Боткиным, В.А.Манассеиным, Г.А.Захарьиным, А.И.Яроцким воззрения связаны не только с провозглашением и отстаиванием ими принципа целост-

ности организма больного и приоритета нервных механизмов в патологическом процессе. Труды известных клиницистов обогатили науку и в важнейших аспектах собственно медико-психологических проблем [40]. Таким образом, развитие системы взглядов на психологический аспект взаимоотношений врач – больной, которое неотделимо от истории практического врачевания в России [40], а также проникнутые духом гуманизма традиции русской терапевтической школы необходимо рассматривать в качестве одной из существенных научных предпосылок развития клинической психологии в России.

Кроме краткого описательного изложения, очевидной тенденцией большинства работ является смыкание истории становления клинической психологии с общей эволюцией психологических знаний, а также с историей экспериментальной психологии [30; 35; 50], что отражается в частности, в недифференцированном употреблении терминов «клиническая психология», «экспериментальная психология» и «прикладная психология» [36; 47]. Может сложиться представление, что развитие психологической науки фактически являлось развитием медицинской психологии, или – формирование медицинской психологии являлось прямым и однозначным следствием «приложения» экспериментального метода к клинической практике. Трудность создания научной истории клинической психологии как междисциплинарной науки обусловлена как наличием нескольких источников ее формирования, так и необходимостью разделения этапов зарождения и становления клинической психологии, выделении критериев, определяющих начало

становления клинической психологии в России, анализа его конкретных форм и направлений. В изучении истории медицинской психологии необходимо сконцентрировать внимание на определении в общем исследовательском пространстве буферной зоны, в рамках которой формировалась предметная область прикладной медицинской психологии, что позволит увидеть как сферу ее специфического интереса, так и поле совпадения интересов со смежными отраслями научного знания [52]. Анализ изменения статуса клинической психологии по мере развития ее потенциала от составляющих в лоне других дисциплин до методолого-теоретической основы биопсихосоциального видения человека предполагает определение следующих этапов:

1. Философских истоков клинико-психологической мысли.
2. Естественнонаучных предпосылок развития клинической психологии.
3. Непосредственных общественно-исторических условий.
4. Становления клинической психологии как экспериментальной науки.
5. Оформления клинической психологии в сложившуюся систему научного знания.
6. Формирования биопсихосоциального направления в человекознании.

Подводя итоги далеко не полному обзору отечественной литературы по клинической психологии, можно заключить, что история медицинской психологии не становилась предметом методологической рефлексии. Об этом свидетельствует отсутствие специальных систематических историко-психологических работ, в которых объективно и углубленно из-

учаются проблемы формирования отечественной клинической психологии и осуществляется анализ концептуальных идей и принципов, ставших методологическим основанием клинической психологии как самостоятельной отрасли психологического знания и определяющих вектор ее развития. Наличие «белых пятен» в истории клинической психологии и не до конца проанализированных явлений создает широкие возможности для их исследований.

Литература

1. Акименко М.А., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Карпова Э.Б. От психоневрологии к медицинской психологии: научная система В.М. Бехтерева и В.Н. Мясищева. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. N 4. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 27.07.2014).
2. Алехин А.Н. Медицинская психология: поле практики и задачи научной дисциплины. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2010. N 2. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 30.06.2014).
3. Алехин А.Н. О предмете медицинской психологии. Исторический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – №100. – С. 87–96.
4. Алехин А.Н. Теоретический потенциал медицинской психологии в пространстве психологических знаний // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2012. – №145. – С.18–28.
5. Алехин А.Н., Малкова Е.Е. Вклад врачей в развитие психологии в России // Высшее образование в России. – 2011. – №5. – С. 159–164.
6. Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. – М.: 1947.
7. Банщиков В.М., Гуськов В.С., Мягков И.Ф. Медицинская психология. – М.: Медицина, 1967. – 240 с.
8. Белозерцева В.И. Значение школы В.М.Бехтерева в становлении патопсихологии // Журнал невропатологии и психиатрии им.С.С.Корсакова. – 1973. – Вып.12. – С.1879–1883.
9. Беребин М.А. О статусе медицинского психолога в системе здравоохранения, недостатках системы подготовки клинических психологов и связанных с ними проблемами и перспективах. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. N 2. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 15.08.2014).
10. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. – М.: МГППУ; Смысл, 2003. – 240 с.
11. Вассерман Л.И., Журавель В.А. В.Н.Мясищев и медицинская психология // Теория и практика медицинской психологии и психотерапии (к 100-летию со дня рождения В.Н.Мясищева). – СПб.: 1994. – С. 12-26.
12. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Карварский Б.Д., Карпова Э.Б. В.Н. Мясищев и медицинская психология (к 110-летию со дня рождения и 30-летию со дня смерти) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. – 2004. – №1. – С. 22–25.
13. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Трифонова Е.А., Шелкова О.Ю. Методологические основы психологической диагностики в клинике соматических расстройств // Сибирский психологический журнал. – 2010. – №38. – С.24–28.
14. Ганнушкин П.Б. Предисловие // Каннах Ю.В. История психиатрии. – М.: 1994. – С.11–14.
15. Голубкова Е.А., Мазилев В.А. Современные исследования в психологии: мультидисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность // Триединство здо-

ровья нации, качества жизни и гармоничного общества как основа устойчивого развития России в XXI веке: Материалы международного конгресса 12–14 сентября 2014 г., том I. – М., Кострома: КГУ им.Н.А.Некрасова, 2014. – С.334-342.

16. Гройсман А.Л. Медицинская психология: Лекции для врачей слушателей курсов последипломного образования. Часть 1. – М.: Магистр, 1995.

17. Деларю В.В. Клиническая психология и медицинская психология: соотнесение понятий. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. <http://medpsy.ru/library/library004.php> (дата обращения 25.08.2014 г.).

18. Еникеев М.И. История развития психологии: учебное пособие. – М.: ПРИОР, 2001. – 64 с.

19. Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности. М.: Российское педагогическое агентство, 1997. – 442 с.

20. Ждан А.Н. Становление системы психологического образования и развитие научных исследований (60-е гг. XIX в. – конец 10-х гг. XX в.) // Психология в Московском университете: 1755-2005. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2007. – С.19-46.

21. Журавель В.А. Владимир Федорович Чиж как психолог (1855–1922): малоизвестные страницы жизни и научного творчества (к 150-летию со дня рождения) // Обзорные психиатрии и медицинской психологии им.В.М.Бехтерева. Часть 1. – 2005. – №1. – С.27–29.

22. Журавель В.А. Владимир Федорович Чиж как психолог (1855–1922): малоизвестные страницы жизни и научного творчества (к 150-летию со дня рождения) // Обзорные психиатрии и медицинской психологии им.В.М.Бехтерева. Часть 2. – 2005. – №2. – С.24–26.

23. Журавель В.А. К истории нейропсихологии (О начале применения психологических методов исследования в клинике очаговых поражений головного мозга в России) //

Нейропсихологические исследования в неврологии, нейрохирургии и психиатрии. – Ленинград: 1981. – С.52–55.

24. Журавель В.А. О применении методов научной психологии в период их становления к изучению детей и подростков // Медико-психологические аспекты реабилитации детей с психическими заболеваниями. – Ленинград: 1978. – С.16-22.

25. Журавель В.А. О развитии медико-психологических методов и значении их для профилактики нервно-психических расстройств в России // Проблемы профилактики нервных и психических расстройств. – Ленинград: 1976. – С.21–24.

26. Журавель В.А. Об одном из подходов к изучению общения в отечественной психоневрологии // Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания: Научные труды. – Краснодар: 1977, вып.235. – С.61–69.

27. Журавель В.А. Роль А.Ф. Лазурского в создании отечественной медицинской психологии // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1977. – Вып. 6. – С. 920–923.

28. Журавель В.А. Формирование двух направлений экспериментального исследования в медицинской психологии // Психологические проблемы психогигиены, психопрофилактики и медицинской деонтологии (медико-психологические исследования). – Ленинград: 1976. – С.45-46.

29. Журавлев А.Л. Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. – 2002. – №6. – С.83–88.

30. Залевский Г.В. Введение в клиническую психологию: учеб.пособие для студ. учреждений высш.проф.образования. – М.: Академия, 2012. – 208 с.

31. Зверева Н.В., Рощина И.Ф., Каримуллина Е.Г. Медицинская (клиническая) психология: научные проблемы, практическая деятельность и вопросы подготовки специалистов. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч.

- журн. 2009. N 1. URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (дата обращения: 25.08.2014).
32. Зейгарник А.В. Блюма Вульфевна Зейгарник (попытка воспроизведения жизненного пути) // Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – №4. – С.182–193.
33. Зейгарник Б.В. Патопсихология. – М.: Изд.Московского университета, 1986. – 286 с.
34. Каннабих Ю.В. История психиатрии. – М.: 1994. – 528 с.
35. Клиническая психология: в 4 т.: учебник для студ.высш.учеб.заведений / Под ред. Холмогоровой А.Б. – Т.1: Общая патопсихология. – М.: Академия. – 2010. – 464 с.
36. Клиническая психология: Учебник для вузов / Под ред. Карвасарского Б.Д. – 4 изд. – СПб.: Питер, 2011. – 864 с.
37. Клиническая психология: Учеб.-метод. пособие [Электронный ресурс] / Сост. Карташова К.С. – Электрон. дан. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т. – 2012.
38. Кремлева О.В. Интеграция медицинской психологии в медицину: чья это проблема? [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. N 1. URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (дата обращения: 27.07.2014).
39. Курек Н.С. История советской медицинской психологии в 1920-1930 гг. // Психологический журнал. – 2011. – №4. – С.95–106.
40. Лакосина Н. Д., Ушаков Г. К. Медицинская психология. – 2 изд. – М.: Медицина, 1984. – 272 с.
41. Мазиллов В.А. В.Н.Мясищев: в начале творческого пути // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции. – Владимир–Москва: 2013. – С.26-30.
42. Мазиллов В.А. История психологии: необходим новый историко-методологический подход // Ярославский психологический вестник. – 2001. – Вып.5. – С.8–13.
43. Мазиллов В.А. Психология XXI века: парадигмы. От конфронтации через диалог к взаимопониманию // Психология XXI столетия. Новые возможности: Сборник по материалам ежегодного Конгресса. – Новосибирск, Ярославль: МАПН, 2014. – СС.23-44.
44. Марцинковская Т.Д. История психологии: Учеб.пособие для студентов высш. учеб. завед. – М.: Академия, 2004. – 544 с.
45. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология. Практическое руководство. – М.: МЕДпресс, 1998. – 592 с.
46. Мягер В.К., Соловьева С.Л. Основные направления развития отечественной клинической психологии // Вестник клинической психологии. – 2003. – Т.1. – С.6–10.
47. Мягков И.Ф., Боков С.Н., Чаева С.И. Медицинская психология: пропедевтический курс. Учебник для вузов. – 2 изд. – М.: Логос, 2003. – 320 с.
48. Мясищев В.Н., Лебединский М.М. Введение в медицинскую психологию. – Ленинград: Медицина, 1966. – 432 с.
49. Николаева В.В. Патопсихология в Московском университете: школа Б.В.Зейгарник // Психология в Московском университете: 1755–2005. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2007. – С.215-226.
50. Орлова Е.А., Колесник Н.Т. Клиническая психология: учебник. – М.: 2011. – 363 с.
51. Основы общей и медицинской психологии / Мясищев В.Н., Карвасарский Б.Д., Либих С.С., Тонконогий И.М., – М.: Медицина, 1968. – 214 с.
52. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / СПб.: СПбГУП, 1999. – 592 стр.
53. Пережигина Н.В. Становление клинической психологии и формирование объективного клинко-психологического метода в России // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 2. – М.: Институт психологии РАН, – 2012. – С.111-113.
54. Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. – М.: Педагогика, 1984. – 272 с.

55. Петровский А. В. История советской психологии. Формирование основ психологической науки. – М.: Просвещение, 1967. – 368 с.
56. Петровский А.В. Психология в России: XX век. – М.: УРАО, 2000. – 312 с.
57. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т.1. – Ростов-на-Дону: 1996. – 416 с.
58. Платонов К.К. Методологические проблемы медицинской психологии. – М.: 1977. – 95 с.
59. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. Брушлинского А.В. – М.: ИП РАН, 1997. – 576 с.
60. Пушкина Т.П. Медицинская психология. – Новосибирск: Научно-учебный центр психологии НГУ, 1996.
61. Рамуль К. А. Из истории психологии. – Тарту: 1974. – 120 с.
62. Репина Н.В., Воронцов Д.В., Юматова И.И. Основы клинической психологии. – Ростов–на–Дону: Феникс, 2003. – 480 с.
63. Роговин М.С. Введение в психологию. – М.: 1969. – 383 с.
64. Русина Н.А. Клинический психолог в системе здравоохранения: проблемы, реалии, перспективы. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. N 1. URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (дата обращения: 27.07.2014).
65. Сироткина И.Е. Психология в клинике: работы отечественных психиатров конца прошлого века // Вопросы психологии. – 1995. – № 6. – С. 79–92.
66. Труды по истории русской психологической мысли: вторая половина XIX – начало XX века / Будилова Е.А., под ред. Журавлева А.Л., Кольцовой В.А., Артемьевой Т.И. – М.: Наука, 2008. – 390 с.
67. Урываев В.А., Журавель В.А. Клиническая психология как учение о «состоянии и переменах личности»: доклад П.П. Викторова на Первом съезде отечественных психиатров (1887) [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – N 4 (15). – URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 20.06.2014).
68. Холмогорова А.Б. Клиническая психология и психиатрия: соотношение предметов и общие методологические модели // Психология: современные направления междисциплинарных исследований. Материалы научной конференции, посвященной памяти А.В.Брушлинского. – 2003. – С.80-92.
69. Хомская Е.Д. А.Р.Лурия – основоположник отечественной нейропсихологии и отечественной нейропсихологической школы // Психология в Московском университете 1755 – 2005. – М.: МГУ им.М.В.Ломоносова, 2007. – С.179-199.
70. Хомская Е.Д. Клиническая психология и нейропсихология: целое и часть? // Вопросы психологии. – 2003. – №5. – С.33–46.
71. Чудиновских А. Г. Становление медицинской психологии в России: историко-методологические аспекты // Клиническая психология: теория, практика и обучение. Материалы международной научно-практической конференции 30 сентября – 1 октября 2010 г. – СПб.: НП Стратегия будущего, 2010. – С.36-39.
72. Шульц Д., Шульц С. История современной психологии. – СПб.: Евразия, 1998. – 528 с.
73. Щелкова О.Ю. Основные направления научных исследований в Санкт-Петербургской школе медицинской (клинической) психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – Серия 16, вып.1. – С. 53–90.
74. Якунин В.А. История психологии: Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 379 с.
75. Ярошевский М.Г. В школе Курта Левина. Из бесед с Б.В.Зейгарник // Вопросы психологии. – 1988. – №3. – С.172-179.
76. Ярошевский М.Г. История психологии. – М.: 1966. – 565 с.
77. Ярошевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX века:

Учеб.пособие для высших учебных заведений. – М.: 1996. – 416 с.

78. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития

психологической науки. – М.: Политиздат, 1971. – 368 с.

*Кашанов М.М. (г. Ярославль, Россия),
Билык Е.В. (г. Владимир, Россия)*

«СЮЖЕТ КОНФЛИКТА» КАК МЕТОД ДИНАМИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАРРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 13-06-00707а)

Аннотация: Метод сюжет конфликта основан на предположении о том, что конфликт возникает именно тогда, когда ситуация воспринимается участниками как конфликтная. Актуализируется «образ конфликтной ситуации» как организованная репрезентация конфликтной ситуации в системе знаний субъекта. Конкретные образы конфликтной ситуации, а не сама реальность являются непосредственной детерминантой конфликтного поведения участников.

Ключевые слова: конфликт, моделирование, метод, нарратив

Abstract:

The story of the conflict is based on the assumption that a conflict occurs when the situation is perceived by participants as a conflict. Updated image of a conflict situation «as organized by the representation of the conflict situation in the system of knowledge of the subject. Specific images of the conflict situation, not the reality are the immediate determinant of conflict behaviour.

Key words:

conflict simulation, narrative method

В современной социальной психологии большое внимание исследователей уделяется разработке практических методов работы с конфликтами. Например, разрешение конфликтов в организации (между руководителем и подчиненным, между сотрудниками, между руководителями в организациях, школах). Однако обнаруживается недостаток практических методов и приемов консультирования по вопросам разрешения значимых противоречий. Так, одной из задач нашего исследования ставилось создание эффективного практического метода разрешения межличностных конфликтов в практике специалиста психолога.

Для решения поставленной задачи, мы обратились к такому направлению, как нарративная психология. В основе нарративного подхода лежит представление о том, что реальность не существует объективно, а непрерывно конструируется во взаимодействии людей друг с другом. В основу нарративного подхода легло утверждение, что функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их нарративной, повествовательной природы [12].

Дж. Брунер концептуализировал нарратив и, применив к нему конструктивистский подход, выдвинул тезис о

взаимном влиянии прожитой жизни и рассказа о ней. Такие исследователи как К. Герген, М. Герген, Д.П. Мак Адамс, Д.Е. Полкинхорн, Г. Розенталь, В. Фишер-Розенталь утверждают, что нарратив как по форме, так и по содержанию соответствует конструируемой идентичности человека [11].

Как отмечает Е.И. Крукович [11], рассказчик (клиент) зачастую селекционирует информацию, следует имплицитному правилу «сгущения» и останавливается только на тех моментах, которые считает важными, поскольку время повествования всегда ограничено. Стремление к целостности и законченности побуждает его завершать каждый эпизод и повествование в целом, таким образом, исследователь получает целостный образ ситуации, что позволяет делать выводы о структуре жизненного опыта клиента.

Одним из методов нарративной психологии является нарративное интервью. D. Bertaux и M. Kohli, выделяют два этапа в процессе проведения такого интервью: этап повествования и этап «вопросания», когда исследователь уточняет значимые детали. Как указывает Е.И. Крукович, вопросы такого интервью делятся на нарративные и «внешние». Нарративные вопросы хронологически организованы, ориентированы на нюансы рассказанной истории и побуждают к новым рассказам о жизни, а «внешние» (инициируемые интервьюером) направлены на выяснение тем, интересующих интервьюера и не упоминавшихся рассказчиком, а также причин поступков или событий. Эти вопросы могут быть заданы только в самом конце второго этапа в том случае, когда исследователь хочет получить дополнительную информацию.

Одним из основных приемов нарративного подхода является экстернализация. Когда проблема рассматривается не как внутренняя характеристика личности, а как некая внешняя воображаемая живая сущность, вмешивающаяся в ее жизнь. Проблеме дается название, определяются ее границы, степень взаимовлияния человека и проблемы, длительность, распространенность, интенсивность. Основанием такого метода является предположение о том, что корни проблемы лежат в окружающих человека дискурсах, «наносятся» на жизнь отдельной личности извне, посредством процесса взаимодействия в контексте.

Описание конфликтной ситуации клиентом зачастую превращается в вербализацию собственных чувств, поиск доказательств неправоты оппонента и т.п. Такая «история» вряд ли имеет конструктивный потенциал разрешения, тогда как случившаяся конфликтная ситуация подразумевает наличие многих вариантов разрешения. Для того чтобы определить истинное противоречие и «отделить» личность от проблемы, путем структурированного повествования, был разработан практический метод разрешения социальных межличностных конфликтов – «Сюжет конфликта».

Метод не имеет возрастных и половых ограничений. Может применяться как в стандартной форме – рассказа, написанного клиентом во время консультации или в качестве домашнего задания. А так же, при необходимости, в форме разыгрывания ситуаций самим клиентом или с использованием кукол, игрушек и т.п.; в форме рисунка, с изображением конфликтной ситуации, сопровождаемого устным рассказом. В последних двух

случаях психологу рекомендуется кратко записывать рассказ клиента в соответствии с предложенной схемой.

Понятие «сюжет» (от франц. *sujet*) – предмет, тема представляет собой отражение динамики действительности в форме развертывающегося в произведении действия, в форме внутренне-связанных (причинно-временной связью) поступков персонажей, событий, образующих известное единство, составляющих некоторое законченное целое. В качестве основания для описания конфликта, нами был выбран именно сюжет, по ряду причин. Во-первых, как указывается в литературной энциклопедии, сюжет включает в себя только такую динамику, которая дается в виде объективно совершающегося действия, события [10]. Во-вторых, сюжет, являясь основой драматических и повествовательных произведений, представляет собой по выражению Аристотеля «подражание не людям, но действию и жизни», цель которой – «какое-нибудь действие, а не качество» и для которой сюжет «есть основа и как бы душа» [10]. В отличие от лирических произведений, где движение «выступает не как развертывание цепи событий, случающихся с персонажами и связанных причинно и во времени, но часто как смена эмоций, идей, настроений, переживаний субъекта, вызванных явлениями действительности» [10].

Рассматриваемый метод основан на предположении о том, что конфликт возникает именно тогда, когда ситуация воспринимается участниками как конфликтная. Возникает, так называемый «образ конфликтной ситуации», который определяется М.М. Кашаповым, как организованная репрезентация конфликтной

ситуации в системе знаний субъекта [3-9]. Л.А. Петровская указывает, что конкретные образы конфликтной ситуации, а не сама реальность являются непосредственной детерминантой конфликтного поведения участников [13]. Образы конфликтной ситуации определяют набор возможных действий, предпринимаемых сторонами. Действия противоборствующих сторон в большой степени влияют друг на друга, взаимообуславливаются, следовательно, в любом конфликте приобретают характер взаимодействия. А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов [1] выделяют четыре степени соответствия образа конфликтной ситуации: конфликтная ситуация объективно существует, но не осознается; объективная конфликтная ситуация существует, но стороны неадекватно воспринимают ситуацию как конфликтную; объективная конфликтная ситуация отсутствует, но отношения сторон ошибочно воспринимаются как конфликтные; конфликтная ситуация объективно существует, по ключевым характеристикам адекватно воспринимается участниками.

Обычно конфликтная ситуация характеризуется значительной искаженностью и неопределенностью. Именно эта «неопределенность» исхода является необходимым условием возникновения конфликта, ибо только в этом случае в конфликт могут вступать те его участники, которые с самого начала обречены на поражение.

На основе обобщения полученных нами эмпирических данных разработан метод динамического моделирования [1-9], позволяющий установить механизмы функционирования конструктивной событийности субъекта в различных состояниях метакогнитивной, когнитивной,

эмоциональной и волевой напряженности. Актуализация данных механизмов обуславливает выход субъекта на продуктивные виды коммуникативной деятельности благодаря креативности в качестве состояния открытости как для своего внутреннего, так и для межличностного опыта. Эти механизмы выполняют эвристические и профилактические функции, а также являются буферными силами личности, поскольку не позволяют негативным воздействиям разрушить личность.

Обогащение личности происходит в процессе творческого принятия возникающих противоречий и затруднений. Такое принятие позволяет видеть новые развивающие возможности конфликта. Именно благодаря конструктивному управлению конфликтом ситуация трансформируется в Событие. Этот процесс связан с приобретением новых позитивных смыслов. Успешная актуализация конфликтной компетентности повышает эффективность творческого процесса, направленного на создание событийности как основы продуктивных личностных изменений.

Метод основан на метакогнитивном процессе распознавания, классификации и верификации проблемно-конфликтных ситуаций, а самое главное – на выявлении особенностей трансформации возникшей конфликтной ситуации в желаемое событие и поиск оптимальных средств управления такой трансформацией.

Реализация данного метода способствовала выявлению и описанию следующих общепсихологических механизмов функционирования конструктивной событийности: операционные (Каким образом?); функциональные (Для чего?);

диагностические, преобразовательные (Как?); уровневые (Каковы актуальные/перспективные параметры осмысления ситуации?); личностные, субъектные (Кто?); деятельностные (Что?).

Событийность мышления в контексте динамического моделирования выражается в готовности строить конструктивные отношения с партнером по общению, стремлении к сотрудничеству в процессе взаимодействия, самоанализе своих умственных и практических действий. Установлено, что ситуация тогда приобретает событийное значение, когда она воспринимается как ценностно-значимая. Такая ситуация эмоционально остро переживается человеком. Утрата, обесценивание смысла данного события может вызвать кризис и привести к дезорганизации поведения и деятельности личности, к нарушению смыслообразующей функции мышления. Согласно «модели динамического моделирования» - проблему не решают, а конструктивно работают с ней. В проблеме, как осознанном противоречии, выявляются перспективные линии его развития, открывающие новые возможности для сотрудничества в условиях возникшего конфликтного взаимодействия.

Создание когнитивного напряжения, т.е. некоторой состоятельности, достижимости при открытых возможностях продвижения, выводит профессиональное мышление большинства субъектов на оптимальный уровень. Моделирование имеет базовую структуру, состоящую из трех звеньев: завязки (имитации проблемно-конфликтной ситуации затруднения в реальном действии); кульминации (выявление причин затруднения) и развязки (поиска путей их конструктивного, творческого преодоления).

Процесс моделирования проблемной ситуации при решении ситуационных задач имеет ряд особенностей, отличающий их от традиционно используемых заданий. В результате формирования различных ситуационных концептов, определяющих характер неизвестного, субъекты выделяют в качестве существенных разные признаки ситуации. В ходе непрерывного процесса переформулирования задачи проблемная ситуация у разных людей приобретает различное смысловое содержание. При решении практических задач особую ценность в процессе построения ситуационного концепта и, соответственно, развития проблемной ситуации имеют определенные признаки. К ним можно отнести следующие: избирательность – существенное для одних является не существенным для других, процессуальная обусловленность – признаки, значимые на начальных стадиях решения теряют значимость на последующих; контекстная обусловленность – значимость признаков непрерывно меняется в зависимости от контекста и развития ситуации, а также от целей субъекта. Для возникновения проблемной ситуации важно не только осознание субъектом противоречий, но и осознание необходимости поиска средств разрешения этих противоречий. Возникновение проблемной ситуации составляет важную закономерность творческого мышления, его начальный момент. Знание причин возникновения рассогласований в профессиональной деятельности позволяет своевременно разработать меры по их предупреждению, повысить тем самым уровень профессионализма в разрешении проблемных ситуаций. Актуализация проблемной ситуации побуждает

мысль к поиску недостающей информации, ее анализу и синтезу. Существенную роль в оптимизации мыслительной деятельности играет осознание следующих черт проблемных ситуаций: наличие у субъекта потребности в их решении; поиск принципиально новых, ранее не применяемых способов. Проблемные ситуации порождают у субъекта потребность в выработке различного рода внутренних регуляторных схем, позволяющих более эффективно организовывать свои мыслительные действия. Одной из самых универсальных схем такого порядка является рефлексия, так как одной из её функций является именно творческая саморегуляция процессов мышления [2].

Субъект оценивает себя как способного решить данную проблемную ситуацию и оценивает проблемную ситуацию как решаемую. Решить проблемную ситуацию – значит найти неизвестное, которое всегда имеет какую-либо степень обобщения, что впоследствии будет позволять использовать найденное решение в подобных ситуациях. Наличие некоторого уровня обобщенности связано с тем, что необходимый механизм – творчество работает не столько с конкретным содержанием, сколько с особенностями мышления (например, способами мышления), носящими универсальный характер. Основная направленность творческого мышления характеризуется «схватыванием нити», ведущей к оптимальному разрешению узловой проблемы. В этой связи трудно не согласиться с Галилеем: «Если ты возьмешь явление в системе, то увидишь в нем то, чего раньше не видел».

Проблемная ситуация требует полного включения личности в процесс её

решения. Успех решения зависит как от интеллектуальных знаний, так и от индивидуальных особенностей, ценностных ориентаций, а так же от адекватной или неадекватной позиции, занимаемой субъектом по отношению к решаемой ситуации. Отказ от задачи, уход от решения, игнорирование сложностей могут рассматриваться как неадекватная личностная профессиональная позиция.

Существуют специфичные черты профессиональных ситуаций, которые с одной стороны способствует возникновению проблемности, а с другой затрудняют осуществление рефлексивного выхода и творческого анализа. К ним, на наш взгляд, относятся:

- Постоянная необходимость, выявления учета и соотнесения ситуативных и надситуативных характеристик профессиональной деятельности.

- Ситуации, возникающие в ходе работы субъекта всегда сложны, многоаспектны, изменчивы, противоречивы и неожиданны. Для их решения необходимо адекватно ориентироваться во многих сторонах ситуации и оценивать собственные силы и возможности.

- Принятие практических решений в профессиональной деятельности неотрывно от исполнения. Необходимо избегать принципа экономии психической энергии выбирая «прежний», проверенный способ, сводя решение проблемной ситуации к ее категоризации.

- Дефицит времени, экстремальность ситуации. Субъект, взаимодействуя с другими людьми, нередко должен принимать и осуществлять решения немедленно и самостоятельно.

- Постоянная смена задач - отсутствие жестко заданных оперативных и

конкретных целей в силу постоянно меняющихся условий деятельности.

Предметом профессионального мышления субъекта является метадеятельность, т.е. деятельность, направленная на осмысление деятельности других людей. В целом, характер и содержание его мышления обуславливается содержанием и характером деятельности.

На основе предварительного учета условий и содержания конкретной ситуации перед субъектом встает несколько возможных вариантов ее решения или гипотез. Гипотеза как форма мышления и способ установления связи - это либо догадка, либо предположительное умозаключение, построенное на основе изучения некоторой совокупности фактов для объяснения их происхождения. Важно, чтобы гипотеза объясняла не часть фактов или явлений, нуждающихся в объяснении, а всю их совокупность. На наш взгляд, одним из компонентов любой ситуации является психическая активность субъекта, поскольку для человека ситуация существует прежде всего в форме представлений о ней, соответственно, ситуация с необходимостью включает в себя субъективный компонент. Любые внешние условия, если они никак не соотносятся и не репрезентируются в сознании субъекта деятельности, значимой ситуацией для него являться не будут.

Метод «Сюжет конфликта» построен на определении образов конфликтной ситуации клиента, выявлении искажений, раскрытии противоречия, лежащего в основе ситуации, сущностного «отделения» личности от проблемы. Суть метода заключается в описании клиентом конфликтной ситуации в форме рассказа, построенного на основании предложенной

схемы. В качестве элементов в данную схему включаются: экспозиция, завязка действия, развитие действия, кульминация, развязка действия. Перечисленные этапы, в свою очередь, соотносятся со стадиями конфликтных ситуаций.

В ходе рассмотрения теоретических концепций, направленных на описание конфликтных ситуаций, в качестве основания данного метода были выбраны положения, выдвинутые Л.А. Петровской [13] и Л.Н. Цой [14].

Возникновение объективной конфликтной ситуации или зарождение – экспозиция. Ее цель – представить некоторых персонажей произведения и обстановку действия. Основное сюжетное действие в экспозиции еще не начато. Экспозиция демонстрирует возможные мотивы поступков, которые произойдут впоследствии.

Осознание объективной конфликтной ситуации или созревание – завязка действия. Это событие или ряд событий, с которых начинается собственно конфликтная ситуация. Именно в завязке действия резко меняется положение участников ситуации, противоречие становится явным. Возникает понимание того, кто и почему является «противником», определяется сфера интересов, возможные союзники, при возможности создания коалиций. Именно характер завязки действия нередко предопределяет особенности дальнейшего движения сюжета конфликтной ситуации. Например, спор, резкое столкновение героев сразу определяют конфликтные отношения между ними, которые, очевидно, и будут воплощены в сюжете.

Инцидент – развитие действия. Это наиболее протяженная и сложная для ана-

лиза часть сюжета конфликтной ситуации. В развитии действия напряженность между конфликтующими сторонами нарастает, начинается открытая борьба. В процессе анализа целесообразно проследить именно этот аспект сюжета, не стремясь выявить абсолютно все события. Для того чтобы правильно определить границы развития действия, необходимо точно установить завязку действия и тот момент, в который действие достигает наивысшего напряжения. В данном пункте анализа конфликтной ситуации клиенту необходимо описать события, действия, слова и эмоции участников конфликта.

Переход к конфликтному поведению – кульминация. Это высшая точка в развитии действия, в которой конфликт достигает наивысшей остроты и напряжения. После кульминации действие неизбежно идет на спад, т.к. конфликт оказывается исчерпанным. Кульминация представляет поворотный момент в отношениях между противоборствующими сторонами. Как правило, после кульминации изменения во взаимодействии конфликтующих сторон становятся неизбежными.

Постконфликтная ситуация – развязка действия. Это завершающая часть сюжета, в которой обычно выясняется, как изменились отношения между противоборствующими сторонами, какие последствия имел конфликт. Клиенту нужно описать, что и как изменилось в его жизни, взаимодействии с людьми после окончания конфликтного взаимодействия.

И, наконец, самая сложная для описания часть рассказа, которая присутствует на каждом этапе сюжета, является определяющей частью события. Фабула – фактическая сторона повествования,

т.е. события, случаи, действия, состояния в их причинно-следственной, хронологической последовательности, которые komponуются и оформляются в сюжете на основе закономерностей, усматриваемых автором в развитии изображаемых явлений. Один из главных пунктов анализа конфликтной ситуации. Здесь должно быть отражено само противоречие, из-за которого начался конфликт, его истинная причина. Возможно, здесь клиенту понадобится помощь психолога, чтобы отделить переживания, отношение к оппоненту от истока конфликтной ситуации. Фабула представляет собой «имя проблемы», как в случае применения приемов экстернализации.

Отметим, что применение данного метода соответствует ряду правил, выдвинутых D. Bertaux и M. Kohli: владение и применение навыков активного слушания, проявление интереса к рассказу со стороны психолога. Стимулирование рассказчика продолжить повествование в том случае, если он надолго замолкает или вместо того, чтобы рассказывать о событиях, увлекается аргументированием, либо высказыванием общих суждений. После окончания рассказа следует задать вопросы о неясных моментах, опущенных или недостаточно полно описанных в рассказе. Основной смысл правил состоит в том, чтобы дать возможность рассказчику воспроизвести события своей жизни именно так, как они были им пережиты [11].

Метод «Сюжет конфликта» включает этапы повествования и вопрошания. В процессе работы с сюжетом психолог использует нарративные и «внешние» вопросы. Нарративные вопросы помогают выявить последовательность и точность

описания событий, «внешние» направлены на уточнение причин поступков и событий, определение противоречия, развязки. Таким образом, метод «Сюжет конфликта» соответствует концептуальной основе, базовым методам и приемам нарративной психологии. Может применяться в практике специалиста психолога для помощи клиенту в разрешении межличностных конфликтов, снятии эмоционального напряжения, поиске противоречия.

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилова А.И. Конфликтология: учебник для студ. вузов – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. 496 с.
2. Кашапов М.М. Теория и практика решения конфликтных ситуаций. – М. – Ярославль, 2003. 183 с
3. Кашапов М.М. Основы конфликтологии. Учебное пособие. Ярославль, Яросл. гос. ун-т. 2006. 116 с.
4. Кашапов М.М. Психология конфликтной компетентности: учеб. пособие / Кашапов М.М., Башкин М.В.: Яросл. гос. ун-т им. П.Г.Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2010. 128 с.
5. Кашапов М.М. Психология творческого процесса в конфликте. Монография. Ярославль, Яросл. гос. ун-т. 2011. 296 с.
6. Кашапов М.М. Роль творческого мышления профессионала в управлении конфликтом // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. № 4. Серия «Гуманитарные науки». № 1. 2007. С. 28-32.
7. Кашапов М.М. Обучение творческому мышлению в условиях разрешения конфликтной ситуации // Психология обучения. № 12. Декабрь 2009. С. 51-66.
8. Кашапов М.М. Творческое и профессиональное мышление в условиях конфликтной ситуации // Вестник Мордовского университета. Серия «Психологические науки». 2011. № 2. С. 32-39.

9. Кашапов М.М. Учет в медиации специфики типов реагирования на конфликт // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 16. Вып. 3. 2012. С. 31-41.

10. Литературная энциклопедия / Под ред. В.М. Фриче, А.В. Луначарского. [Электронный ресурс] // М., 1929-1939. Т.1-9, 11. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/litenc/encyclor>

11. Крукович Е.И. Нарративное интервью <http://www.psychology.su/slovar/n/>

narrativnoe_intervyu_2/

12. Нарратология: основы, проблемы, перспективы: Материалы к специальному курсу / Сост. Е.Г. Трубина // www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/courses/narratology.html.

13. Петровская Л.А. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии, М., 1977. 168 с.

14. Цой Л.Н. Практическая конфликтология. Книга первая, М., 2001. 233 с.

В.В. Козлов (Ярославль, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ХОЛИЗМА В ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ключевые слова

Философия науки, методология, теория, целостность, интеграция, холизм, система

Аннотация

Статья посвящена истории с современному состоянию целостного подхода в психологии и философии науки. Большое внимание уделено интегративной психологии, системообразующим принципом которого автор считает холизм.

Keywords

Philosophy of science, methodology, theory, consistency, integration, holism,

System Abstract

The article is devoted to the history and current state of a holistic approach in psychology and the philosophy of science. Great attention is paid to integrative psychology, systemic principle which the author considers holism.

В поиске путей того, как сделать предметом научного познания самые тонкие моменты духовной жизни человека и предельный опыт, стало необходимым решать вопросы интеграции различных направлений не только современной психологии, но и синтеза духовных традиций Востока и Запада, европейской религиозной, философской, духовной и научной традиции.

Современная философия науки прояснила природу, функцию и должное использование теорий в исследовании

различных аспектов вселенной. Оно показала те ошибки, которые допустили преобладание материалистического монизма в западной науке, а также косвенным образом в мировоззрении индустриального общества. Оглядываясь назад, нетрудно увидеть, как это произошло.

Ньютоновское представление физического мира как механической системы, в которой все полностью предопределено, в своем практическом применении было настолько успешным, что послужило моделью для всех других научных

дисциплин. “Думать по-научному” стало означать “думать в терминах механистической науки”.

История современной науки показывает, что представление материального мира, основанное на ньютоновской механике, стало полностью преобладающим в биологии, медицине, психологии, психиатрии и других дисциплинах. Эта стратегия отражала основное метафизическое положение о философском материализме и являлась его логическим следствием. Если вселенная по сути своей материальна и физика является научной дисциплиной, изучающей материю, то абсолютными специалистами в вопросе природы всех вещей считаются физики, а открытиям в других областях непозволительно вступать в противоречие с основополагающими принципами теории этой дисциплины. Неукоснительное применение этого типа логики повлекло за собой систематическое отвержение открытий во многих областях, не согласующихся с материалистическим мировоззрением.

Эта стратегия являлась серьезным нарушением основных принципов современной философии науки. Строго говоря, научные теории используют только те наблюдения, на основе которых они развились. Они не могут быть автоматически экстраполированы к другим дисциплинам. Теоретические основы, которые формулируют данные, принадлежащие конкретной области, не могут быть использованы для определения того, что возможно и что невозможно в какой-либо другой сфере, а также диктовать то, что можно, а что нельзя наблюдать в соответствующей научной дисциплине. Теории человеческой психики должны основываться не на теориях материального мира, разработанных

физиками, но на наблюдениях психологических процессов. Однако именно таким образом традиционные ученые использовали в прошлом концептуальную основу физики восемнадцатого века.

Возможно, достижение целостного представления о космосе и хаосе психического удастся психологии, если она интегрирует накопленный опыт и если у психологов не исчезнет вовсе тоска по утраченной целостности своей науки. Эту психологию мы могли бы назвать холистической в соответствии с великой традицией Аристотеля, который провозгласил качественное своеобразие и приоритет целого по отношению к его частям в своей «Метафизике».

Сокращение разрыва между мировоззрением точных наук и психологией, несомненно, представляет собой вдохновляющее явление. Однако психологи, психиатры и исследователи сознания совершили бы серьезную ошибку, если взамен старых теорий, они позволили бы новым теориям физики контролировать и ограничивать свое концептуальное мышление. Как считает Гроф, каждый исследователь должен основывать свои теоретические построения на наблюдениях из собственной области исследований. Критерием достоверности научных открытий и понятий в определенной области является не сколько их совместимость с теориями из другой области, сколько точность научного метода, при помощи которого они были получены.

Принципиальный тезис холизма - целое всегда есть нечто большее, чем простая сумма его частей, был возвращен в методологию науки в двадцатом веке герменевтикой, синергетикой и интегративной психологией.

С позиции интегративного подхода психическая реальность - это единое целое, а выделяемые нами отдельные явления и объекты имеют смысл только как часть общности, а познание целого должно предшествовать познанию его частей.

Доминирующий в современной методологии психологии взгляд, что любая система это производное частей и свойства любого объекта могут быть выведены из анализа его составляющих элементов изжил себя в теории и прикладной психологии.

В начале третьего тысячелетия психология подошла к тому рубежу, когда требуется ясное осознание того, что в науке происходит, каковы основные тенденции развития, каковы взаимоотношения основных реализуемых подходов и т.д. Необходима специальная методология психологии, интегрирующая знания и которая могла бы адекватно сложности своего предмета выстроить действенную парадигму науки. В конце 20-го века мы приложили много усилий к тому, чтобы разработать основы интегративной методологии психологической науки [4,6].

Методология является стержнем любой науки. Анализ любого сложного системного явления требует, в первую очередь, строгого соблюдения общих для всех наук и специфических для отдельной науки, или конкретной ее отрасли методологических принципов. Особенно важны методологические принципы в тех областях, которые касаются человеческого сознания и психики. Значимость методологии как совокупности принципов и способов организации теоретической и практической деятельности возрастает при работе с психикой как сложной системой [6].

Методология как рефлексивная научная опора в понимании связана с человеком в целом - в его биологическом, социальном и духовном параметрах, обусловлена совокупностью взаимосвязанных факторов, характеризующих все разнообразие человеческого поведения и взаимоотношений. На наш взгляд, методология - это не только система принципов, приемов и средств теоретического познания действительности, но также и практического воздействия на нее. Знание является «реализованной силой» в той мере, насколько оно может служить потребностям общества и личности. Методология должна быть «соизмерена» обыденностью человеческого существования и инструментально адаптирована к его проблемам жизни в обществе. Именно это является условием ее эффективности как науки социальной.

В европейской философии родоначальником интегративной психологии можно считать Иммануила Канта (1724-1804), который в своих философских трактатах высказал идею целостности природы человека, наметив иерархические уровни его психики. Философская антропология, возникшая в начале двадцатого столетия в Германии, воскресила взгляды И. Канта о единстве природы человека, однако дало им новое, отвечающее духу времени, истолкование. В это же время (в 1921 году вышла первым изданием книга Эрнста Кречмера «Телосложение и характер»), доводы о необходимости интегрального подхода к совершенствованию диагностики заболеваний и их лечению приводились со стороны психиатрии и медицины.

Интегративный подход традиционен для отечественной науки и свое высшее

проявление он находит в методологическом принципе целостности [4].

Понятие интеграции является не ново для российской психологии. Еще С.Л.Рубинштейн, Б.Г. Ананьев считали, что основным для развития личности является принцип интеграции. Учение об интегральной индивидуальности В.С.Мерлина, обосновавшее соматопсихическое единство человека при его подразделенности по определенным иерархическим уровням, и психологическая антропология Б.Г.Ананьева, перекинув мостик от психологии человека к его психофизиологии и биологии, послужили мощным стимулом для возникновения интегративной психологии. Б.Г. Ананьев писал, что «развитие действительно есть возрастающая по масштабам и уровням интеграция – образование крупных «блоков», систем или структур, синтез которых выступает как наиболее общая структура личности».

В конце 90-х годов мы основали прикладное психологическое направление, которое обозначили «интенсивные интегративные психотехнологии», которое рассматривали как систему теорий, концепций, моделей, методов, умений и навыков, которые ведут человека к большей целостности, к меньшей конфликтности, раздробленности сознания, деятельности, поведения [6].

Наше представление о человеке является новым категориальным осмыслением традиционных холистических подходов в теологии и философии. Мы не будем затрагивать огромный пласт восточной философии и духовной традиции, которая призывала сохранять целостность и чистоту мировосприятия через трансцендентный подход к реальности.

Трансцендентный подход (от латинского слова *transcendere* - выходить за пределы, проходить сквозь), принимая иллюзорность материального мира для достижения Реальности, считает нежелательным взаимодействие с его структурами. При этом усилия человека концентрируются на прохождении сквозь материальный мир к Реальности и минимальном с ним взаимодействии. Именно поэтому на протяжении всей эволюции человечества создавались некие эзотерические сообщества и закрытые религиозные социальные ниши (сангхьи, монастыри, братства, ордена, общины), чтобы создать определенную групповую субкультуру вне пределов профанической жизни. Сохранение целостности через культивирование «вей у вей» (деяние недеяния) в даосизме, дхарму Равности (невовлеченности в переживания и отношения) в буддизме являются классическими образцами той стратегии, когда снимается сама проблема интеграции и интегрированности личности, т.к. «зеркало сознания чисто» и даже самые сильные волнения-переживания «не вызывают ряби на спокойной глади озера». Предельный опыт этих традиций предполагает достижение высших уровней целостности, в гиппократовском понимании – интеграции микрокосма с макрокосмом (самадхи, нирваны, мокши). Само понятие самадхи (санскрит-*समाधि*) переводится как целостность, объединение; осуществление, завершение; собранность; совершенство. В индуизме веданты и буддизме это состояние, при котором исчезает сама идея индивидуальности, единство воспринимающего и воспринимаемого, мыслящего и мыслимого в едином процессе интеграции внешнего и внутреннего [7].

В самое последнее время в психологической теории и психотерапевтической практике наиболее актуальной является задача построения многомерной языковой среды, трансформационного пространства, в котором могли бы найти свое творческое выражение все состояния сознания и которое обеспечивало бы общение между различными его слоями. Классическим образцами данных холистических подходов являются психосинтез Роберто Ассаджиоли, расширенная карта бессознательного Стэна Грофа, интегративная психология Владимира Козлова и интегральная психология Кена Уилбера [1, 2, 4, 11].

В интегративной парадигме науки, как мы уже указывали выше, важен целостный подход, который подразумевает системный анализ предмета науки. Психология будущего является интегративной дисциплиной. Принцип целостности предполагает также системный, целостный характер самой профессиональной деятельности психолога [4].

Несмотря на редукционизм и атомизм многих направлений, психология всегда находилась в условиях выбора: притягивать к целостности или отказаться от нее.

Следует признать, что современная психология развивается за счет дифференциации предметной области, и, как следствие, все большего ухода от своей целостности и раздробленности знания и понимания самой сути психического.

Возвратить прежнюю целостность предмета психологии – души – уже вряд ли удастся. Еще Гиппократ утверждал, что «человек есть универсальная и единая часть от окружающего мира», или же «микрокосм в макрокосме».

Предельный «макркосм» современной психологии в предметной области ограничен некоей специализацией в деятельности реализации человека (человек в спортивной деятельности, человек в социальных системах, человек в организации, человек в управленческой деятельности и др.), а объяснительные модели редуцированы до ощущения, восприятия, памяти др.

На наш взгляд, интеграция макрокосма в микрокосме происходит особенно ярко в переживаниях человека, которые принято называть духовными. Духовность основывается на непосредственных переживаниях необычных измерений реальности и не обязательно требует того, чтобы контакт с божественным осуществлялся в особом месте или через официально назначенного человека. Он подразумевает совершенно особые отношения между индивидом и космосом и по сути своей является личным делом человека. Мистики основывают свои убеждения на эмпирических свидетельствах. Они не нуждаются в церквях и храмах: среда, в которой они переживают священные измерения реальности, включая свое божество – это их тело и природа, а вместо официального священника им требуется поддерживающая группа соискателей или же руководство учителя, который обладает большим опытом во внутреннем путешествии, чем они сами.

Истоком всех великих религий послужили провидческие переживания их основателей, пророков, святых, и даже обычных последователей. Все величайшие духовные писания (Веды, Упанишады, буддийский палийский канон, Библия, Коран, Новый Завет, Книга Мормонов, Авеста и многие другие)

основаны на непосредственных личных откровениях. Как только религия становится организованной, она совершенно утрачивает связь с духовным истоком и превращается в светский институт, использующий духовные нужды человека, не удовлетворяя их. Вместо этого она создает иерархическую систему, сосредоточенную на власти, контроле, политике, деньгах, обладании и на других мирских интересах [7].

Самым главным препятствием в изучении духовных переживаний является тот факт, что традиционная психология и психиатрия находятся во власти материалистической философии, и им недостает истинного понимания духовности. В подчеркнутом отвержении религии они не проводят различий между примитивными верованиями народов или буквальными фундаменталистскими толкованиями священных писаний и тщательно разработанными мистическими традициями или духовными философскими учениями Востока и эзотерическими направлениями Запада. Западная материалистическая наука огульно отрицала любые духовные понятия и виды деятельности, включая даже те, которые на протяжении многих веков основывались на систематическом интроспективном исследовании психики. Во многих из великих мистических традиций разработаны особые методы индукции духовных переживаний, и достигнуто соответствие наблюдений теоретическим выводам не хуже, чем в современной науке [7].

Современные исследования сознания поставляют многочисленные свидетельства, поддерживающие мировоззрение великих мистических традиций. В то же время революционное развитие других

научных дисциплин серьезным образом подрывает и дискредитирует механистическое видение мира, сужает разрыв между наукой и мистицизмом, казавшийся в прошлом абсолютным и непреодолимым [2].

Интересно, что многие великие ученые, произведшие революцию в современной физике – Альберт Эйнштейн, Нильс Бор, Эрвин Шредингер, Вернер Гейзенберг, Роберт Оппенгеймер и Давид Бом – находили свое научное мышление вполне совместимым с духовностью, с мистическим мировоззрением. В последние годы все большая конвергенция науки и мистицизма обсуждалась во многих книгах и статьях [3].

Очевидно, мы приближаемся к времени смены преобладающей научной парадигмы. Сейчас уже имеется богатая мозаика новых теоретических понятий с некоторыми общими характеристиками, а также факт радикального отхода от механистических моделей. Синтез и интеграция новых достижений науки будет сложной интегративной задачей и мы не сомневаемся в этой возможности. В любом случае, всеобъемлющая парадигма будущего, способная воспринять и синтезировать все разнообразие данных квантово-релятивистской физики, теории систем, нанотехнологий, исследований сознания, нейрофизиологии и нейропсихологии, мировых духовных традиций и философии науки.

Интегративная парадигма психологии – попытка построить новую целостность, которая повысит ее ценностное и смысловое измерение [4].

Принцип целостности подразумевает понимание личности как чрезвычайно сложной, открытой, многоуровневой,

самоорганизующейся системы, обладающей способностью поддерживать себя в состоянии динамического равновесия с материальной, социальной и духовной средой, производить новые структуры и новые формы организации.

Так, существенным моментом, отличающим ее от многих психологий, является ориентация в её практике не исключительно на прошлый опыт индивида, как в психоанализе, и не только на настоящее, как в гештальт-терапии, а на временную целостность человека, включающую его прошлое, настоящее и будущее, как в филогенетическом, так и в онтогенетическом аспектах.

Единовременное акцентирование интегративной психологии и на земной, биосоциальной природе человека, и на космической, и на хилотропной, и на холотропной, структурной и энергетической, при опоре на монистическую идею как сущность бытия сознания, является попыткой формирования новой методологии психологии [4].

В самом широком смысле предметом интегративной психологии является процесс самораскрытия, самодвижения, саморазвития, самораспаковывания индивидуального свободного сознания в континууме времени-пространства.

В качестве объекта вычленяется как эволюция сознания в самом широком масштабе, так и вся ее культурная феноменология в материальном, социальном и духовном проявлениях.

Вне сомнения, любой академический психолог может сказать, что объект слишком глобален и расплывчат, но следует понимать, что все это в разорванном, фрагментарном аспекте уже существует в теле психологии в разных

экспериментальных и теоретических областях,

Интегративный подход позволяет ухватить сознание в целостности, как активное, открытое, саморазвивающееся неструктурированное пространство, способное наполнять реальность смыслом, отношением и переживанием. Это понимание справедливо как для онтогенеза, так и филогенеза сознания, как для личности, так и для малых и глобальных социальных общностей.

Подход позволяет объединить телесные переживания (ощущения), эмоции, чувства, мышление и духовные переживания в целостность, в единство системы «Человек», и показать, при каких условиях возможно достижение ею подлинной целостности и аутентичности. Снимается проблема разделения «душа – тело» (психосоматическое единство становится очевидным).

Еще А. Адлер подчеркивал подход к пониманию каждого человека как интегрированной целостности в рамках социальной системы. Основные принципы Адлера – холизм (целостность), единство индивидуального стиля жизни, социальный интерес, или общественное чувство, и направленность поведения к цели. В интегративной методологии также подчеркивается приоритет действий социальных влияний на каждого индивидуума и важность социальных интересов: чувства общности, кооперации, заботы о других [1].

Сложность предмета усилий психологии как науки, профессиональной деятельности психологов - личности и социальных сообществ заключается в том, что их содержание не определяется лишь набором проблем, которые они осознают

и демонстрируют, или неким кризисным состоянием. Как правило, за демонстрируемыми личностными проблемами стоят более глубокие неосознаваемые структуры (гештальты, системы конденсированного опыта, целостности психической реальности, субличности и т. п.). Они являются не только своеобразными паттернами связи индивидуальной психики с окружающим миром и несут определенный личностный смысл, но и являются отражением глубинных интерперсональных и трансперсональных измерений.

Более того, на мой взгляд, мы все время должны учитывать «вечную философию» человека с ее незыблемой истиной преодоления всех пределов.

«Человек есть нечто, что должно превозмочь» (Ницше), и человек получает свое обоснование, свою целостность и свой смысл в трансцендировании.

Трансцендирование существует не только в положительном векторе духовной реализации. По сути дела, сущность духовного поиска в религиозно-философских традициях состояла в попытке преодоления локальности жизни человека, ограниченности его способностей, его смертности, в попытке перевода человека в космическое измерение.

Для интеллигентной ментальности есть более эстетичные примеры трансцендирования, как в практике науки, когда у человека создаются органы – научные теории, приборы, гипотезы, переводящие его в космическое измерение. Ведь открытие законов природы – это есть ни что иное, как делание человека через опыт его сознания соразмерным космосу и устройству универсума.

Через практику философии человек также становится соразмерным Вселен-

ной как всеединству, получает самообоснование в качестве космического феномена.

Через предельный опыт в области искусства человек также способен трансцендировать свои границы и воплощать космическую гармонию. Весь этот опыт преодоления себя через создание специфических духовных органов для перевода в космическое измерение был характерен для человека на протяжении всей его истории [9].

Но мы не можем не видеть негативный вектор этой вечной попытки трансцендировать ограничения, когда они приводят к социальной девиации, к пограничной психопатологии или к суициду.

Клиент психологической работы существует вне любых теорий и концепций (если только он не дипломированный психолог или психотерапевт). И, приступая к реализации психологической работы, следует иметь в виду относительность любой, даже самой и экономичной и элегантной теории психического, поскольку сложность нашего объекта деятельности несопоставима ни с одной идеей о нем.

Многоуровневость психики подразумевает и многоуровневость проблемных состояний и кризисных явлений. То или иное кризисное состояние, осознаваемое клиентом и являющееся для него проблемой, можно рассмотреть как незначительную часть мощной энергетической структуры, проходящей через все уровни психического.

В соответствии с принципом целостности любые психологические, социально-психологические, духовные трудности клиента несут двоякий смысл: с одной стороны, они являются признаками нарушения целостности функционирования

психики, с другой – актом ее восстановления. Поэтому побуждение клиента к нахождению позитивных смыслов в его проблемной ситуации является часто первым шагом к восстановлению целостности.

Столь частое в процессе психологической работы сопротивление клиента является, по большому счету, сопротивлением системы дестабилизирующему, дезорганизирующему воздействию специалиста. Мы должны предельно четко понимать, что гомеостатическая тенденция выражена и в личности наркомана, и в личности безработного, в личности бомжа. Если клиент удерживается в процессе психологической работы и первоначальные социальные нарушения исчезают, то нет никакой гарантии, что через некоторое время мы не столкнемся с возникновением принципиально новой социальной девиации. Любая социальная девиация носит, в первую очередь, компенсаторный характер и является отражением внутренних процессов самоорганизации и стабилизации.

Методологический принцип целостности необходим для реализации следующих целей:

А) формирования теоретических моделей той глубины, соотносимых бытием человека в мире, которое всегда имеет всецелокупный характер

Б) строить перспективные проекты трансформации и роста личности, опираясь на внутренние ресурсы самой личности;

В) адекватно психотехнологизировать взаимодействие с клиентом психологической работы (на уровне как личности так и групп).

В качестве базисных посылок, описы-

вающих принцип целостности, мы можем обозначить следующие положения:

1. Основными процессами в функционировании психической реальности (как на индивидуальном, так и групповом уровнях) являются процессы организации, т.е. образования новых структур и их интеграция в системы более сложной организации. Сознание является сущностно самой сложной формой организации и интеграции опыта.

2. Основная функция человека и групп как целостных систем - структурный, биоэнергоинформационный обмен со средой (социальной и природной).

3. Процессы эволюции и инволюции личности и групп понимаются следующим образом: повышение целостности и внутренней непротиворечивости является прогрессивным, а увеличение раздробленности и конфликтности как регрессивное.

4. В ходе эволюции уровень организованной сложности, интегрированности, количество взаимосвязанных уровней и гибкость психической реальности человека как саморефлексирующей целостной системы возрастает. Эту же закономерность мы можем наблюдать и при групповой динамике.

5. В самоорганизующихся системах процессы развития и функционирования тождественны, т.е. психика как сложная система имеет качество трансформации, внутреннего изменения как инвариантное, имманентно присущее ее существованию.

Методологический принцип целостности является краеугольным камнем не только в познании предмета психологии, но и стратегической отправной точкой построения профессиональной деятельности, исследования.

Принцип целостности в психологическом исследовании дает возможность вскрыть глубинные связи, раскрыть субстанциональные свойства, сущность и выявить тем самым качественную определенность любого феномена психической реальности, способ его существования и одновременно выстроить адекватную систему воздействия на него и его трансформации.

Принцип целостности в контексте интегративной методологии является, в первую очередь, принципом экологичности и подразумевает следование логике внутреннего процесса трансформации личности, хотя она может не совпадать с нашими представлениями о «правильности» изменений.

Великий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель говорил: «только целое имеет смысл». Наверно, в этом выражении он проявил интенцию и психологической науки.

Тем более - факт целостности человеческого бытия в мире является единственной достоверностью его существования. И если психология претендует на всеобъемлющий взгляд на человеческое, она должна соизмеряться с этим фундаментальным фактом.

Список литературы.

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии.—

М.:»Прагма».199?—175 с.

2. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. — М.: ТПИ, 1994а. — 504 с.

3. Капра Ф. Уроки мудрости: разговоры с замечательными людьми. — М.: ТПИ, 1996. — 318 с.

4. Козлов В.В. Интегративная психология: пути духовного поиска или освящение повседневности. М. Психотерапия, 2007 - 528 с.

5. Козлов В.В. Парадигмальная основа современной психологии: основные модели интерпретации// Методология современной психологии. Вып.3 /Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Петренко В.Ф. — М.: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2013 – С. 42-53

6. Козлов В.В. Психология и феноменология расширенных состояний сознания. — М., 1994. — 131 с.

7. Козлов В.В. Трансперсональная психология. М.: Изд-во АСТ, 2010. — 512 с.

8. Мазилев В.А. Когнитивная методология психологии. Ярославль, 2011

9. Как я понимаю философию: Избр. ст., докл., выступ., интервью. —второе издание — М.: Прогресс, 1992. — 415 с.

10. Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке// Психологический журнал, том 23, № 3, 2002, с. 113-121

11. Уилбер К. Никаких границ: восточные и западные пути личностного роста. — М.: ТПИ, 1998. — 176 с.

12. Юревич А.В. Перспективы парадигмального синтеза // Вопросы психологии, №1, 2008, с.3-15

В.А.Мазилев, Ярославль

**ПСИХОЛОГИЯ: СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТ**

«Если бы кто-нибудь захотел составить объективное и ясное представление о том состоянии, которое переживает сейчас психология, и о размерах кризиса, достаточно было бы изучить психологический язык, номенклатуру и терминологию, словарь и синтаксис психолога. Язык, научный в частности, есть орудие мысли, инструмент анализа, и достаточно посмотреть, каким инструментом пользуется наука, чтобы понять характер операций, которыми она занимается».

Л.С.Выготский

Резюме: Статья посвящена важной в методологическом отношении проблеме. Особенная актуальность данной работы состоит в том, что многими авторами она вообще не осознается как методологическая проблема. В популярном психологическом словаре факт вообще определяется как результат наблюдения или эксперимента, не допускающий неоднозначного толкования. Это противоречит широко известным ситуациям, когда факт оценивается и интерпретируется по-разному. Такой подход не позволяет конструктивно решить проблему. Анализируется подход к проблеме факта, который сложился в философии науки. Подробно описываются исследования А.Л.Никифорова, в которых предложено рассматривать факт как имеющий структуру. Это перспективный подход, но для психологии недостаточный. Утверждается, что для психологии необходим уровневый подход к трактовке факта. Уровневый подход может быть реализован, если проблема факта рассматривается в контексте методологической теории научного исследования. Намечается перспектива дальнейших исследований, направленная на поиски синтеза уровневого строения и структурного анализа.

Ключевые слова: Методология, факт, психологическое исследование, когнитивная методология, философия науки, структура, уровень, предтеория

Summary: the article is devoted to the important methodological relation issue. The special relevance of this work is that many authors it is not recognized as a methodological problem. In the popular psychological dictionary is generally defined as the result of observation or experiment, does not allow equivocation. This contradicts the widely known situations where the fact is evaluated and interpreted in different ways. This approach does not allow to solve the problem. Examines the approach to the problem that has developed in the philosophy of science. Detailed research of A.I. Nikiforov, which suggested that fact as a structure. This is a promising approach, but for lack of psychology. States that for a level psychology approach to the interpretation of fact. Tiered approach can be implemented, if the problem that is being addressed in the context of the methodological theory of scientific research. Is the prospect of further research aimed at finding the synthesis of tier buildings and structural analysis.

Keywords: methodology, fact, psychological research methodology, philosophy, cognitive science, structure, level, pre-theory

(Работа выполнена при поддержке РФФИ грант 15-06-10716)

В далеком 1971 году, будучи студентом первого курса психологического факультета, прочел у С.Л.Рубинштейна в «Основах общей психологии», что термин психология был введен Гоклениусом в 1590 году, что и было принято к сведению. Однако через пару лет на занятиях по французскому языку была предложена для перевода на русский язык книга П.Жаккара «Бессознательное, сны, комплексы» (Jaccard, 1973), в которой утверждалось, что изобретателем термина психология является некий Марко Марулич. Это была первая встреча с этим именем. Субъективное «открытие» произвело впечатление. Стал интересоваться этим вопросом, информация подтвердилась. Поэтому в своей книге 1998 года «Теория и метод в психологии», в частности, я смело отмечал, что «в названии сочинений (до наших дней, к сожалению, не дошедших) далматинского поэта и гуманиста Марко Марулича (1450-1524) впервые, насколько можно судить, употребляется слово “психология”» (Мазилов, 1998, с. 133). То же самое утверждалось и в учебнике по общей психологии (Мазилов, 2002). Данные Ивон Брес убеждают, что первенство Марулича справедливо. «В 1590 г. выходит книга Рудольфа Геккеля (Гоклениуса), в названии которой также используется это слово (на греческом языке – *Psychologia*). Название труда Геккеля, который, кстати, является собранием произведений многих авторов о душе: «Психология, т.е. о совершенстве человека, о душе, и, прежде всего о возникновении ее...» (Брес, 1988, с. 124).

Каково было мое удивление, когда в 2013 году к первенству Марулича было привлечено всеобщее внимание (500 лет..., 2013). Выяснилось, что психоло-

гия именно в настоящее время отмечает юбилей (Кроник А.А., 2014). Юбилей связан с обретением имени нашей замечательной наукой. Не каждому поколению «служителей» этой чудесной дисциплины, науки о «возвышенном и удивительном», как именовал ее великий Аристотель, суждено отмечать столь значительное событие. Обратим внимание, что термин психология появился ровно 500 лет назад. У нашей науки юбилей. А.А.Кроник определил, что скорее всего юбилей имеет место в этом году. Воспользуемся случаем и скажем несколько слов об авторе термина.

Марко Марулич родился 18 августа 1450 года в Сплите, который тогда принадлежал Венецианской республике (ныне Хорватия). Поэт, философ, гуманист, создатель хорватской литературы, «отец хорватского ренессанса». Марулич - автор многих трудов на латыни, хорватском и итальянском языках. В 10-х годах XVI столетия Марко Марулич пишет трактат *Psychologiaderatione animae humanae* (Психология человеческой души), в названии которого впервые используется слово «психология» (на латыни). Труд этот не сохранился, но его название содержится в списке трудов Марко Марулича. Судя по положению в списке, трактат по психологии был создан между 1510 и 1517 годами. Таким образом, 500 лет со дня изобретения термина или только что исполнилось или совсем скоро будет (подробнее об этом см. Кроник, 2014; Мазилов, 2014).

Насколько я могу судить, особого резонанса в психологическом сообществе эта дата не вызвала. Состоялась заочная конференция (о которой мы уже упоминали) «500 лет использования понятия «Психо-

логия» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic)», организованная редакцией журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири», в которой приняли участие всего несколько человек. Можно смело констатировать, что широкие круги психологической общественности это событие не взволновало. Можно полагать, что это проявление, отголосок общего достаточно равнодушно-го отношения психологов к философским вопросам психологии. Вообще отношение научных психологов к философии и методологии науки достаточно своеобразно и достойно специального исследования. В порядке первого приближения это отношение можно определить как достаточно равнодушное, но с одной существенной поправкой: некоторые термины психологи начинают использовать, но при этом едва ли не демонстративно применять их весьма произвольно, наполняя содержанием по своему усмотрению. В качестве иллюстрации можно привести пример применения в сфере психологии термина парадигма.

Сделаем необходимые пояснения к названию настоящей публикации. Этой статьей открывается авторский цикл публикаций, посвященный анализу того, насколько в психологии методологически проработаны наши ключевые понятия, которые мы повседневно используем. Насколько осмыслены в нашем повседневном словоупотреблении такие термины как факт, теория, концепция, метод, объяснение и некоторые другие. Начнем это обсуждение с проблемы факта, который

интуитивно представляется наиболее простым и попытаемся выяснить, так ли это.

Нам уже приходилось писать о том, что в современной психологической науке существует явная недооценка роли методологии психологии. Это заключение может показаться ошибочным: налицо интерес к методологии психологии, методологические идеи интенсивно обсуждаются на научных конференциях, издаются довольно значительное число книг и статей по методологическим вопросам и проблемам. По нашему мнению, в современной психологической литературе имеет место устойчивая недооценка роли методологических аспектов психологического знания в целом. Попробуем показать это на примере проблемы психологического факта.

Термин «факт» активно используется в современной психологии, что является абсолютно естественным, поскольку психология позиционирует себя как эмпирическая дисциплина. Не подлежит сомнению, что отношение к фактам на разных этапах развития психологии существенно различалось.

Если воспользоваться известной периодизацией М.С.Роговина, то окажется, что факты становятся значимы только на этапе научной психологии: в донаучной психологии говорить о фактах можно лишь условно, в философской психологии фактам не уделялось сколь-нибудь существенного внимания (Роговин, 1969).

Научная психология заявила о себе как эмпирическая дисциплина, наука «о фактах». Сыграл свою роль и позитивизм, в котором «факт» был одним из ключевых понятий. На авансцену научной психологии «факт» вышел в тех версиях психоло-

гии, которые использовали субъективный метод. Очень скоро обнаружилось, что для получения «настоящего» (то есть соответствующего ожиданиям исследователя) «факта» стихийного самонаблюдения недостаточно, необходимо выполнение особых процедур, позволяющих зафиксировать именно то, что необходимо. В школе В.Вундта, в Вюрцбургской школе, в Корнелле у Титченера использовались специальные процедуры, позволявшие вычленять те аспекты опыта, которые полагались значимыми в данной школе.

Отметим принципиальное отличие: в направлениях, исповедующих объективный подход, проблеме факта традиционно отводили существенно меньшее внимание.

Это обстоятельство важно для понимания того, почему в некоторых психологических направлениях проблема факта не привлекала пристального внимания исследователей. Для темы нашей статьи важно подчеркнуть, что в советской психологии проблема факта не была популярна, так как опосредствованный метод, являвшийся основным в психологическом исследовании, был объективным.

Если в психологии проблеме факта «не повезло», то на основных ролях она оказалась в философских направлениях, в первую очередь тех, которые продолжали традиции позитивизма. Через логический позитивизм проблема факта в качестве предмета исследования попала в философию науки, где успешно и продуктивно разрабатывалась многими исследователями. В отечественной философии проблема факта оказалась в значительной степени «вытесненной» из исследовательского пространства категориями «явления» и «сущности», соотношением

эмпирического и теоретического уровней познания.

Итак, обратимся к психологии и попробуем выяснить в чем именно состоит проблема факта. Обратимся к популярному Большому психологическому словарю, который сообщает, что факт «в обыденном смысле синоним понятия «истина», т. е. знание, достоверность которого несомненна, в более узком смысле — результат наблюдения (в том числе измерения) и эксперимента, не допускающий нескольких истолкований» (Еникев, 2008).

Вот здесь и появляются многочисленные вопросы. Является ли на действительно факт в психологии столь однозначным, что он не допускает «нескольких истолкований»?

Как быть в тех случаях, когда один факт оценивается различными психологами весьма по-разному? Когда кто-то считает нечто очевидным фактом, но другой имеет по этому поводу совсем иное мнение?

Есть основания для того, чтобы начать обсуждение проблемы факта как методологической проблемы современной психологии.

Попробуем это сделать.

Психология традиционно характеризуется многообразием подходов к изучению того или иного явления, обилием различающихся теорий, концепций, трактовок. Десятками исчисляются определения одного и того же понятия. Короче говоря, психологию трудно удивить проблемами. В известном смысле можно утверждать, что психология — одна из самых «проблемных» наук: нерешенных вопросов в ней гораздо больше, чем найденных ответов. Б.Ф. Ломов в книге «Методо-

логические и теоретические проблемы психологии» отмечал: «Многообразие проблем, огромный фактический материал, накопленный в психологической науке, задачи, которые ставятся перед ней общественной практикой, настоятельно требуют дальнейшей разработки ее методологических основ» (Ломов, 1984, с. 3).

Чтобы как-то справиться с этим многообразием проблем психологии, попробуем их упорядочить. Для этого попытаемся выделить классы психологических проблем. Разумеется, такое выделение неизбежно имеет условный характер. Представляется, что выделение классов проблем целесообразно осуществлять в соответствии с видами психологического знания. М.С. Роговин и Г.В. Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид – знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть «предметное знание». Второй вид – знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике – «знание методологическое». Третий вид знания – «знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе (Роговин, Залевский, 1988, с. 8). Такое расчленение представляется удобным. В предметном знании условно можно выделить два уровня: уровень феноменологии и уровень теории. Тогда психологические проблемы могут быть отнесены к одному из следующих классов: 1) феноменологические, 2) теоретические, 3)

методологические, 4) историко-психологические.

Любая наука имеет дело с некоторой феноменологией, эмпирическими явлениями. В психологии это психические явления. Так, в психологии могут быть выделены явления памяти, мышления, восприятия и т. д. Хотя на первый взгляд может показаться, что этот феноменологический уровень относительно самостоятелен, это не так. Психика изначально целостна, поэтому выделение в ней или иных явлений определяется теоретическими и методологическими представлениями. Номенклатура психических явлений определяется исходя из теории, в действительности же это серьезная методологическая проблема. В психологии известны случаи, когда те или иные авторы утверждали, что внимания или воображения, к примеру, не существует. Это, конечно, не заставляло этих авторов доказывать, будто не существует сосредоточения на некоторых объектах или создания новых образов. Данные феномены существуют, наблюдаются и описываются, но объясняются совершенно по-иному. Психологи – авторы «революционных» концепций утверждали, что феномены имеют другую природу: сосредоточение это не внимание, а особенности восприятия (Э. Рубин), создание новых образов – функция не воображения, а мышления (А.В. Брушлинский). Эти примеры свидетельствуют о том, что феноменологический и теоретический уровни неразрывно связаны.

Не случайно многие авторы предпочитают не дифференцировать эти два уровня и говорят о предметном знании. Осознавая всю условность и произвольность такого разделения, будем говорить

о феноменологическом и теоретическом уровнях и, соответственно, о наличии феноменологических и теоретических проблем. Феноменологический уровень важен тем, что в нем реально определяются потенциальные пространства психической реальности. Поясним это. В экспериментах С. Грофа (с использованием ЛСД, а позднее и других техник) наблюдались феномены измененных состояний сознания, трансперсональные феномены, феномены систем конденсированного опыта (СКО) и т. п. Эти феномены представляют бесспорную психическую реальность. Согласно взглядам некоторых психологов, эти феномены достойны изучения, могут быть разработаны теории, объясняющие эти феномены. Согласно мнению других, этих феноменов как бы не существует вовсе: они представляют собой артефакт или откровенное жульничество, поэтому об их специальном изучении вопрос даже не ставится. Таким образом, мы можем констатировать, что в представлении разных исследователей диапазоны пространств психической реальности не совпадают. Кто-то включает парапсихологические феномены в проблемное поле психологии, кто-то нет. Естественно, что то или иное решение определяется теоретическим осмыслением. Итак, феноменологические проблемы проявляются в определении пространств психической реальности, ее расчленении на отдельные явления.

Теоретический уровень связан с объяснением психических феноменов. На теоретическом уровне психическое становится психологическим. В психологии эти проблемы очевидны. Существуют различные теории, объясняющие один феномен. Например, избирательный ха-

рактер мышления в ходе решения задачи может объясняться влиянием ассоциаций, апперцепции, детерминирующих тенденций, антиципаций и т. д. Известны десятки теорий восприятия, личности, эмоций и т. п. Не станем здесь на этом останавливаться, т. к. многообразие психологических теорий хорошо известно (причем не понаслышке) каждому психологу-первокурснику. Теоретические проблемы в психологии наиболее многочисленны. Неразрывно связанные феноменологический и теоретический уровни составляют предметное психологическое знание. Два первых уровня связаны с двумя классами проблем: феноменологическими и теоретическими.

Но эти два уровня (также неразрывно) связаны и с другим - методологическим. Связь эта такова, что методологический уровень является в значительной степени определяющим по отношению и к феноменологическому, и к теоретическому. Именно методология раскрывает, как будет пониматься и трактоваться предмет психологии (а, следовательно, реально определяет диапазон пространств психической реальности), методология определяет возможности изучения того или иного явления, а также метод, каким будет исследоваться психическое, наконец, утверждает приемлемые в науке в настоящий момент способы объяснения. Известно, что в психологии существуют разные трактовки предмета науки, разные взгляды на методы. Оказывается, что методологические проблемы – это наиболее существенные, наиболее глубокие.

Наконец, четвертый класс проблем – проблемы историко-психологические, возникающие в историческом знании. Как уже отмечалось, историко-психоло-

гическое знание отражает закономерную последовательность развития знания и предметного, и методологического. М.С. Роговин и Г.В. Залевский отмечали, что в «знании историческом проявляется куда более широкий принцип научного познания реальности: подход к ней как развивающейся во времени; при историческом подходе в последовательности его типов косвенно отражается углубление предметного и методологического знания...» (Роговин, Залевский, 1988, с. 10). Эти проблемы также многочисленны. Обратим внимание на то, что многие из них носят неявный характер.

Между выделенными классами проблем в психологии существуют особые отношения. Методология является «сердцевинной» психологического знания вообще, поскольку, в конечном счете, именно она определяет существенные характеристики «предметного» знания (и феноменологию, и теорию) и «истории» (как она будет интерпретироваться).

До сих пор мы обходились без упоминания термина «факт». Где его место на рассмотренной выше схеме? Как можно видеть, психологический факт появляется тогда, когда происходит взаимодействие феноменологии и теории: феномен, осмысленный как психическое явление, становится психологическим фактом.

Обратимся к примеру. Давно было известно каждому специалисту, занимавшемуся дрессировкой животных, что они - животные - становятся со временем способными реагировать и на такие раздражители, которые лишь ассоциативно связаны с определенной реакцией организма. По сути, это условный рефлекс. Как нам известно из истории психологии, феномен условного рефлекса откры-

вался неоднократно. Потребовался гений И.П.Павлова (обратившего внимание на то, что слюна начинает выделяться до кормления при виде служащего, который обычно приносит еду), Е.Б.Твитмайера (обратившего внимание на то, что подопытные при исследовании коленного рефлекса начинают реагировать на раздражители, отличающиеся от исходного, - удара молоточком), В.М.Бехтерева («Бехтерев обнаружил, что рефлекторные движения - например, отдергивание пальца от предметов, грозящих ударом электрического тока, - могут возникать не только под воздействием безусловных раздражителей (например, удара электрического тока), но и под воздействием стимулов, которые сочетаются с исходным, - так, звук зуммера, звучащего во время удара электрического тока, вскоре заставляет испытуемого отдергивать палец» (Шульц, Шульц, 2002, с.268), чтобы феномен воплотился в научный факт - условный рефлекс (Павлов), особый рефлекс (Твитмайер), сочетательный рефлекс (Бехтерев)...

Актуальность данной проблемы состоит в следующем. Психология относится к дисциплинам, имеющим эмпирическую фактологическую основу. По справедливому выражению классика науки, факты - воздух ученого (И.П.Павлов). Практически общепринятая в настоящее время в психологии точка зрения, согласно которой факт есть нечто простое, не допускающее «нескольких истолкований», является существенным препятствием для развития психологической науки и практики. Главное препятствие состоит в том, что факт при таком подходе не выступает (и не может на уровне эмпирическом затрудняет формирование

фактологической основы науки, лишая возможности дополнительного анализа научного психологического факта как сложного явления, имеющего свою психологическую структуру, тем самым делая невозможным разработку стандарта для описания факта в психологии. На уровне теоретическом недооценка данной проблематики приводит к тому, что не может быть адекватно представлено соотношение эмпирического и теоретического в психологическом познании. На уровне методологическом отсутствие разработок по проблеме факта не позволяет создать целостное современное представление о структуре психологического исследования, поскольку именно факт как сложное явление выступает тем ядром, которое обеспечивает единство структуры психологического исследования.

Решение проблемы психологического факта, выявление его структуры, понимание детерминации позволит принципиально решить ряд важнейших вопросов: а) повысить соотносимость психологических фактов; б) понять, почему одни и те же факты существенно по-разному трактуются и оцениваются различными исследователями; в) способствовать улучшению взаимопонимания между исследователями, в том числе и представителями различных школ; г) способствовать разработке моделей современного исследовательского процесса в области психологии; д) внести значимый вклад в проблему интеграции психологического знания; е) внести ясность в понимание многочисленных эпизодов из истории психологии, когда одни и те же факты получали совершенно различные описание и интерпретацию со стороны разных исследователей.

Выше мы останавливались на анализе того, почему проблеме факта «не повезло» в психологии, особенно в отечественной. Впрочем, это никак не означает, что проблема не исследовалась совершенно.

Во избежание недоразумений подчеркнем, что не должно создаться впечатление, что психологический факт не исследовался в психологии. Многими авторами, особенно рассматривавшими процесс познания и научного исследования затрагивались вопросы факта, но он не был предметом специального изучения в психологии. Среди исследователей назовем Г.И. Челпанова, Н.Н.Ланге, М.Я.Басова, Л.С.Выготского, В.Н.Ивановского, С.Л.Рубинштейна, К.Н.Корнилова, А.Н.Леонтьева, Б.Г.Ананьева, Б.Ф.Ломова, О.К.Тихомирова, Д.Н.Узнадзе, А.А.Леонтьева, Б.М.Теплова, Е.В.Шороховой, К.К.Платонова, М.С.Роговина и др.

Важные аспекты проблемы факта в психологии раскрываются в работах А.В. Юревича, интересные методологические исследования В.М. Аллахвердова, Т.В.Корниловой и С.Д.Смирнова, методологические работы Ф.Е.Василюка, И.Н.Карицкого и др. В работах К.А. Абульхановой, А.Ю. Агафонова, В.Г.Асеева, А.Г.Асмолова, В.А.Барабанщикова, Ф.Е.Василюка, И.П.Волкова, И.Е.Гарбера, А.Н.Гусева, М.С.Гусельцевой, А.Л.Журавлева, Ю.М.Забродина, В.П.Зинченко, Ю.П.Зинченко, В.В.Знакова, И.И.Ивановой, И.Н.Карицкого, А.В.Карпова, В.А.Кольцовой, Т.В.Корниловой, Д.А.Леонтьева, Л.Я.Дорфмана, С.В.Маланова, Б.Г.Мещерякова, И.А.Мироненко, П.Я. Мясоеда, В.И.Панова, В.Ф.Петренко,

В.А.Петровского, Е.Е.Соколовой,
С.Д.Смирнова, Е.Б.Старовойтенко,
В.А.Татенко, Д.В.Ушакова,
Н.И.Чуприковой, В.Д.Шадрикова,
А.В.Юревича и др. нашли решение
многие важные методологические про-
блемы психологии, в частности, свя-
занные с проблемой факта в психо-
логической науке. Важные вопросы
методологии психологии, имеющие от-
ношение к проблеме факта, обсуждаются
в работах И.В.Вачкова, А.О.Проخورова,
Е.В.Левченко, А.А.Пископпеля,
В.А.Янчука, А.Г.Лидерса и др.

Подчеркнем, что в современной
психологии отсутствуют специальные
исследования, посвященные факту в
психологии. Этот момент достоин акцен-
тирования, поскольку оказывается, что
структура психологического факта, от-
ражающая специфику психологического
исследования, до настоящих пор по сути
не раскрыта и не изучена.

Это касается и зарубежных психоло-
гических исследований. Проблема фак-
та, естественно, затрагивается в работах,
посвященных методологии психологиче-
ского исследования (Ж.Пиаже, Ф. МакГи-
ган, Р. Кирк, Р. Готтсданкер, Р. Плутчек,
Д. Шассан, А. Каздин, Д.Гудвин и др.),
посвященных проблемам объяснения
(Fodor, 1968; Swart, 1985; Cammins, 1983;
Brown, 1963 и мн. др.) и философии
психологии (М.Вунге, Р.Аргила, 1987,
J.Bermudez, 2008 и др.). Подчеркнем, что
в доступной нам литературе обнаружить
специальных исследований, посвящен-
ных анализу строения психологического
факта нам не удалось.

Психологическая специфика есте-
ственно не раскрывается и в философ-
ских исследованиях проблемы факта.

Специальные философские работы, по-
священные анализу факта, существуют и
представляют для психологии значитель-
ный интерес (в первую очередь, в плане
установления общей архитектоники фак-
та). Речь идет о работах таких исследо-
вателей как В.А.Штофф, Л.С.Мерзон,
В.С.Швырев, В.М. Капустян, С.Ф. Мар-
тынович, В.С. Степин, Г.Ф. Хрустов, Э.М.
Чудинов, А.И.Ракитов, А.Л.Никифоров,
С.В.Илларионов и др.

Конечно, нельзя не назвать работы
зарубежных представителей филосо-
фии науки Л.Витгенштейна, Б.Рассела,
Р.Карнапа, Л.Флека, Т. Куна, П. Фей-
ерабенда, Н. Р. Хэнсона, Б.Латура,
Э.Пикеринга и др.

Возникает вопрос, что препятствует
новому пониманию факта? Основное
препятствие, на наш взгляд, состоит
в том, что психологический факт рас-
сматривается сам по себе, тогда как он
должен рассматриваться, трактоваться и
интерпретироваться в контексте мето-
дологии психологии, то есть в рамках ме-
тодологической концепции психологиче-
ского исследования. Будучи включенным
в методологическо-психологический кон-
текст, факт проявит реальную сложность
своего строения и позволит обратиться к
выявлению его детерминации.

В наших работах конца 90-х годов
прошлого века было показано, что мето-
дология имеет конкретно-исторический
характер и в идеале должна отвечать на
вопросы и реагировать на проблемы, ко-
торые возникают внутри предметного
поля науки. Иногда методологические
изыскания опережают потребности на-
уки, иногда запаздывают. В настоящее
время на первый план выступает разра-
ботка общей методологии психологии.

Подчеркнем, что это не попытка создать общую теорию. Мы разделяем мнение Юнга, согласно которому время общих теорий в психологии еще не пришло.

Дело в том, что резерв, который состоял в разработке отдельных изолированных методологических проблем (хотя и, несомненно, важнейших для психологии), к настоящему моменту практически исчерпан. В настоящий момент актуальна разработка проблем в комплексе, что ставит задачу разработки общей методологии психологии, в которой отдельные методологические категории оказались бы соотносенными в едином смысловом пространстве. Именно в их концептуальном соотношении видится новый резерв методологических исследований и разработок.

Представляется, что когнитивная методология, отвечающая задачам сегодняшнего дня, должна иметь уровневое строение. Это уровневое строение должно отражать не только разнородность самого психологического содержания, но и принципиально различающиеся способы и методы работы на разных уровнях.

В когнитивной методологии можно выделить по крайней мере три уровня. Подчеркнем, что разные уровни не только связаны с различным содержанием, но и характеризуются различными средствами их разработки. Отметим, что философский уровень в настоящее время проработан в меньшей степени, чем два других. (Чтобы избежать недоразумений, скажем, что в данной статье речь идет только о когнитивной методологии. Других разделов методологии психологии – коммуникативной, методологии психологической практики, социальной методологии (А.В.Юревич) – мы в настоящей статье не касаемся).

Психологическое исследование, спланированное нами, основывается на концепции когнитивной методологии психологии. Она представляет собой второй уровень общей методологии психологии. Когнитивная методология психологии – непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории, факта и т.д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи, на наш взгляд, не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Такую методологию можно назвать интегративной когнитивной методологией психологической науки.

Обратимся к когнитивной методологии.

Сформулируем суть нашего подхода к разработке когнитивной методологии. К исследованию любого феномена в области психологии существуют различные подходы. Традиционно они рассматриваются как несопоставимые, поэтому в лучшем случае речь идет о сосуществовании подходов. Мы полагаем, что при использовании специального методологического аппарата могут быть найдены дополнительные «точки соприкосновения» и «несопоставимые» концепции окажутся сопоставимыми в значительно большей степени, чем это обычно представляется.

Задача, на наш взгляд, выполнима, если в качестве основы для сопоставления выступит общая схема психологического исследования. Схема включает в себя следующие структурные компоненты: проблема, предмет психологии, опредмеченная проблема, предтеория, метод (включающий три уровня: идеологический, предметный

и процедурный), эмпирический материал, объяснение (включающее объяснительную категорию, собственно объяснение, предполагающее уровневую структуру), теория как результат исследования. Подчеркнем, что данная схема исследования является «замкнутой», т.е. теория является основанием для постановки новой проблемы. Таким образом, инструментом сопоставления и соотнесения различных психологических концепций выступает общая когнитивная методология. Мы разделяем следующую позицию: 1) разработка общей методологии возможна, т.к. может быть разработана универсальная модель, позволяющая свести, интегрировать в «общем исследовательском пространстве» важнейшие методологические категории; 2) использование подобного рода интегративной модели позволяет учесть наработки ведущих отечественных и зарубежных методологов, что позволяет сделать разработанная нами ранее соотносительная модель (коммуникативная методология).

Общая методология психологии – непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории, факта и т.д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи, на наш взгляд, не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Такую методологию можно назвать интегративной когнитивной методологией психологической науки.

Обратимся к проблеме психологического факта в контексте концепции общей (интегративной) методологии психологии.

Психологический факт. Казалось бы, здесь все просто: в исследовании добываются эмпирические данные, которые подлежат интерпретации. Обратимся к философии науки, которая в отличие от методологии психологии уделяет этим вопросам достойное внимание. Как предупреждал еще Кант, «разум видит только то, что сам создает по собственному плану» (Кант, 1964, с.85). Поэтому полученные эмпирические данные рассматриваются исследователем обычно «сквозь призму» предтеории (см. ниже). Фактически они уже «прединтерпретированы», хотя это обычно и не осознается самим ученым. Этот момент необходимо специально подчеркнуть.

Не имея возможности дать общую характеристику концепции (по причине ограниченности объема настоящей публикации), остановимся чуть подробнее на разработке методологической концепции факта (в первую очередь по той причине, что в современной психологии этой методологической проблеме практически не уделяется внимания). Если психологическая наука пренебрегает данной проблемой (можно предположить, что происходит это в силу кажущейся простоты данного вопроса), то философия науки обоснованно считает данную проблему одной из важнейших.

«Факт – от лат. *factum* – сделанное, совершившееся) – 1) синоним понятий истина, событие, результат; нечто реальное в противоположность вымышленному; конкретное, единичное в отличие от абстрактного и общего; 2) в философии науки – особого рода предложения, фиксирующие эмпирическое знание. Как форма эмпирического знания факт противопоставляется теории или гипотезе»

(Никифоров, 2010, с.157). Нас, понятно, будет интересовать факт во втором значении.

В понимании природы факта в современной философии науки выделяются две основные тенденции: фактуализм и теоретизм. Эти тенденции выступают одной из форм проявления старой дилеммы эмпиризм – рационализм. Если первая подчеркивает независимость и автономность фактов по отношению к различным теориям, то вторая утверждает, что факты полностью зависят от теории и при смене теорий происходит изменение всего фактуального базиса науки (Никифоров, 2010, с.157-158). А.Л.Никифоров справедливо отмечает: «В настоящее время все шире распространяется убеждение в том, что неверно как абсолютное противопоставление фактов теории, так и полное их растворение в теории. Факт является результатом активного взаимодействия субъекта познания с объектом и обладает сложной структурой, одни элементы которого детерминируются теорией и, следовательно, зависят от нее, а другие – особенностями познаваемого объекта. Зависимость фактов от теории выражается в том, что теория формирует концептуальную основу фактов: выделяет изучаемый аспект реальности, задает язык, на котором описываются факты, детерминирует средства и методы экспериментального исследования. В то же время полученные в результате эксперимента или наблюдения данные определяются свойствами изучаемых объектов. Они заполняют содержанием концептуальную схему. Таким образом, научный факт, обладая теоретической нагруженностью, в то же время сохраняет автономность по отношению к теории, ибо его содержа-

ние не зависит от теории. Именно благодаря этой относительной независимости факты способны противоречить теории и стимулировать развитие научного познания» (Никифоров, 2010, с.158). В другой работе А.Л.Никифоров развивает новое представление о научном факте как о некотором сложном целом, состоящем из нескольких элементов, связанных определенными отношениями: можно констатировать, что научный факт включает в себя три компонента: лингвистический, перцептивный и материально-практический, каждый из которых в равной мере необходим для существования факта» (Никифоров, 2008, с.75-76). «Три компонента факта теснейшим образом связаны между собой, и их разделение приводит к разрушению факта» (Никифоров, 2008, с.76). А.Л.Никифоров дает достаточно подробную характеристику компонентам факта. «Всякий факт, прежде всего, связан с некоторым предложением... Будем называть это предложение лингвистическим компонентом факта. Лингвистический компонент, очевидно, необходим, так как без него мы вообще не могли бы говорить о чем-то как о факте» (Никифоров, 2008, с.73). «Вторым компонентом научного факта является перцептивный компонент. Под этим я подразумеваю определенный чувственный образ или совокупность чувственных образов, включенных в процесс установления факта. Перцептивный компонент также необходим. Это обусловлено тем обстоятельством, что всякий естественнонаучный факт устанавливается путем обращения к реальным вещам и практическим действиям с этими вещами. Контакт же с внешним миром осуществляется только через посредство органов чувств. Поэто-

му установление всякого научного факта неизбежно связано с чувственным восприятием и перцептивная сторона в той или иной мере необходимо присутствует в каждом факте (Никифоров, 2008, с.73). «Не столь очевидно наличие в факте третьего, не менее важного компонента – материально-практического. Под «материально-практическим компонентом» факта мы имеем в виду совокупность приборов и инструментов, а также совокупность практических действий с этими приборами, навыки, умения, используемые при установлении факта» (Никифоров, 2008, с.74).

Представляется важным выделение и описание структуры научного факта, проделанное в работах А.Л.Никифорова. Для психологии, возможно, более важным является то, что факт (по крайней мере, факт психологический, но, представляется, что данная характеристика достаточно универсальна) имеет не только «горизонтальное», но и «вертикальное» строение. Иными словами, психологический факт имеет и уровневое строение.

Не имея возможности дать в рамках настоящего текста развернутого анализа, напомним только характеристику предтеории, так как она чрезвычайно важна для понимания психологической структуры факта. Предтеория представляет собой комплекс исходных представлений ученого, являющихся основой для проведения эмпирического (и даже теоретического) психологического исследования. Предтеория, таким образом, предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория имеет сложную детерминацию (образование исследователя, научные традиции, идеалы

научности и т. п.). Может быть описана структура предтеории: проблема, «определенная» проблема, базовая категория, моделирующее представление, идея метода, объясняющая категория, способ (вид) объяснения (Мазилев, 1998).

Вернемся к проблеме факта. В структуре факта могут быть выделены следующие уровни: идеологический, предметный, процедурный. Идеологический уровень связан с трактовкой предмета психологии, предметный и процедурный, соответственно, с базовой категорией и моделирующими представлениями. Не имея возможности здесь останавливаться на анализе уровней научного факта, сделаем лишь одно замечание, важное для истории психологии. Скажем, возьмем классическое исследование М.Вертгеймером «фи»-феномена. Иногда замечают, что стробоскопический эффект был известен до этого, факт не был новым. Это правильно, но лишь по отношению к процедурному уровню. Ценность этого научного факта – в идеологическом и предметном уровнях. На предметном уровне была доказана целостность гештальта («видимого движения»), на идеологическом Вертгеймер показал наличие феноменального поля. Поэтому уровневая трактовка факта, на наш взгляд, открывает новые перспективы в намеченном направлении.

Интеграция структурного и уровневого подходов к анализу факта возможна, но представляет собой самостоятельную исследовательскую задачу (этого аспекта в настоящем тексте мы касаться не будем). Отметим, что такая трактовка факта позволяет по-новому решить ряд традиционных психологических проблем и объяснить известные факты: почему

разными учеными одни и те же факты воспринимались и оценивались принципиально по-разному. С нашей позиции, ответ очевиден: в этих случаях факты воспринимались так потому, что оказались по-разному теоретически нагруженными, так как оценивались с позиции разных предтеорий.

Итак, предварительный анализ проблемы факта свидетельствует, что психологический конструкт «факт» нуждается в специальной методологической проработке.

Литература

1. 500 лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic). Информационное письмо. // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2013. – № 4; URL: www.es.rae.ru/bulletinpp/205-902 (дата обращения: 30.10.2014).
2. Брес И. Генезис и значение психологии // Современная наука: Познание человека. М.: Наука, 1988, с. 123–140.
3. Еникеев Б.Н. Факт // Большой психологический словарь / Под ред В.П.Зинченко и Б.Г.Мещерякова. СПб, 2008.
4. Кант, И. Сочинения в шести томах. [Текст] / И.Кант. Сочинения в шести томах / Т.3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
5. Козлов В.В. Психология кризиса. М., 2014.
6. Козлов В.В. Истоки осознания. Волгоград, 1999.
7. Козлов В.В. Психология творчества. М., 2010
8. Кроник А.А. 500 лет использования понятия «Психология» // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2014. – № 1, с.9-14;
9. Ломов, Б.Ф. Методологические и теорети-

ческие проблемы психологии. [Текст] М.: Наука, 1984. 444 с.

10. Мазиллов, В.А. О предмете психологии [Текст] // В.А.Мазиллов / Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1, 2006, с.55-72
11. Мазиллов В.А. О философии психологии (о некоторых методологических проблемах современной научной психологии) [Текст]. / В.А.Мазиллов // Проблемы общей и организационной психологии. Сб. науч. Трудов / Под ред. проф. А.В.Карпова.
12. Ярославль: ЯрГУ, 1999, с.47-66
13. Мазиллов В.А. Разработка философии психологии – первоочередная задача российской психологии XXI века [Текст]. /В.А.Мазиллов // Социальная психология: Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Т.2. Ярославль: МАПН, 2000, с.211-220
14. Мазиллов В.А. Обретшая свое имя. Перспективы психологии.Размышления во время юбилея // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. № 4, 2013, с.144-148.
15. Мазиллов В.А. О предмете психологии [Текст]. / В.А.Мазиллов // Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1, 2006, с.55-72
16. Мазиллов В.А. Научная психология: проблема метода [Текст]. /В.А.Мазиллов // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Метод психологии / Под ред. В.В.Новикова (гл.ред), И.Н.Карицкого, В.В.Козлова, В.А.Мазилова. Ярославль: МАПН, 2005, с.248-279
17. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998
18. Мазиллов В.А. Методологические проблемы истории психологии // Ярославский педагогический вестник. Т.2. Вып. 1., 2015
19. Мазиллов, В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии [Текст] // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 2. С. 149-155.

22. Мазилев В.А. Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 3, том 2 (психолого-педагогические науки), 2013, с. 186-194
23. Мазилев В.А. Принцип соизмеримости теорий в психологии // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А.Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. №4, том 19, 2013, с. 28-32
24. Мазилев В.А. Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 61-85.
25. Мазилев В.А. Когнитивная методология психологической науки: уровневый подход // Системогенез учебной и профессиональной деятельности V Всероссийская научно-практическая конференция. Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; под редакцией Ю.П. Поваренкова. 2011. С. 57-59
26. Мазилев В.А. О предмете психологии // В.А.Мазилев / Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1, 2006, с.55-72
27. Никифоров, А.Л. Факт [Текст] // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2010, с.157-158
28. Никифоров, А.Л. Философия и история науки. [Текст] / А.Л.Никифоров. М.: Идея-Пресс, 2008. 264 с.
29. Петренко, В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. [Текст] / В.Ф.Петренко. М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.
30. Роговин, М.С. Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. [Текст] / М.С.Роговин, Г.В.Залевский Томск, 1988. 236 с.
31. Шульц, Д. История современной психологии [Текст] / Д. Шульц, С.Шульц. СПб: Евразия, 2002. 532 с..
32. Jaccard P. La conscience, les rêves, les complexes. P.: "Payot", 1973. P.212.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Боллигер Л.В. (Иркутск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООБРАЗОВАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ

Реферат (аннотация): Концепция модернизации российского образования поставила задачи повышения качества образования и более эффективное использование человеческих ресурсов. Решение данной государственной задачи невозможно без организации системы самообразовательной деятельности самих педагогов, под которой понимается целенаправленная познавательная деятельность педагога по овладению общечеловеческим опытом, методологическим и специальными знаниями, профессиональными умениями и навыками, необходимыми для совершенствования педагогического процесса. Содержание и формы самообразования учителя зависят от многих факторов. Анализируя результаты диагностики учителей городских и сельских школ, мы постарались выделить особенности профессионального самообразования педагогов, проживающих и работающих в разных условиях.

Ключевые слова: профессиональное самообразование и образование педагогов; целенаправленная познавательная деятельность педагога; структура Эго-идентичности; ценностные ориентации педагогов; внешняя и внутренняя мотивация учителя.

Abstract (summary): The concept of modernization of Russian education has put the problem of increasing the quality of education, and more effective use of human resources. The solution to this problem is impossible without the state organization of the self-education of educators themselves, which is understood as a purposeful cognitive activity of the teacher to master the universal human experience, methodological and expertise, professional skills and the skills needed to improve the educational process. The content and form of self-teachers depend on many factors. Analyzing the results of the diagnosis of teachers in urban and rural schools, we have tried to highlight the features of professional self-educators, living and working in different conditions.

Keywords: vocational education and self-education teachers; purposeful cognitive activity of the teacher; structure of ego-identity; value orientations of teachers; external and internal motivation of teachers.

Качество образования молодого поколения, его подготовленность к жизни напрямую зависит от уровня профессионально-педагогической культуры педагога, его способности к постоянному профессиональному и личностному росту. Современная система образования предъявляет к педагогам такие требования как профессионализм, мобильность,

способность к творческому использованию все возрастающего потока информации на практике. В условиях современной школы выполнение педагогом сложных функций, связанных с повышением качества образования и стимулированием личностного развития учащихся, требует его постоянного самообразования. Кроме того, деятельность учителя

становится все более инновационной по своей сути, что позволяет ему иметь личностный вектор профессионального развития, как признак определенного уровня его педагогической культуры. Поэтому самообразование учителя является социальным заказом общества по отношению к образованию и фактором его личностно-профессионального роста [3].

Исследование концептуальных подходов к проблеме профессионального самообразования педагогов показало, что ведущим компонентом профессионального самосовершенствования и самовоспитания педагога является самообразование, под которым понимается целенаправленная познавательная деятельность педагога по овладению общечеловеческим опытом, методологическим и специальными знаниями, профессиональными умениями и навыками, необходимыми для совершенствования педагогического процесса. Содержание и формы самообразования учителя зависят от многих обстоятельств: возраста, педагогического стажа, места жительства, преподаваемого предмета, атмосферы педагогического коллектива, индивидуальных интересов и увлечений, возраста и уровня подготовленности учащихся, с которыми учитель работает. [1, 2].

В нашем исследовании мы постарались провести сравнительный анализ особенностей профессионального самообразования сельских и городских учителей. Для этого мы проанализировали результаты, полученные при диагностике 80 испытуемых, из которых 40 учителей сельских школ и 40 учителей из городских школ. Возраст испытуемых от 30 до 40 лет, стаж их работы колеблется от 9 до 20 лет. Педагоги, принявшие участие в

опросе, работают на территории Иркутской области, все они замужем и имеют собственных детей.

В качестве диагностического инструментария нами были использованы следующие методики: «Личностный опросник самоидентичности» В.Козлова; «Ценностные ориентации» М.Рокича; Мотивации профессиональной деятельности» (К.Замфир в модификации А.Реана); опросник «Личная профессиональная перспектива» (ЛПП)

Сравнительный анализ структуры Эго-идентичности сельских и городских учителей позволил увидеть, что вне зависимости от места проживания все учителя имеют установку на то, чтобы «сеять разумное, доброе, вечное». Им свойственно содействие нравственному воспитанию подрастающего поколения, стремление к собственному личностному росту, духовному самосовершенствованию (таб.1).

Таблица 1

Распределение показателей у испытуемых по методике «ЛОС»

Шкалы Показатели	Учителя сельских школ			Учителя городских школ		
	Я-М	Я-С	Я-Д	Я-М	Я-С	Я-Д
Среднее значение показателя	65,1	63,5	76,2	69,8	74,2	76,5
Разброс	69-80	58-78	72-89	69-82	62-87	69-89
Ср. квадратичное отклонение	10,2	10,3	7,9	11,3	9,8	7,9

Примечание: Я-М – «Я» - материальное; Я-С – «Я» - социальное; Я-Д – «Я» - духовное

При этом городские учителя более целены на социальные достижения: повышение социального статуса, уважение и признание со стороны коллег, родителей и учащихся. Они хотят чувствовать

себя значимым, их самооценка и самоуверждение зачастую во многом зависят от общественного мнения. Вопросы социального престижа для группы учителей из сельских школ стоят менее остро. В деревне учитель пользуется уважением среди односельчан испокон веку. Главное в этом вопросе для учителя сохранить и далее образец нравственного поведения.

В отношении материальной составляющей социальной идентичности следует отметить тот факт, что в группе сельских испытуемых она несколько ниже, чем городских. На наш взгляд, это происходит потому, что, не смотря на то, что у последних, на первый взгляд условия проживания, в целом, более комфортные, «материальных соблазнов» тоже гораздо больше.

Результаты ранжирования ценностей («Ценностные ориентации» М.Рокича) показали, что в группе сельских учителей, по средним показателям группового ранга, наиболее высоко оказались такие терминальные ценности, как: здоровье, счастливая семейная жизнь и материальная обеспеченность. Наименее значимы среди терминальных ценностей для них являются: развлечения, счастье других людей и красота природы. Среди инструментальных ценностей сельские педагоги выделяют честность, воспитанность и ответственность. А среди деэвальвированных ценностей - продуктивность в работе, чуткость и заботливость, и смелость в отстаивании своего мнения.

Анализ данных результатов выявил некоторые противоречия в стратегиях достижения этих ценностей. С одной стороны, высокий уровень ответственности несколько не соотносится с низкими показателями эффективности в делах. А с

другой стороны, отсутствие смелости и желания отстаивать свои взгляды противоречат такому качеству, как честность. В случае, если педагоги не могут заявить о своих взглядах при высоком уровне честности, их здоровье будет страдать (появятся симптомы психосоматики). А если они равнодушны ко всему, то тогда не понятно, за что они несут ответственность в своей профессиональной деятельности и в семейной сфере.

Достижение здоровья, счастливой семейной жизни и материальной обеспеченности планируется женщинами, преподающими в сельских школах, посредством высокого уровня ответственности, честности и воспитанности. Что, на наш взгляд, достаточно проблематично.

Данные сопоставления показывают, что достижение ценностей личной жизни сельскими педагогами происходит посредством жесткого соблюдения этических норм и традиций сельской местности, что, на наш взгляд, в современном обществе очень сложно осуществить. Эта ситуация дает возможность предположить, что сельские педагоги подходят к определению целей в жизни и способам достижения этих целей несколько утопически, иррационально, стремятся к идеалу, забывая о реалиях современной жизни.

Учителя из города считают наиболее ценными для себя: здоровье, материально обеспеченную жизнь и интересную работу, наименее значимыми - красота природы, счастье других и творчество. Среди инструментальных ценностей городские учителя выделяют: независимость, рационализм, твердую волю. Наименее из всех значимы для них - аккуратность и порядок в делах, высокие запросы к жизни, радость.

Несколько неожиданным, на наш взгляд, явилось то, что такое качество как аккуратность в делах у педагогов-горожан явилось практически лишним в их структуре ценностей. Это связано, по нашему мнению, с тем, что за последние годы (в связи с ЕГЭ) работники школ очень часто подвергаются контролю со стороны отделов образования районного, городского и областного масштабов. При этом городские школы контролируются чаще, чем сельские. Обязанность держать все документы в порядке порой заставляет учителей львиную долю времени при подготовке к занятиям посвящать именно этому. Бумажная заформализованность профессиональной деятельности делает работу учителей неинтересной. Именно поэтому испытуемые этой группы оценивают независимость в работе достаточно высоко. Они хотят самостоятельности в принятии решений, планировании своей деятельности и своего времени.

Сравнивая ценностные предпочтения

испытуемых из двух групп, мы видим, что городские педагоги более осознанно, логично и рационально, нежели сельские учителя, строят иерархию ценностей. Но проблема заключается в том, что творческий подход к делу, как основа образования и самообразования учителей, не входит в сферу интересов как городских, так и сельских учителей. И при этом достаточно насущной потребностью становится материальная заинтересованность. К сожалению, зарплата наших учителей не соответствует современным запросам. Стремление и реализация зарабатывать достаточное количество средств лишает наших педагогов жизнерадостности и желания развлекаться.

В анализе мы выделили еще два ценностных ориентира, которые представляют интерес для данного исследования: самообразование и образованность (рис 1).

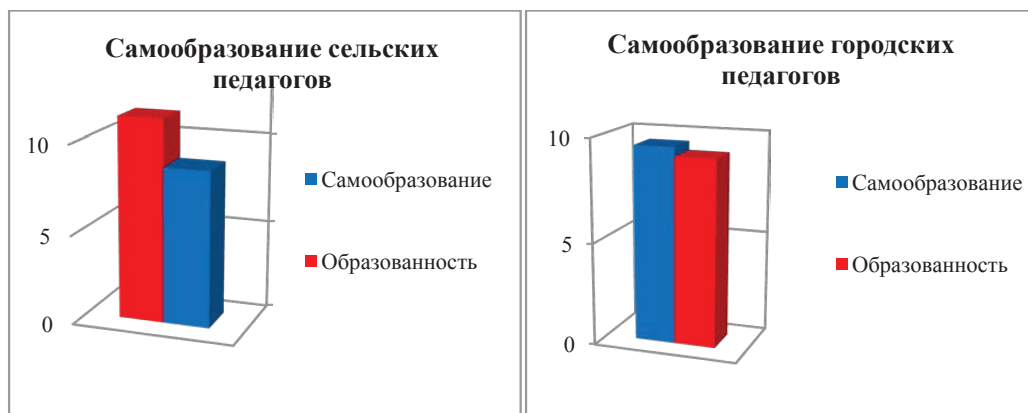

Рис. 1. Место самообразования в иерархии ценностей сельских и городских педагогов

Что касается самообразования, как возможности повышения своего профессионального роста и саморазвития, то в иерархии сельских педагогов эта ценность занимает 13-ю позицию, а у городских респондентов - 8-ю. А образованность как средство повышения интеллектуального развития сельские педагоги расположили на 7-ю позицию, а респонденты города поместили на 11-ю.

Анализируя отношение к данным ценностям, мы видим, что для сельских учителей стремление к самообразованию как возможности повышения своего профессионального роста и саморазвития менее актуально, нежели для респондентов-горожан. Но при этом, педагоги-сельчане считают, что образованность, т.е. знания предмета, интеллектуальный уровень подготовки к профессиональной деятельности, важнее.

Такая картина возникает, на наш взгляд, потому, что условия сельской жизни в настоящее время делают профессиональную квалификацию учителя достаточной при любом уровне формальной образованности педагога (отсутствие конкурентности, слабый контроль за деятельностью учителя, подчиненность жизни графику сельскохозяйственных работ). Для учителей же городской группы испытуемых существует более богатый выбор предлагаемых образовательных программ, отсутствие необходимости выезжать за пределы родного города и оставлять надолго свою семью при повышении квалификации, неограниченные ресурсы сети Интернет, возможность участия в сетевых конференциях.

Стремление к самообразованию, постоянному самосовершенствованию и повышению своего интеллектуального

развития более выражено у респондентов группы городских педагогов, нежели у сельских. С этим связаны как объективные, так и субъективные обстоятельства. Субъективные обстоятельства нам удалось выделить, проанализировав ответы на вопросы методики «Личностно-профессиональная перспектива».

Анализ показал, что вне зависимости от того, в какой местности проживают педагоги, они видят смысл своей профессии в том, чтобы быть полезными окружающим, повышать культурный уровень воспитанников, прививать им чувства сострадания и доброты. Отличие же во взглядах заключается в том, что для педагогов - горожан важно не только дать определенные знания своим воспитанникам, но и научить их самостоятельно добывать эти знания, рационально подходить к определению жизненных целей, адаптироваться в современном мире, чтобы стать конкурентоспособным. Учителя - сельчане считают, что этому они должны научить своих подопечных. Поэтому свой профессиональный рост учителя города, в отличие от сельских коллег, связывают с самореализацией в профессии, интеллектуальном совершенствовании и как результат работы над собой, повышением материального благосостояния. Они с большим оптимизмом глядят в будущее, уверенно движутся к поставленной цели и помехой на пути к самосовершенствованию считают только свои минутные слабости. Возникающие трудности решают усилием воли и упорством.

Для сельских испытуемых будущее представляется не столь оптимистичным, они продолжают терпеливо накапливать знания и делиться ими с воспитанниками, но появляющееся разочарование в

профессии у части испытуемых, не способствует ни профессиональному росту, ни профессиональному самообразованию.

Подтверждение данному факту мы нашли при сравнительном анализе результатов по методике «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир (рис. 2).

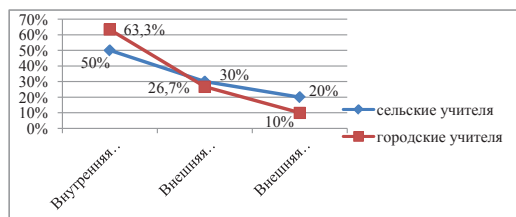
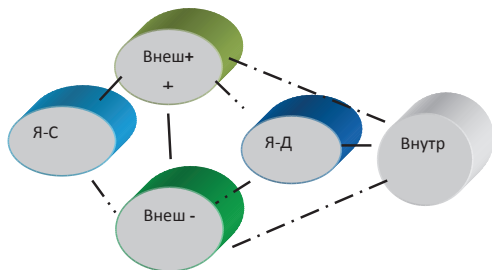

Рис.2. Распределение показателей мотивации педагогов сельских и городских школ по методике «Мотивация профессиональной деятельности»

Сравнение средних показателей уровня мотивации в обеих группах и статистическая проверка их достоверности показали, что у городских респондентов уровень удовлетворенности избранной профессией выше, чем у сельских, их мотивационный комплекс более оптимальный.

Внутренняя структура связей между полученными переменными видна в пле-

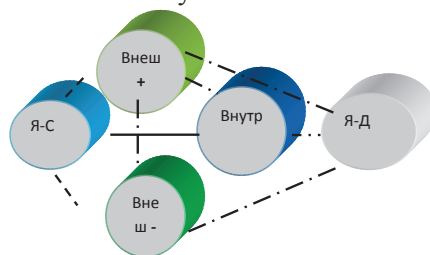
ядах (рис. 3 и 4)

Примечание: показатели шкал теста «ЛОС» -Я - С - социальная составляющая идентичности,

Я - Д - духовная составляющая идентичности; показатели шкал теста «Мотивация профессиональной деятельности» - Внеш + - внешняя положительная мотивация, Внеш - - внешняя отрицательная мотивация, Внутр - внутренняя мотивация; уровень связи обозначен следующим образом: ■ $p < 0,01$; ▬ $p < 0,001$; - - - - $p < 0,05$

Рис.3. Структура связей между параметрами у педагогов сельских школ по методикам «Мотивация профессиональной деятельности» и «ЛОС»

Здесь видно, что для группы сельских учителей повышение социального статуса зависит только от условий социальной среды, которая для них очень значима. А желание самосовершенствоваться связано как с внутренними потребностями, так и с внешними обстоятельствами. Поэтому у них и наблюдаются внутреннее напряжение, конфликтные противоречия в выборе, в мотивах, в чувствах, мыслях и в поведении, когда речь идет о профессиональном самообучении

Примечание: показатели шкал теста «ЛОС» -Я - С - социальная составляющая идентичности, Я - Д - духовная составляющая идентичности; показатели шкал теста «Мотивация профессиональной деятельности» - Внеш+ - внешняя положительная мотивация, Внеш- - внешняя отрицательная мотивация, Внутр - внутренняя мотивация; уровень связи обозначен следующим образом: ■ $p < 0,01$; ▬ $p < 0,001$; - - - - $p < 0,05$

Рис. 4. Структура связей между параметрами у педагогов городских школ по ме-

тодикам «Мотивация профессиональной деятельности» и «ЛОС»

У группы педагогов из городских школ желание профессионального роста и связанного с этим повышения социального статуса во многом определяется не только внешними условиями, но и внутренними потребностями, так как саморазвитие, по их мнению, ведет к повышению социальной значимости в профессиональной среде, а, следовательно, и конкурентоспособности.

Таким образом, представляется возможным предположить, что городские учителя более мотивированы на профессиональное самообразование и полную самореализацию в профессиональной деятельности, нежели сельские педагоги. Потребность в повышении социальной значимости в обществе способствует поиску путей самореализации, самосовершенствования. Один из вариантов они видят в профессиональном самообразовании, которое является средством повышения социального положения, конкурентоспособности и улучшения материального благополучия.

Социальная значимость сельских испытуемых достаточно сильно зависит от внешних обстоятельств. Внутреннее желание самосовершенствоваться у них никак не связывается с повышением собственного авторитета в глазах односельчан, так как в условиях сельской школы учителю не с кем конкурировать, да и вопрос социального престижа не стоит так остро. Педагоги сельчане, в большинстве своем, продолжают терпеливо накапливать знания и делиться ими с воспитанниками. Появляющееся разочарование в профессии у части испытуемых из этой группы, не способствует ни профессиональному росту, ни профессиональному самообразованию.

Литература:

1. Драничников А.Ф. Профессиональное становление молодого учителя в условиях сельской школы // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова №3, 2002.
2. Клименко Л. Н. Профессиональное самообразование педагога/ Л. Н. Клименко // Чита: Молодой ученый, 2011.
3. Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя/ Л.М. Митина//М.: Академия, 2004.

Клейберг Ю.А. (Москва, Россия)

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОГЕРОНТОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННАЯ СИНТАГМА ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье указывается на отсутствие междисциплинарного анализа социальной психогеронтологии; дана характеристика современным научным подходам и направлениям как компонентам синтагмы исследований социальной психогеронтологии – экологии старения и психозекологии личности пожилого человека.

Ключевые слова: синтагма, психогеронтология, современные теории и направления социальной психогеронтологии.

Abstract. The article emphasizes the lack of interdisciplinary analysis of social psychogerontology; the characteristic of modern scientific approaches and directions as components Syntagma studies social psychogerontology - ecology and aging psychoecology personality of the elderly person.

Keywords: Syntagma, psychogerontology, modern theory and areas of social psychogerontology.

Синтагма — систематизированная и логически выверенная система знаний, полученных на базе разных парадигм. Синтагму исследований социальной психогеронтологии нельзя придумать, но ее можно и должно эксплицировать [6], то есть вывести из ранее полученных знаний о закономерностях психогеронтологии.

Разработка синтагмы социальной психогеронтологии – инновационный шаг в науке (возможно, не безупречный), а потому не гарантирован от погрешностей.

Итак, рассмотрим современные научные направления и теории, с помощью которых может изучаться социальная психогеронтология.

Социальная психогеронтология, развиваясь в качестве самостоятельной отрасли знания, в нашей стране имеет весьма короткую историю.

Само сочетание слов «социальная психогеронтология» указывает на специфическое место, которое занимает (или может занять) эта дисциплина в системе научного знания. Понятно, что эта наука возникла на стыке наук – социальной

психологии, геронтологии, психологии старения и др. – тем не менее, сохраняет за собой особый статус, то есть каждая из этих дисциплин включает ее в себя в качестве составной части (блока).

Социальная психогеронтология рассматривает старость как возраст развития и указывает на значительные различия индивидуальных признаков старения применительно к сенсорно-перцептивной и интеллектуальной сферам, к характеристикам личности, динамике творческой продуктивности, не позволяющие однозначно установить возрастную границу между зрелостью и старостью.

Этот возраст отличает особое предназначение, специфическая роль в системе жизненного цикла человека: именно старость очерчивает общую перспективу развития личности, обеспечивает связь времен и поколений. Только с позиции старости можно глубоко понять и объяснить жизнь как целое, ее сущность и смысл, ее обязательства перед предшествующими и последующими поколениями.

Между тем этот период – значительный и неизбежный этап онтогенеза человека, и без его системного исследования невозможно построение целостной концепции психического развития и, соответственно, формирование образа и стиля «позитивного старения».

Важнейшие задачи, стоящие перед старостью, не могли бы получить решение, если бы этот возраст характеризовался только с позиции недостатка, ущербности по сравнению со зрелостью. В этом смысле на старость можно экстраполировать закон метаморфозы Л.С. Выготского (1984). И тогда старость следует характеризовать не столько угасающими способностями, но, прежде всего, качественно отличной психикой, поскольку развитие есть цепь качественных изменений.

Большинство современных теорий старости трактуют возраст как с позиции адаптации (В.Д.Альперович, 1997; И.Давыдовский, 1967; Н.Шахматов, 1996; Р.С.Яцемирская, И.Г.Беленькая, 1999; О.В.Краснова, А.Г.Лидерс, 2002), так и с позиции истощения адаптации (утраты адаптивных возможностей), рассматривают стратегию сохранения себя как индивида в качестве единственно возможной формы старения. Однако в социальной психогеронтологии есть адаптивно-регуляторная теория старения, разработанная около 40 лет назад В.Фролькисом. Согласно этой теории, в позднем возрасте наряду с разрушительными процессами, сокращением адаптивных возможностей организма существуют процессы, направленные на поддержание его высокой жизнеспособности, на увеличение продолжительности жизни. Эти процессы были названы витауктом (*vita* – жизнь, *auctum* – увеличивать).

В этой связи нами были выдвинуты [2; 3; 5] перспективные (в методологическом и эмпирическом плане) идеи о новых направлениях социальной психогеронтологии: а) экологии старения и б) психоэкологии личности пожилого человека. Первое направление характеризуют следующие моменты: общие черты экологии старения; аспекты окружающей среды (в том числе и социальной), влияющие на психическое здоровье стареющих людей; таксономия (классификация и систематизация) профилей психического здоровья и характера восприятия окружающей среды; систематика факторов окружающей среды, влияющей на качество жизни пожилых людей; семейный статус пожилого человека и т.п. Нами также отмечается, что экология старения – одна из наиболее активно разрабатываемых областей исследования современной психогеронтологии. Отпочковавшись от психологии окружающей среды («*environmentalpsychology*»), экология старения скорее представляет общую перспективу исследований в области «окружающая среда - поведение», нежели является специальной теорией или методом. По моему мнению, экология старения – это система непрерывной адаптации, в которой и организм, и окружающая среда изменяются во времени упорядоченно. Из этого, безусловно, рабочего определения вытекает несколько выводов для исследовательской работы. Во-первых, общая цель экологии старения состоит в понимании возрастных изменений поведения, которые возникают из взаимодействий человека с окружающей средой. Во-вторых, существует отчетливый интерес к изучению адаптации, то есть, как пожилые люди справляются с

возникающими внутренними и внешними нуждами и требованиями. В-третьих, исследования в этой области должны быть ориентированы, главным образом, на решение жизненных задач.

В последние годы интерес ученых сосредоточен на изучении разнообразия популяций пожилых людей и типов окружающей среды. Это подразумевает анализ восприятия окружающей среды, особенно социальной; толерантности к различиям среди людей, умение жить, не мешая другим, способность иметь права и свободы, не нарушая прав и свобод других; стресса, связанного с окружающей социальной средой; влияния социальных, физических, административных и пр. аспектов окружения на пожилых людей.

Второе направление – психэкология личности пожилого человека – практически не разработанная область психологической науки. Однако проблемы, которые решает эта наука – чрезвычайно остры и важны в современном обществе: организация личностью своего психологически комфортного социума и позитивных взаимоотношений в нем; способность личности противостоять стрессу (превенция), реабилитация после выхода из стресса; изучение личности как активного субъекта социализации, социальной среды как активного социализирующего и десоциализирующего фактора; социальное и психологическое самочувствие пожилого человека, его возможности и их реализация в интересах самого пожилого человека, его семьи и общества; проблема взаимоотношений и взаимодействия, солидарности, толерантности поколений – вот, далеко не полный перечень исследовательских проблем этой отрасли науки.

Психэкология личности означает, на мой взгляд, социально-психологическую защиту и самозащиту личности в определении ею же собственных личностных (когнитивных, мотивационных, эмоциональных, поведенческих) и социальных трудностей, вызывающих изменения в самосознании и самооценке пожилого человека как субъекта отношения и деятельности и целостность социума как среды его обитания.

В рамках предложенных направлений и в результате научного осмысления, автором статьи [2; 3; 5] была выдвинута новая актуальная проблема – проблема построения модели успешного развития и старения (2002). Предметом научно-практического интереса здесь могут быть следующие вопросы: что может служить критерием успешного развития и старения; каким способом можно интегрировать медико-биологические, интеллектуальные, социальные и субъективные функции и состояния в этом процессе и т.д. В отличие от ранее принятого в науке подхода, сосредоточенного на изучении старости как таковой, наша модель ориентирована на пролонгированную перспективу, охватывающую весь жизненный путь индивида. Кроме того, в предложенной мною модели преобладает мультидимензионный подход, то есть успешное старение рассматривается как комплексный результат благоприятного социально-психологического контекста и индивидуальных усилий человека на протяжении достаточно долгих периодов жизни и в самых разных сферах. Однако данная модель требует дальнейшей серьезной теоретико-методологической и прикладной проработки и описания подходов, основывающихся на ясном пони-

мании социально-психологических, физиологических, геронтологических и др. особенностей пожилого возраста.

В этой связи институционализация социальной психогеронтологии в нашей стране и ее исследования приобретают общезначимый характер, что определяет целесообразность изучения социально-психологических проблем старости и пожилого человека в целях оказания комплексной и своевременной профессиональной помощи.

Представленная нами синтагма нуждается в дальнейшей теоретической корректировке и эмпирической проверке. Однако даже в таком виде она открывает перспективы для дальнейшей институционализации социальной психогеронтологии, и исследовательские данные этих наук приобретут общезначимый характер, что, несомненно, будет способство-

вать появлению новых теоретических подходов, концепций и парадигм, подкрепленных интересными эмпирическими исследованиями.

Литература

1. Альперович В.Д. Социальная геронтология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
2. Клейберг Ю.А. Проблемы людей старшего поколения: реальность и перспективы // Вестник социальной работы. 2002. № 2.
3. Клейберг Ю.А. Социальная психогеронтология: теория проблемы // «Старшее поколение» - теория и практика социальной работы. – Ульяновск, 2005. С. 108-112.
4. Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старения. М.: Академия, 2002.
5. Пожилой человек: проблемы возраста и аспекты социальной работы / Под ред. Н.Б. Шмелевой. Ульяновск, 2002.
6. Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г. Социальная геронтология. М.: Владос, 1999.

Милютин Е.В. (г.Полевской, Россия)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ, КАК ЭТАП БИОПСИХОСОЦИО - ДУХОВНОГО ПОДХОДА К ВЕДЕНИЮ БОЛЬНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ (этапы, методы)

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей психологической реабилитации в контексте биопсихосоциального подхода к лечению пациентов с процессуальными заболеваниями посредством полипрофессиональных бригад. Статья описывает этапы реабилитационного процесса и методы взаимодействия с пациентом (в т.ч. инновационные). Основное внимание в работе автор акцентирует на необходимость введения в биопсихосоциальную модель такой значимой составляющей как духовность, духообразование. Статья приводит некоторые итоги изучения данного вопроса и обращает внимание на то, что сохранение статуса, целостности личности пациента и ее реализации возможны лишь в комплексе биологических, социальных, психологических и духовных взаимодействий.

Ключевые слова: биопсихосоциальный подход, биопсихосоцио-духовный подход, реабилитация, процессуальное заболевание, психическое расстройство, полипрофессиональная бригада, острый период, подострый период, рессоциализация, метод, комплайнс, пациент.

Abstract. This article is devoted to consideration of features of psychological rehabilitation in the context of biopsychosocial approach to treatment of patients with procedural diseases by means of polyprofessional crews. Article in detail describes stages of rehabilitation process and, possible, including innovative methods of interaction with the patient. The author focuses the main attention in work to need of introduction to biopsychosocial model of such significant component as spirituality, a dukhoobrazovaniye. Article gives some results of studying of the matter and pays attention that saving of the status, integrity of the identity of the patient and her realization are possible only in a complex of biological, social, psychological and spiritual interactions.

Keywords: biopsychosocial approach, biopsychosocial-spiritual approach, rehabilitation album disease process, mental disorder, multiprofessional team, acute phase, subacute phase, ressocializatsiya, method, compliance, patient.

Все в большем числе психиатрических учреждений биопсихосоциальный подход в лечении и реабилитации пациентов с психическими расстройствами становится реальностью. Это в первую очередь, связано с широким внедрением полипрофессионального бригадного метода оказания психиатрической помощи, с участием в ней не только врачей-психиатров, но и психотерапевтов, психологов, специалистов по социальной работе и социальных работников.

Руководствуясь современными подходами к проблеме лечения хронических психических заболеваний именно реабилитация становится тем звеном в общей структуре психиатрической помощи, которое необходимо для реализации комплексного вмешательства, так как затрагивает сразу все стороны жизнедеятельности пациентов и их ближайшего окружения. Это крайне важно, так как позволяет задействовать сохраненные стороны личности больных и создать на этой основе достаточно высокий уровень мотивации к позитивным изменениям, сформировать сознательное отношение к лечению и ответственность за свое поведение. Практически психосоциальная реабилитация начинается с первого кон-

такта больного с медицинской службой и продолжается до тех, пор, пока не будет восстановлен его социальный и профессиональный статус.

Стоит отметить, что за последние десятилетия произошла, возможно, вынужденная, смена основных приоритетов в реабилитации душевнобольных людей. На рубеже 19-20 вв., одним из основных направлений в реабилитации стала трудовая терапия, с одной стороны как некое достижение психиатрических воззрений за «нестеснение» (no – restraint), а так же достойное и гуманное отношение к болеющим (P. Pinel, W. Tuke (1792 г.), J. Conolly (1839)[17]; с другой стороны как ответ на социальный и цивилизационный запрос, где человек стал объектом исследованным, наученным и управляемым. В России наибольшего «расцвета» трудовая (промышленная) реабилитация достигла в 70–80-е годы. В психиатрической литературе того времени активно обсуждались её различные организационные формы и приводились убедительные данные о её высокой эффективности (Мелехов Д. Е., 1974; Кабанов М. М., 1978; Красик Е. Д., 1981)[3]. Были разработаны не только различные формы трудовой реадaptации, но и соответству-

ющие медико-психологические воздействия на больного во время её проведения. В последние годы в связи с общим ухудшением экономической ситуации, закрытием некоторых государственных предприятий и появлением безработицы реабилитация психически больных также стала трудноразрешимой задачей. Пришли в упадок обеспечивавшиеся ранее государством учреждения реабилитационной направленности — лечебно-трудовые мастерские, артели и производства, использовавшие труд инвалидов. Из-за недостаточности материальной базы практически полностью были закрыты программы профессионального обучения умственно отсталых во вспомогательных школах и интернатах. В настоящее время мы имеем значительный реабилитационный пробел, так как трудосоциальная реабилитация практически исчезла, а психосоциальная реабилитация и ресоциализация еще не имеет достаточной организованности в психиатрических учреждениях. Общество, в свою очередь, сейчас ориентируется на человека обладающего высокой степенью адаптивности с умением быстро и эффективно ориентироваться в изменяющихся условиях жизни, коммуникациях и информационной какофонии. В связи с этим, люди, страдающие душевными заболеваниями чаще всего, всё также находятся в зоне повышенного риска стать изгоями, стоящими на обочине жизни. Безусловно, здесь огромную роль играют программы по повышению толерантности и дестигматизации в обществе к этой проблеме, как со стороны здоровых людей, так и людей находящихся в статусе душевнобольных. Внедрение биопсихосоциального подхода в лечении и реабилитации

пациентов с процессуальными заболеваниями и метод полипрофессиональных бригад вполне возможно станут тем необходимым звеном в ведении пациентов, которое позволит комфортно и максимально эффективно адаптироваться и реализоваться «статусному» человеку в современных условиях жизни.

Первоначально мы рассмотрим уже применяемый биопсихосоциальный или интегративный (Козлов В.В) подход и его этапы в реабилитации, как способ и понимание необходимости увидеть и сохранить личность человека, находящегося в «статусе». Но особое внимание хотелось бы уделить еще одной, возможно наиболее значимой составляющей процесса реабилитации – это обращение к духовному ядру человека, его сократальным смыслам, что является актуальным, как для человека находящегося в реабилитации, так и проводящего ее. Данному аспекту реабилитации, к сожалению, уделяется наименьшее внимание: духовность, «духообразование» не являются единицей реабилитационного процесса в современной психиатрической системе. Безусловно, это связано, в том числе и с историческими событиями, когда понятие духа девальвировалось и трансформировалось из особого состояния человеческой души и личности в компонент воли трудового человека и коллективного устремления. Так же представляется весьма затруднительным и спорным раскрыть и объяснить методологически, категорию духа в рамках психологии как науки. Обращаясь к помощи и опыту других наук - философии, культурологии, социологии, теологии и др., раскрывая понимание духа (лат. Spiritus) и духовного в контексте данных дисциплин, мы видим значи-

мость и необходимость включения этого понимания в процесс реабилитации, так как только оно способно обеспечить действительную целостность личности, ее смыслообразующую, направляющую силу и трансцендентность. Итак, Дух: 1) высшая способность человека, позволяющая ему стать источником смыслополагания, личностного самоопределения, осмысленного преобразования действительности; открывающая возможность дополнить природную основу индивидуального и общественного бытия миром моральных, культурных и религиозных ценностей; играющая роль руководящего и сосредотачивающего принципа для других способностей души; 2) сверхприродная, правящая миром сила, к которой человек может быть активно или пассивно причастен; 3) внутренняя сущность, смысл. Дух (в общем смысле) – обозначение невидимого, сверхчувственного, нематериального начала. Прежде всего, дух – это содержание всякого религиозного опыта, переживание реального действия некоторой недоступной человеческим органам чувств силы, но заставляющей человека мыслить, говорить, вести себя определенным образом. С точки зрения истории культуры, дух является обобщающим обозначением структур «человеческого в человеке», некоторого «порядка души». Духовное — высший продукт жизни как таковой, которая приходит к своему самосознанию и сознательному возрастанию в человеке.[18] Высшая форма духовного отношения человека к миру - любовь. Любовь - существо самой жизни и представляет собой духовный архетип человечества, который раскрывается через развертывание сущности человека. Именно любовь связывает воеди-

но истину, добро и красоту, являя в этом высшем синтезе духовный архетип человечества. Следующая форма духовного отношения – совесть. Совесть - именно благодаря ей вступают в сообщение, во взаимодействие как бы два онтологически разных мира: материальный и духовный. Человек посредством совести осуществляет их координацию, строит мир эмпирический по законам мира идеального. Совесть связует поступок человека с его идеалом. В совести человек выступает в роли вестника бытия, чтобы жить в согласии с ним.[20] Высшим видом творчества является самопознание, самосозидание человеком самого себя, - лишь этот процесс можно определить как собственно духовный. И здесь, также, уместно будет вспомнить «самоактуализацию» по К.Г.Юнгу и А.Маслоу, концепцию «стремления к превосходству» и «творческого Я» А.Адлера, ресурсные состояния сознания Козлова В.В..[5] Данное смысловое поле духовности и значения духа в человеке на наш взгляд является важнейшей составляющей процесса восстановления и эффективной реадaptации личности проживающей кризисное состояние или выходящей в период ремиссии.

Основными задачами психологического этапа биопсихосоциальной модели, является: предотвращение ранней инвалидизации, распада семьи, разрыва социальных связей, сохранение социального функционирования пациента, помощь в преодолении чувства вины, безнадежности, неприязни. Психотерапия может потенцировать антипсихотическое действие биологических методов лечения.

Говоря о психологической реабилитации в биопсихосоциальной модели, грубо, можно выделить три этапа:

1. Ведение пациента в остром периоде;
2. Комплексное взаимодействие в подострый период;
3. Сопровождение и взаимодействие в период ресоциализации.

В качестве методов психологической реабилитации для больных шизофренией используются различные подходы: долговременная индивидуальная психоаналитическая и когнитивно-поведенческая терапия, семейная терапия, кратковременное периодическое кризисное вмешательство, длительная коммуникативно-корректирующая групповая терапия. Формы взаимодействия с пациентом применяются последовательно, одновременно или избирательно.

Так, например, в острый период (период госпитализации) основными направлениями деятельности психолога являются:

1. Первичный контакт. Диагностика.

Степень успешности процесса реабилитации во многом зависит от условий и перспективы первичного контакта, где личность и профессионализм психолога являются тем самым, первым серьезным ресурсом для пациента, который позволит наиболее успешно пройти дальнейшие этапы реабилитационного процесса. Именно, этот момент является основополагающим для возникновения взаимного доверия между мед.службой в целом, отдельными специалистами в ней и человеком. В остром периоде человек, как правило, испытывает высокой степени внутреннее напряжение, недо-

верие к окружающему миру и интенсивное переживание по поводу своего актуального состояния и проявившихся представлений и пониманий. Дуальность восприятия, повышенные мнительность и тревожность дают значительное, часто малоконтролируемое сопротивление любым факторам извне. Человек пытается тщательно уберечь свой «разваливающийся мир», пытаясь самостоятельно найти точки опор, даже, если в «здоровом» мире это видится абсурдным. За неимением возможности правильно оценить помощь и отличить ее (для себя самого) от угрозы, личность попадает в т.н. кокон собственных деструкций, другими словами становится закрытой системой. Задача специалиста максимально бережно и деликатно, практически с безусловным принятием встретить переживания человека. Глубинное понимание того, что именно это, на данный момент, является реальностью пациента, позволяют специалисту войти в зону доверия с необходимыми процессу лечения, позволениями.

Диагностика в этот период является не только методом контроля пациента, но и способом самоконтроля пациентом самого себя, появляется возможность возникновения критики к самому себе через оценку диагностических процессов и изменений. Именно патопсихологическая диагностика помогает доктору-психиатру увидеть нюансы и особенности состояния когнитивной сферы, процессов мышления и поведенческих реакций пациента.

2. Индивидуальное консультирование, так называемые, встречи, в остром периоде направлены в основном на принятие ситуации госпитализации, либо ситуации рецидива. Очень важно, чтобы

человек начал говорить, так как чаще всего первое, что подвергается деструкции - это коммуникация, возможность проявлять себя. Пациент находится в неких ножницах Я – НЕ Я: «то, что является моим содержанием сейчас, неприемлемо, в том мире, где я живу, и требует лечения, я не такой как они; то, что сейчас со мной происходит, беспокоит меня, я помню себя другим, это было лучше - я не такой как я. Потеряна точка опоры, из которой было бы возможно безопасно коммуницировать с окружающим миром. Если пациент достаточно опытен, он использует шаблонный метод общения – проговаривая те симптомы, состояния, результаты, которые от него готовы услышать. Работа с расщепленностью пациента, на: «Я» – «НЕ Я», «Я» – «НЕ ОНИ» и является основной задачей специалиста в остром периоде в индивидуальном консультировании. Активное слушание, поддержка, не директивная корректировка и побуждение к рассказу – основные инструменты специалиста. Первый шаг в успешном лечении психического расстройства – это принятие факта болезни, как части самого себя, что позволяет личности значительно уменьшить расстояние между границами «Я» и «НЕ Я», или даже определить новую опору: «все, что со мной происходит это не Я, это моя болезнь, но, так как она моя – это и Я ТОЖЕ». Подобная интеграция «Я» и «НЕ Я» в «Я ТОЖЕ» снижает напряжение, благодаря чему становится возможным диалог и сама терапия. Приняв и признав свою болезнь, утрачивается потребность вытеснять ее, «убегая» от самого себя, а следовательно, и не затрачиваются на это силы организма, а направляются они на поиск ресурсов, помогающих жить качественно

и полноценно, даже имея такую особенность как психическое расстройство.

Далее работающими методами могут стать психоаналитическая, когнитивно – поведенческая, позитивная терапия и др. Особое внимание хотелось бы уделить позитивной психотерапии, как методике психотерапии «здоровым смыслом»использующей элементы рациональной терапии.[11] Одним из наиболее важных тезисов позитивной психотерапии является транскультуральный принцип, нацеленный на позитивное истолкование симптома или проблемы: рассматривая его не как проблему, а как способность и сравнивая его со сходными феноменами, встречающихся в других культурах и не носящих оттенка патогенности. Подобный прием предполагает использование метафор, историй, притч, пословиц и поговорок разных с пациентом народов и культур.[12]Особо ценным в контексте био – психо – социо – духовного подхода к ведению больных процессуальными заболеваниями является то, что позитивная психотерапия с равной актуальностью воспринимает и комплексно воздействует на все основные составляющие человека: тело, душу и дух, соответственно выделяя в лечении биологическое, психосоциальное и духовное направление. Используемые восточные истории и сказки очень тонко и эффективно расширяют смысловой горизонт пациента и облегчают коррекцию ценностных приоритетов. Что, безусловно, актуально в современных кризисных условиях общего мировоззренческого, духовного потенциала всей страны и каждого человека. Так как крах коммунистической идеологии привел не только к появлению ноогенных неврозов, описанных Викто-

ром Франклом[19], но и значительному росту психосоматических заболеваний и посттравматических стрессовых расстройств, причиной чего стало крушение мировоззренческих и нравственных ценностей, ослабление или даже опустошение духовного смыслового ядра.[13]

Психическое расстройство, будь – то процессуальное заболевание или отдельные симптомы, рецидивы – это кризис физической, социальной, психической организации человека, который обнажает его духовное, глубинное содержание, искажает либо разрушает его. Расширение внутренней картографии, смысловых, культуральных и др. границ семантического пространства личности позволяет наполнить, скорректировать, частично привнести (сформировать), ценностное и смысловое содержание в духовное ядро человека, благодаря чему личность уже способна видеть ориентиры и точки опор, необходимые для процесса восстановления. И тогда проявленный дух, напитанный смыслом и ценностями, принявший опыт, способен направить разум по пути позитивной интеграции.

3. Методы психофизиологической разгрузки:

- комната сенсорного воздействия и релаксации. Сеансы в сенсорных комнатах, в зависимости от поставленных задач, можно рассматривать, как:

1. самостоятельную реабилитационную процедуру;
2. способ подготовки к другим медико – психологическим мероприятиям;
3. средство оптимизации реабилитационного процесса.

Пребывание в безопасной, комфортной обстановке, наполненной разно-

образными стимулами, при сопровождении специалиста помогает не директивно (без дополнительной мед.терапии) скорректировать или даже восстановить способность человека к расслаблению, что в свою очередь улучшает психоэмоциональное состояние пациента и дает возможность расширить границы эмоционально-сенсорного спектра, также стимулирует размышленческий потенциал пациента.

- психофизиологическая зарядка с элементами танцевально – двигательной терапии или релакс/терапии, особый метод реабилитации пациентов в остром периоде, так как не требует особых умственных и физических усилий, и носит групповой характер, что оптимизирует общий процесс, создает легкую атмосферу и благоприятное настроение, также активизирует мотивацию к выздоровлению.

4. Коммуникативно – корректирующая групповая терапия.

В групповой работе процесс восстановления, обучения, тренировки осуществляется в искусственно созданных условиях «защищенной среды», где в основу выработки решений самими пациентами положен интерактивный процесс. В группе вырабатываются «нормы» взаимоотношений, а также не единственно возможное, а несколько решений, выбор которых соответствует сложности социальных отношений. Кроме того, группа обеспечивает обратную связь и взаимную поддержку. В процессе серии таких групповых занятий, составляющих ту или иную программу (модуль), и осуществляется процесс психосоциальной терапии.

Большинство программ психосоциального лечения, в том числе, предусма-

тривает восстановление у больных социальных навыков: от простых, бытовых, элементарно, обеспечивающих независимое существование, до более сложных социально-психологических образований (проблемно-решающего поведения, умения общаться, взаимодействовать в обществе, использовать стратегии совладания, умений и знаний, определяющих социальную компетентность).

Пациент обучается использовать ступенчатую модель решения проблемы: идентификация проблемы - возможные альтернативные решения, определение «за» и «против» при каждом из решений - выбор оптимального решения - использование его на практике. Учится избегать неуспешных стратегий совладания (уход от проблемы, социальное устранение, непродуктивные обвинения и самообвинения) и идти по пути успешных (решать проблемы, обнаруживать в неудачах элементы позитивного, опираться на социальные контакты и пр.). Восстановление указанного «социально-психологического инструментария», нарушенного частично или в значительной степени утраченного в процессе болезни являются важным фактором психологического и как следствие, социального восстановления больного при возвращении его в социальную среду, а также активного участия в реабилитационном процессе, направленного на восстановление его социальных ролей и положения в обществе.

Здесь можно выделить две группы: терапевтические и психообразовательные.

Одной из целей терапевтической группы является «снятие» и высвобождение (путем психотерапевтических техник арт-терапии, музыкотерапии и др.)

актуальных деструктивных эмоций без обращения к когнитивным способностям пациента в данный период. В терапии процессуальных заболеваний, также нашли свое место терапия творческим самовыражением, психодрама, телесно – ориентированная терапия, интегративная терапия движением, танцевальная терапия и другие ее экзистенциальные методы.

Психообразовательные программы (модули) нацелены на комплекс различных задач: на выработку у больных и их родственников комплайенса (осознанного соблюдения предписанного режима лечения), обучение распознаванию признаков начинающегося обострения, совладанию (копингу) с остаточной психопатологической симптоматикой, улучшению адаптации пациента и его семьи, а также на управление болезнью. «Образованный» пациент, это человек владеющий своим состоянием, умеющий распознавать болезнь и «договариваться с ней», следовательно способный нести ответственность, планировать будущее не опасаясь, что «нечто» ворвется в эту, и без того хрупкую, жизнь и разрушит ее. Одна из задач психообразовательных программ изменить качество, фокус внутреннего напряжения, где на смену напряжения неизвестности «что со мной происходит», приходит т.н. «рабочее» напряжение.

5. Семейная терапия.

Цель семейной терапии - устранение эмоциональных нарушений в семье, связанных с неприятием факта болезни одного из членов семьи, помощь в преодолении чувства вины (как со стороны пациента, так и остальных членов семьи), формирование адекватного от-

ношения к болезни, психообразование. Улучшение семейной адаптации является защитным фактором от аутоагрессивных тенденций. К примеру, риск суицидального поведения меньше для состоящих в браке пациентов, холостые пациенты достоверно чаще совершают парасуициды. Но есть и другая сторона, пациенты, проживающие с критичными или сверхвовлеченными родственниками, более склонны к рецидиву. Для описания таких семей был введен термин «чрезвычайное выражение эмоций» (Brown and Rutter, 1966) [9], что также является определенным предиктором течения заболевания, если имеющий заболевание человек живет с родственниками. Образование родственников и работа с семьями, позволяют выявить основные проблемы семьи и снизить критичность и эмоциональную вовлеченность в их поведении, что существенно для профилактики рецидивов. Существуют разные понимания роли семьи в болезни одного или нескольких ее членов. Например, психоаналитическая теория источником процессуального заболевания считает нарушение взаимоотношений родитель – ребенок, системный взгляд рассматривает заболевание одного члена, как представление всей семейной ситуации. Эта личность часто выступает, как «предназначенный пациент», подразумевая, что патология находится во всей семье. Еще один из подходов характеризует расстройство биологическим заболеванием мозга, которое может встречаться в прекрасно функционирующих семьях. Во всем многообразии подходов и пониманий, очевидным остается позиция специалиста, взаимодействующего с семьей: отсутствие какой – либо критики и обвинения семьи, так как любая кри-

тика вернется к пациенту. Приоритетен Роджеровский принцип – тепло, эмпатия и искренность. Семья - это партнер по оказанию помощи пациенту и несомненный ресурс для специалиста.[9]

6. В отдельное направление стоит выделить обусловленную (госпитализацией) социализацию, которая предполагает участие пациента в социальной жизни стационара, что дает возможность проявления личностных качеств, способностей человека в специфике ситуации (тематические и праздничные мероприятия), а так же содействует повышению толерантности к себе, своему состоянию, состояниям окружающих людей, ситуации и учреждению в целом. Основная задача специалистов дать человеку, находящемуся в режиме стационара, ощущение динамики жизни, «это тоже жизнь – она продолжается», в ней те же праздники, те же ритуалы. Одна из важнейших потребностей человека – стремление к стабильности, повторяющимся и узнаваемым ситуациям, переживаниям, событиям, что дает желанное ощущение защищенности и понятной этапности жизни (пр.: дожили до нового года, отметили, готовимся к рождеству или 23 февраля). В этом случае ритуалы праздников, дат помогают избежать излишней и без того существующей тревоги за себя и свое будущее.

7. Кратковременное периодическое кризисное вмешательство: разъяснение пациенту причин и механизмов ухудшения его состояния и оказания помощи в приобретении нового опыта, который позволит ему лучше справиться с кризисной ситуацией и максимально сокращает время пребывания пациента в клинике.

КОМПЛЕКСНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПОДОСТРЫЙ ПЕРИОД.

Основная работа происходит в дневном стационаре, часто это отделение пограничных (кризисных) состояний. Как правило, лечение здесь проходят как, пациенты, попавшие в трудную жизненную ситуацию (травмы, потеря близкого, хроническая усталость, др.), так и пациенты, вышедшие из острого периода. Эта специфика дневного стационара, возможно, она спорна, но терапевтический эффект и для той и для другой группы очевиден.

Одним из постулатов гуманистической психологии является отношение к пациентам как к полноценным, заслуживающим уважения личностям и как просто к «другим». Станислав Гроф в одной из своих не столь давних работ писал: «Нынешняя психиатрия с её социально оскорбительными ярлыками, ужасными госпитальными условиями и терапевтическими процедурами создала атмосферу, в которой невозможна искренняя обратная связь» [2] Врач и пациент как бы находятся по разные стороны баррикад. И когда стремишься перешагнуть эти «баррикады», что выражается, главным образом, в отношении к пациенту как к полноценной, но просто другой личности, это оказывается достаточно неожиданным даже для самих пациентов. Большинство из них продолжают заученно повторять, что им нужно избавиться от страхов, «голосов» и т. п. Эффективность психотерапевтического лечения зависит от взаимоотношений врача, персонала и пациента, от некоего малого соц.психотерапевтического альянса. В этом смысле, интегративный подход становится принципиально новым смысловым пространством, как для специалистов, так

и для пациентов, так как рассматривает «психику человека, как сложную многоуровневую систему, обнаруживающую в личностно-структурированных формах опыт индивидуальной биографии, рождения, а так же безграничного поля сознания, трансцендирующего материю, пространство, время и линейную причинность» [7] Понимание и применение принципов интегративного подхода Козлова В.В., значительно увеличивают возможности терапии, хотя и способствуют возникновению новых вопросов.

1. Принцип целостности, подразумевает понимание личности как чрезвычайно сложной, открытой, многоуровневой, самоорганизующейся системы, обладающей способностью поддерживать себя в состоянии динамического равновесия и производить новые структуры и новые формы организации. В этом случае рассматриваем ли мы психическое заболевание как выход за пределы целостности или же это способность личности к иной самоорганизации и поддержанию динамического равновесия в ее пределах, но с нахождением иной плоскости (пространства) в общей картографии целостности. Если мы говорим о болезни как о выходе за пределы целостности, то тогда что мы считаем целостностью? Ведь и смерть, и кризис можно рассматривать как выход за пределы, но и как процессы внутри пространства личностной целостности. И возможно ли будет возвращение к целостности, если психика динамична? «В одну и ту же реку, не войти дважды». Рассматривая заболевание, как способность человека самоорганизоваться и удерживать определенное для личности равновесие, фокус внимания будет направлен на «способность» и на поиск

альтернативных вариантов сохранения целостности. К примеру, боль – это сигнальная способность организма вовремя предупредить человека об опасности в системе или о начале ее разрушения.

2. Генетический принцип или принцип развития объясняет то, что человеческая психика, личность имеет множество потенциальных векторов развития. Эти вектора проявляются в критической точке жизни человека, точке кризиса, где личность «определяет» направление своего дальнейшего развития.[14] Условно направления можно разделить на три пути: 1. путь позитивной интеграции; 2. негативной дезинтеграция; 3. отказ от необходимости выбора. Огромную роль в том, какой путь изберет человек, находясь в критической точке, играет помощь, и не только в осознании возможных путей развития ситуации, но и в эмпатии, общении, просто в поддержке.

3. Принцип обусловленности говорит нам о том, что при взаимодействии с личностью пациента, клиента необходимо учитывать не только причинно-следственные связи внутри психических процессов, но и неслучайные многомерные взаимосвязи как внутри психики, так и между психикой и событиями внешнего мира. При этом, каким бы ни было многообразие идей первопричины состояния, в каком поле оно бы не располагалось важно понимать, что любой фактор, «отнесенный вовне» для человека является частью его собственного миропонимания и мироощущения.

4. Принцип позитивности в своей реализации может быть выражен в двух позициях специалиста по отношению к нуждающемуся: 1. нахождение и опора на положительный опыт пациента. На-

ходясь в сложной жизненной ситуации или кризисном состоянии человек расценивает данный опыт как проблему, раскрашивая этот период жизни в «темную полосу», что эмоционально еще усиливает и без того не простое положение. Возможность увидеть позитивный смысл или хотя бы элементы дает новое видение, опору и само по себе обладает сильным трансформирующим потенциалом для человека; 2 Опора на факты и реальность, житейскую мудрость и понимание необязательности страдания, а возможности развивать способность творить и менять свою жизнь в соответствии со своими внутренними потребностями.

5. Принцип соотнесённости отвечает экологичности взаимодействия специалиста и личности, используемых психотехник и личности и др. Взаимодействие должно соотносится пространственно и по интенсивности настолько, чтобы это способствовало позитивной интеграции.

6. Принцип потенциальности - данный принцип реализует идею о том, что каждое обострение несет в себе и необходимый потенциал обновления, мобилизацию всех внутренних ресурсов и самое важное для специалиста, понимая это, дать возможность человеку увидеть перспективу и простор дальнейшего жизненного пути.

7. Многомерности истины. Принцип огромного уважения к многогранности и хрупкости человеческого создания. Любое объяснение и понимание индивидуальной психической реальности не может быть полным, значит и истинным тоже быть не может, но именно поэтому, имеет право на жизнь и истинность. Специалист способный осознавать динамичность процессов, понимать и сопере-

живать пациенту в его мнении, мыслях, позиции, дает возможность пациенту структурировать и транслировать свой внутренний опыт, даже если речь идет о бредовой идее или о значительной девиации и дезинтеграции в отношении и поведении человека к какой-либо ситуации. В этот момент происходит как бы передача и принятие доверия между взаимодействующими. [6]

1. Говоря о системе психологического взаимодействия с пациентом в условиях дневного стационара особое внимание стоит уделить атмосфере дневного стационара. Пациент еще находится в формате режимности мед. учреждения, но фокус его внимания, переживаний уже больше направлен на необходимость встраивания себя в общество. Поэтому использование таких форм создания особой атмосферы комфортности как: музыка/ арома/видео-терапия; утреннее приветствие – чай, шеринг и прочее. Все это позиционирует включенность в пациента и создает прослойку социально безопасной среды, так называемую «подушку безопасности» между «здоровым» обществом вне мед. учреждения и пациентом.

2. Индивидуальное консультирование.

Одна из целей этого этапа - это ликвидация барьера между пациентом и психологом (нет белого халата, нет стола, который разграничивает общение двух сторон и др.) с целью создания равностного - ответственного отношения, контрактных условий взаимодействия пациента и специалиста.

Консультационная форма обязательно включает в себя элементы телесно-ориентированной терапии (начиная с рукопожатия и дружеского похлопывания

по плечу и использование специальных ТОТехник), так как это способствует принятию пациентом своего тела, своего социального образа, который подвергся значительной диффузии в период рецидива. Все, что связано с восприятием собственного тела, физического состояния вызывает недоверие, так как это то, «что подвело» и нуждалось в исправлении – лечении. Тело еще, как бы, не свое, оно либо чрезмерно расслаблено, либо очень скованно, человек испытывает негативные ощущения, вплоть до брезгливости и отвращения.

Так же используется техника активной включенности психологом в уникальность и особенности проявления пациента через искусство: в т.ч. стихи, музыка, рисование, фото созданные пациентом и т.д., что подчеркивает значимость и уникальность человека, повышает самооценку, создает мотивацию к проявлению.

3. Групповая работа. Стимулирование эмоциональности, социальная активизация и налаживание коммуникаций осуществляется с помощью различных вербальных и невербальных групп творческой активности.

Три формы взаимодействия на которые хотелось бы обратить особое внимание.

- психофизиологическая зарядка (основы валеологии, зависимость и влияние психики и физиологии, принятие собственного тела и как следствие приобретение мощного ресурса жизнедеятельности и т.д.)

- специальные встречи (приглашение в условия дневного стационара специалистов разных областей: концерт живой скрипки, йога, поэты, специалисты салона красоты и т.п.)

- тренинговая работа: 1. в рамках дневного стационара (арт, музыка, видео, смехо – терапия, психогимнастика, когнитивно-поведенческие тренинги, тренинги уверенности, соц.навыков, женские тренинги, психодрама, активизирующая психотерапия с использованием свободной импровизации диалогов и игровых моментов и др.);

2. за пределами дневного стационара: иппотерапия, психотуризм, выставки и творческие мероприятия города.

Суть иппотерапии, как метода лечения была хорошо известна со времен Гиппократ. «Отец медицины» в своих трудах много писал о пользе верховой езды для больных и раненых. В середине XVIII века Д.Дидро в трактате «О верховой езде» писал о лечении и предупреждении многих болезней верховой ездой. [10] Более активно иппотерапию начали использовать в 1960 в Германии, Австрии и Швейцарии как дополнение к традиционной терапии. В настоящее время накоплен положительный опыт лечения больных шизофренией данным методом. Этот терапевтический подход позволяет интегрировать психотерапию с трудотерапией. Благодаря верховой езде «статусный человек» приобретает чувство защищенности, уверенности в себе. Он овладевает новыми навыками, обучается ухаживать за лошадью, замечает, что во многом похож на окружающих его людей и выходит за рамки своих переживаний. Большое терапевтическое значение имеет тесный физический контакт, возникающий в процессе верховой езды. Лошадь выступает своего рода «проводником», «посредником» между специалистом, миром и пациентом, позволяющим последнему регулировать межличностное общение.

Лошадь хорошо чувствует агрессию, внутреннее напряжение и уступает больному только в том случае, если ему удастся ослабить свое внутреннее беспокойство и уменьшить раздражительность. Уменьшение внутреннего напряжения происходит у пациента и от со-присутствия рядом с большим (значимым), теплым (безусловным и принимающим) животным, возможно возбуждая ранние воспоминания неги и безопасности младенца рядом с «большой» мамой. Данный метод позволяет ослабить тенденцию больного шизофренией к изоляции, повысить уровень его самооценки. Ответственность за живое существо, управление им делает пациента более самостоятельным.

Психо-эко туризм это достаточно инновационное направление в реабилитации пациентов с эндогенными заболеваниями, но уже показавшее свою эффективность. Во все времена природа была для человека мощнейшим, порой единственным ресурсом. Именно, природа безоценочно и безусловно, как великая мать, принимала человека и давала ему все необходимое для жизни. Созерцание природных стихий успокаивает суетный и зацикленный ум, умиротворяет психику и как самый точный в мире камертон настраивает биоритмы человека, его состояние в единую гармонию. Общаясь с природой, как и в случае с иппотерапией, пациенты забывают о диагнозах и тяготящихся состояниях, и становятся «неограниченными», «нестесненными» живущими людьми.

4.Семейная терапия в подостром периоде, это и психообразование и консультационное сопровождение. Работа с семьей в данном периоде осложняется не способностью (невозможностью) семьи

сформировать единую позицию по отношению к заболевшему родственнику: члены семьи уже стараются вытеснить воспоминание о том, каким они видели болеющего в остром периоде, но еще не могут присоединить его к себе, как прежде. С одной стороны, это опасно навешиванием ярлыка – «он больной» и как следствие, значительное ограничение во взаимодействии, с другой стороны, это пренебрежение состоянием члена семьи – «все прошло, он здоровый» и как следствие чрезмерная требовательность и невнимательность к особенностям состояния. Цель работы специалиста в данном случае, помочь семье и родственнику в «статусе» определить взаимные позиции и формат взаимодействия.

5. Мастер-классы от пациентов, как форма поддержки социально - коммуникативных навыков и актуализация личностной значимости пациента.

6. Включение пациентов в проекты дневного стационара: совместное создание и оформление тематических плакатов, выставки, формирование аудио и видео базы (пациенты с удовольствием записывают диски, делятся информацией), создание подручного инструментария для со-творчества.

ПЕРИОД РЕССОЦИАЛИЗАЦИИ (внестационарное сопровождение, помощь) - восстановление индивидуальной и общественной ценности больных, их личного и социального статуса. Методы взаимодействия с пациентом в этот период являются продолжением и дополнением к вышеперечисленным методам (в остром и подостром периодах), а также могут использоваться как отдельные, именно в периоде рессоциализации.

1. Консультационно – психологиче-

ское сопровождение, как личностное так и семейное, в системе и по запросу.

2. Групповая тренинговая работа: 1. групповая закрытая – участвуют только пациенты; 2. групповая открытая форма – участвуют и пациенты и люди, не обремененные заболеванием. Цель – встраивание, интеграция в соц. группы (преимущественно по интересам: йога, центр развития женщин, открытые тренинговые группы, мастер-классы, муз.группы и др.)

И в открытой и закрытой группах, активно применяются, не только иппотерапия и психо-эко/туризм, но и вовлечение пациентов в волонтерскую деятельность.

3. Волонтерство направлено на повышение уровня общественной сознательности пациента, соц. значимости, включенности в жизнь (путем уборки территории природной зоны, содействия в организации общественных мероприятий и помощи друг другу или другим нуждающимся).

4. Консультационно-поддерживающая, информационная помощь в трудоустройстве пациента совместно с другими соц.службами.

Реабилитационная работа как в подострый, так и в период рессоциализации, помимо, всех вышеперечисленных методов взаимодействия имеет еще один фокус внимания – «духо-образование» или «духо-восстановление». Человек, не важно, находится ли он в «статусе» или проживает сложную кризисную ситуацию, всегда приходит в точку, где главная доминанта - это поиск ответа на вопрос: «почему со мной это произошло?». Это один из ключевых моментов и для пациента и для специалиста, который очень важно не пропустить, при необходимости

подвести к нему. В этот момент человек находится как бы на развилке дорог, в той самой точке бифуркации, где система находится в неравновесном состоянии, и малейшие флуктуации или случайные обстоятельства могут кардинально изменить направление дальнейшего развития, закрывая тем самым возможности движения альтернативным путем. Характеризуя такие состояния, И.Р. Пригожин подчёркивает «уникальность точек бифуркации, в которых состояние системы теряет стабильность и может развиваться в сторону многих различных режимов функционирования» [14] При получении соответствующего стимула, человек делает выбор, который и определяет вектор дальнейшего развития в сторону негативной дезинтеграции или позитивной интеграции. Внимательность, эмпатия, поддержка и профессионализм специалиста играет в этом процессе важнейшую роль. Задаваясь вопросом «почему именно со мной это произошло, почему мне дана такая доля?» человек находится в тоннельном переживании, эмоциональная концентрация которого заслоняет его от альтернативного взгляда на ситуацию и ее возможные решения. Вопрос, не имеющий конструктивного ответа, направленный внутрь себя становится сильнейшим фактором разрушения и истощения. Когда специалист имеет возможность вывести этот внутренний вопрос на внешний уровень, уровень диалога (озвучить, адресуя его пациенту), расширяется возможность приобретения дополнительного смыслового пространства и изменения концентрации внимания с себя на терапевта (как выход из тоннельного переживания и эмоционального ступора). По результатам опроса пациентов

кризисного отделения ГБУЗ СО ПБ № 8, 144 человека из 153, на вопрос: «как Вы думаете, есть ли у Вас какое-либо размышление почему, для чего Вам в жизни пришлось пережить такую непростую ситуацию?», отвечают, что это им «дано в наказание, свыше, за их грехи», «плохие поступки», за то, что они «какие-то не такие, как нужно». Очевидно, что пациент не способен перевести пережитую ситуацию в опыт, и тем самым возможность расширить картографию внутренних позвонений остается незадействованной. В отношении пациента кризисного отделения применение генетического принципа и принципа позитивности может быть весьма успешным и позволит наполниться новыми смыслами и ориентирами, размышляя о том, что мы сами определяем точку, из которой объясняем качество ситуации или факта, наделяя ее (либо ее части) негативным или позитивным содержанием. Достаточно привычно и объяснимо для «раненного» сознания, сложную жизненную ситуацию понимать как наказание Свыше. Но даже в Священных Писаниях разных конфессий достаточно четко прослеживается, что наказание не всегда является наказанием, чаще всего это урок «возлюбленным чадам», дающий возможность получить опыт, «укрепляющий дух». Так в Коране мы читаем «Аллах испытывает того, кому желает добра» [8]. Осмысление библейской притчи об Иове в совокупности с размышлением о жизненных ценностях дают возможность иначе увидеть и определить значимость ситуации для себя, найти другую точку, из которой ситуация «невозможности» становится точкой потенциала. В отношении пациентов с процессуальными заболеваниями четвертая составляющая

реабилитационного процесса – «духо-образование» имеет на наш взгляд еще большую значимость. Американские психиатры (Г. Салливан, Ф. Фром – Рейхман) [16], вслед за швейцарскими психиатрами (Е. Блейлер, К. Юнг, Л. Бинсвангер) продолжили изменение психоаналитической схемы лечения шизофрении, и по сути приблизились к социальной психиатрии, сделав акцент в процессе лечения на взаимоотношениях пациента с его близким окружением [15]. Этиология шизофрении связывалась с пережитой на раннем этапе развития психической травмой, в первую очередь, обусловленной искаженным отношением матери к своему ребенку. Следствием подобной психической травмы считалась регрессия к ранним стадиям развития, задержка формирования «Я» и фиксация на эротическом отношении к себе. Некоторые исследователи предполагали, что регрессия является лишь частичной и касается только определенных функций личности – агрессии и либидо. Тем не менее, полноценный процесс сепарации, как этап развития становится не возможным. Ребенок в данном случае остается ребенком, не получая инициации во взрослого. В этом так же есть еще одна сложность психотерапевтического взаимодействия со «статусным» человеком, так как необходимо одновременная работа с детьми разного возраста, но вместе с тем и работа с взрослым человеком. Единственный, значимый, авторитетный Большой – это Родитель, выше которого «ничего уже не существует», перспектива не видится и не осмысливается. Это как потолок, выше которого перспективы развития духа, освоения и становления внутреннего и внешнего мировоззренческого пространства нет. Стремление

вверх обусловлено развитием личности, движением к самоактуализации, встречаясь с препятствием вектор развития, приходит в точку преломления и выходит из нее с уже измененным (относительно ранее выбранным) направлением. Можно также предположить, что встречаясь с препятствием потенциальность и энергия, заложенная в вектор развития, вынуждена найти другую реализацию, если это происходит внутри уже освоенного личностного пространства, то система, обладающая способностью самоорганизовываться и поддерживать себя в состоянии динамического равновесия вынуждена производить новые структуры и новые формы организации (принцип целостности). Тогда какая-либо идея может стать сверхценной, ощущение навязчивым, незначительное событие критичным. Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий в своей книге «Дух, Душа, Тело» [1], опираясь на тексты Священного Писания, труды Святых Отцов писал: «сердце, лишённое Божией благодати не воспринимает из мира трансцендентного внушения Духа истины и добра, а расположено к восприятию духа зла и лжи, гордости, то безумие рождается и обитает в нем».

Родитель это -Бог, все-ответственность, держатель воли и свободы своего ребенка, хранитель и распорядитель любви и заботы. Родитель воспринимается как объект, которому невозможно противостоять, нельзя обижать, так как он содержит в себе и карательную функцию – возможного отвержения при непослушании или несоответствии. Возможно именно поэтому наиболее частый ответ на вопрос: от чего и почему со мной/с Вами это произошло? - в наказание. В этом случае, прежде чем мы выйдем на четвертый этап реабилита-

ционного процесса, важно дать «внутреннему ребенку» вырасти и пройти инициацию взросления, а так же проявить себя в этом мире через свои желания и их осуществление. Лишь затем, когда появляется свой собственный взрослый – достойный, выражающий желания и волю, он способен присоединиться и осваивать пространство выше своего родителя. В тот момент, когда пациент принимает и осознает, даже открывает для себя, совершенно новое и качественно другое понимание значимого Большого (не карающего, но дающего уроки и сопровождающего в пути) и себя как часть этого, а именно становится носителем этого состояния, в этот момент происходит некое духовное посвящение, приобщение и приобретение своих ценностей и ориентиров.

Таким образом, мы видим, что «реабилитация представляет собой одно- временно цель - восстановление или сохранение статуса личности, процесс (имеющий нейрофизиологические и психологические механизмы) и метод подхода к больному человеку»[4], а инструменты взаимодействия лежат в четырех плоскостях (биологическая, психологическая, социальная и духовная), отражающих и сочетающих в себе целостность и реализацию личности.

Библиографический список.

1. Архиепископ Лука Крымский (Войно-Ясенецкий) Дух, Душа, Тело. Издательство: Образ 2009.
2. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. -М., 2004.
3. Кабанов М.М. Психосоциальная реабилитация и социальная психиатрия. — СПб.: Изд. Санкт-Петербургского НИИ им. В.М. Бехтерева, 1998.

4. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. 2-е издание, -СПб, 2000.

5. Келвин С. Холл, Гарднер Линдсей «Теории личности». Перевод И.Б.Гриншпун М.: "КСП+", 1997

6. Козлов В.В. Работа с кризисной личностью.-М.:Психотерапия, 2007

7. Козлов В.В. Интегративная методология: холизм и реализация. Электронный ресурс. / В. В. Козлов // Режим доступа: <http://www.miiip.net/Library/bib-tec/001.htm>, свободный.

8. Коран.Сура аль-Бакара, 2:155, часть первая

9. Кьюперс Л., Лефф Дж., Лэм Д. Шизофрения. Работа с семьями. В. Пишняк, перевод, Издательство: Сфера 1996.

10. Лошадь в психотерапии, иппотерапии и лечебной педагогике. Учебные материалы и исследования Немецкого кураториума по терапевтической верховой езде (2 тома) МККИ, Москва 2003

11. Менделевич В.Д., Авдеев Д.А., Киселев С.В. Психотерапия «здравым смыслом». Чебоксары, 1992.

12. Пезешкиан Н. Психотерапия повседневной жизни. М.,1995.

13. Пезешкиан Х. Основы позитивной психотерапии. Висбаден – Архангельск, 1993.

14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. - М.: Прогресс, 1986

15. Руднев В. Философия языка и семиотика безумия. Избранные работы М, 2007.

16. Перлман Д. и Пепло Л. Лабиринты одиночества: Пер. с англ. /Сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. - М.: Прогресс, 1989

17. Тиганов А.С. (под ред.) Общая психиатрия. Онлайн библиотека <http://www.koob.ru>

18. Трофимов, В.К. «Основы философии: учебное пособие». Ижевск, 2013

19. В.Франкл Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997

20. Хайдеггер М. Бытие и время. Изд-во: Ad Marginem, 1997

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Боллигер Л.В., (Иркутск, Россия),

Юркова М.Г., (Иркутск, Россия)

ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВНЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ У ПЕДАГОГОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

Реферат (аннотация): Свободное время как личностная ценность обеспечивает свободную самореализацию субъекта жизнедеятельности в соответствии с его глубинными потребностями. Это небольшой отрезок времени, который индивид осознает как время жизни, подчиненное ему и только ему.

В статье рассматриваются учителя как особая социально значимая профессиональная группа, испытывающая сильный прессинг требований в данный исторический момент. В силу различных обстоятельств большая часть учительства находится в состоянии эмоционального выгорания. Но есть факторы, препятствующие развитию данного негативного синдрома. Одним из возможных вариантов является личностный рост через дополнительную творческую самореализацию учителя.

Ключевые слова: организация свободного времени; эмоциональное выгорание; увлеченность работой; позитивная психология; компенсаторные факторы профессиональной деформации.

Abstract: A free time as a personal value helps to regulate life activity with personal own needs. The individual is aware this short interval of a time as a time of his/her life which is controlled by him and only him.

At the article teachers are examined as a specifically social important group is feeling strong pressing of requests and duties. The great party of this professional group is on the negative emotional state. In spite of difficulties there are some factors are opposed to this negative symptom growth. Personal creational self-development is one of the methods.

Keywords: free time organization, self-regulation, work engagement, positive psychology, compensatory factors of professional deformation.

Впервые феномен выгорания появился не как исследовательский конструкт, а как социальная проблема. Автор термина Х. Ферейденденберг описал это явление как психическое и физическое истощение, сопровождающееся потерей мотивации и работоспособности. Само явление стало интенсивно теоретически и практически исследоваться, введены компоненты выгорания, факторы способствующие и препятствующие развитию выгорания

у субъекта профессиональной деятельности, предложены различные методики его изучения.

Не существует, естественно, однозначного понимания феномена «выгорания». В исследованиях различаются процессуальные и результативные подходы. Первые рассматривают динамику развития, вторые дают структуру явления.

Интерес к явлению, противоположному выгоранию, появился недавно.

К. Маслач и М. Leiter [2] обозначили его термином «увлеченность работой» (workengagement, другой вариант перевода – вовлеченность в работу) и охарактеризовали его прямо противоположными выгоранию составляющими: энергичностью, включенностью в работу, самоэффективностью. Позже выгорание стало рассматриваться как эрозия увлеченности работой.

Голландские исследователи В. Шауфели и А. Бэккер [3] предложили рассматривать увлеченность работой как самостоятельное явление, а не как полную противоположность выгоранию, и предположили, что увлеченность и выгорание могут быть вообще не связаны между собой. Они определили увлеченность как позитивное, приносящее удовлетворение и связанное с работой явление, которое характеризуется энергичностью, энтузиазмом и поглощенностью.

Хотелось бы рассматривать нормальный труд как труд безопасный и здоровый, свободный от принуждения, качественный и осмысленный. Такой труд, положительно мотивированный и приносящий удовлетворение, может быть основой для нормального профессионального функционирования субъекта без развития выгорания на протяжении длительного времени.

В последнее время в психологических темах возрастает интерес к изучению благоприятных состояний и сильных сторон человека - это направление получило название позитивной психологии. Интерес психологов к позитивным сторонам психической деятельности обусловлен тем, что знания о факторах развития и последствиях негативных феноменов не дают полной картины о психической де-

ятельности человека, и, соответственно, не могут предоставить информацию для разработки эффективных программ оптимизации самочувствия и трудоспособности субъектов различных сфер профессиональной деятельности.

Изучение такого феномена как организация времени собственной жизни человеком специалистами различных направлений связана, в большинстве своем, с вопросами оптимального распределения различных временных интервалов и с содержательным их наполнением, чаще как time-management. Наши исследования проводились в контексте изучения ценностного отношения к свободному времени как части личного пространства индивида этапа зрелости на примере профессиональной группы учителей.

Высокий уровень выраженности эмоционального и морального дискомфорта этой группы профессионалов в Российской школе подтвержден многочисленными эмпирическими исследованиями. Одна из основных причин такого явления связана с бесконечными реформами школы и сильным давлением на учителей со стороны общества. Позитивная психология имеет дело с положительным субъективным

опытом: удовлетворением и благополучием (в прошлом), состоянием «потока», радостью, чувственными наслаждениями и счастьем (в настоящем) и с конструктивными ментальными представлениями о будущем - оптимизмом, надеждой и верой.

Т. М. Буякас считает, что на уровне личностных черт увлеченность соотносится со способностью любить, с призванием, мужеством, отвагой, вниманием к другим людям и способностью заботиться

ся о них, с настойчивостью, способностью прощать, оригинальностью, талантом и мудростью. Эти сильные стороны человеческой натуры служат «протекторами» против возникновения и развития психических заболеваний [1]. Насколько все эти качества могут быть свойственны «рядовому» профессионалу изначально или они могут формироваться у индивида как следствие его эмоционального благополучия и удовлетворенности процессом труда – вопрос не простой и требует исследований.

Авторы, предложившие 3-компонентную структуру увлеченности работой [2], рассматривали «ядро» феномена - энергичность и энтузиазм, и дополнительно – поглощенность. Они отмечают, что состояние поглощенности работники испытывают значительно реже, чем состояния, описываемые шкалами «ядра», поглощенность относится скорее к последствиям высокой увлеченности работой и похожа на состояние «потока». С другой стороны, содержание поглощенности представляется ценным для изучения состояний субъекта труда и важно для понимания содержания феномена увлеченности работой.

Здесь мы не рассматриваем подробно оба феномена как психические и личностные явления, а больше остановимся на компенсирующих факторах, препятствующих негативным и способствующих позитивным последствиям интенсивной профессиональной деятельности учителя. Работа педагога безусловно способствует пониманию значимости себя как субъекта труда, но и может сопровождаться профессиональной деформацией, что отмечается многими исследователями. Монологичность, жесткая структуриро-

ванность и формализованность коммуникативных процессов снижает у учителей самокритичность, формирует компенсаторное ощущение превосходства над окружающими. У них формируется мнительность и педантичность, происходит снижение живости, эмоциональности и самообладания, растет импульсивность и интенсивность самоконтроля. Отмечается присущая большинству педагогов поучающая, дидактическая манера речи, которая проявляется и в сфере личных отношений. У учителей проявляется излишняя авторитарность и категоричность, что в конечном итоге и приводит к личностным деформациям.

В течение нескольких лет авторы данной статьи изучали различные аспекты профессиональной учительской среды в Иркутске и Иркутском регионе, и пришли к достаточно печальным выводам, связанным общим состоянием данной популяции. Но конечной целью исследования нами ставился поиск компенсаторных факторов профессиональной деформации.

В качестве примера рассмотрим результаты исследования двух групп воспитателей детского дома (30 ч.) и учителей соседней общеобразовательной школы, где воспитанники учатся (42 ч.). Поскольку первую группу составили только женщины, во второй группе мы также мужчин (12 ч.) и женщин (30) рассматривали отдельно.

Методика «определение психического выгорания» А.А. Рукавишникова показала, что в обеих группах синдром выгорания выражен достаточно сильно, но сами компоненты представлены неравномерно (см.табл.1).

Таблица 1

Психическое выгорание педагогов

Параметры	Психо-эмоциональное истощение		Личностное отдаление		Профессиональная мотивация		Индекс психического выгорания	
	Учителя (м/ж)	Воспитатели	Учителя (м/ж)	Воспитатели	Учителя (м/ж)	Воспитатели	Учителя (м/ж)	Воспитатели
Среднее	21,2/30,9	33,2	19,08/24,7	25,06	34,25/43,9	49,2	76,41/99,7	108,3
Разброс	9 - 49	10 - 69	10 - 52	4 - 52	32 - 53	33 - 81	69 - 151	49 - 182

Из таблицы видно, что результаты учителей-мужчин ниже (иногда значительно) и находятся в среднем диапазоне значений, а у педагогов женщин обеих групп все показатели на границе среднего и высокого уровней (по первому и второму параметрам), третий параметр (проф. мотивации) в обеих группах в зоне высоких значений. За счет проф. мотивации общий индекс выгорания тоже в зоне высоких значений. При этом третья часть каждой группы попадает в зону крайне высоких значений, и только отдельные представители находятся в зоне низких значений (главным образом, это молодые с небольшим стажем, до 3-х лет, педагоги). Другие исследования по другим школам дают аналогичную картину распределений. Можно отметить,

что, несмотря на тревожный фон, в каждой выборке встречаются педагоги с низкими показателями выгорания, среди них есть представители как старшего, так и среднего поколения. Таким образом, можно предположить существование причин компенсаторного поведения.

Далее мы изучали связь индивидуальных ценностей, увлеченности работой с эмоциональным выгоранием более подробно.

Выборку в 51 человек, педагогов двух общеобразовательных школ Иркутска, по методике «Профессиональное выгорание» (К. Маслач, адаптация Н.Е. Водопьяновой) удалось разделить на подгруппы по уровням выраженности профессионального выгорания.

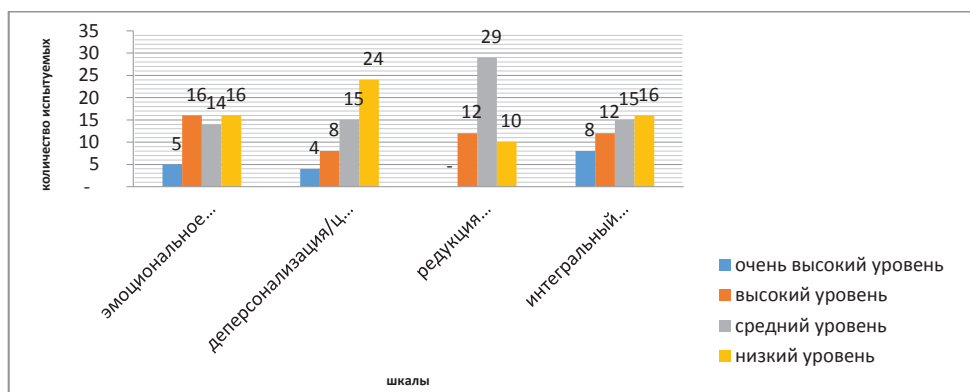

Рис.1. Распределение респондентов по методике «Профессиональное выгорание»

Из диаграммы видно, что нарушения, прежде всего, наблюдаются по первой шкале (эмоциональное истощение), именно там больше педагогов на высоком уровне показателя. Большинство респондентов находятся на среднем уровне по параметру «редукция профессиональных достижений», а цинизм развивается медленнее всего. В педагогической сфере деперсонализация предполагает бесчувственное, негуманное отношение к детям, 12 респондентов выборки это отношение демонстрируют, среди них представители всех поколений (от 27 лет до 64). Интересна 3-я шкала. Редукция профессиональных достижений – это возникновение у педагогов чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, осознание неуспеха в ней. Большинство респондентов (9 ч.), демонстрирующие данную фазу - педагоги со стажем работы свыше 20 лет. Этот про-

цесс надо изучать как профессиональный кризис, связанный с работой в целом, а не только с межличностными взаимоотношениями в ее процессе.

По интегральному показателю выборка была разделена на 4 подгруппы:

- 1 группа с очень высоким уровнем эмоционального выгорания (8 ч.),
- 2 группа с высоким уровнем эмоционального выгорания (12 ч.),
- 3 группа со средним уровнем эмоционального выгорания (15 ч.),
- 4 группа с низким уровнем эмоционального выгорания (16 ч.).

Далее мы использовали методику «Утрехтская шкала увлеченности работой» (В. Шауфели и А. Бэккера в адаптации Д.А. Кутузовой), предлагающая в соответствии с концепцией авторов три шкалы: энергичность, энтузиазм и поглощенность (см. табл.2).

Таблица 2

«Утрехтская шкала увлеченности работой» В. Шауфели и А. Бэккера

	Группа 1			
	Среднее	Минимум	Максимум	Стд.откл.
Энергичность	3,37	3,1	3,9	0,5
Энтузиазм	3,34	2,0	3,6	0,4
Поглощенность	3,39	2,1	3,8	0,5
Группа 2				
Энергичность	3,41	3,4	4,4	0,5
Энтузиазм	3,73	2,7	4,3	0,5
Поглощенность	3,43	2,6	4,2	0,4
Группа 3				
Энергичность	3,99	3	6	0,9
Энтузиазм	4,59	3	6	1,0
Поглощенность	4,03	2,4	5,2	0,8
Группа 4				
Энергичность	4,71	3,3	6	0,9
Энтузиазм	4,76	3,5	6	0,9
Поглощенность	4,22	2,6	6	1,1

Необходимо отметить, что значимости различий в средних между первой и второй группами нет, между остальными группами есть, на уровне $p=0,05$, но тенденция прослеживается. Чем выше уровень выгорания, тем ниже показатели увлеченности.

В целом, пока мы подтвердили отрицательную связь выгорания с увлеченностью, но задачу мы ставили шире: найти ресурсы сохранения позитивного отношения к профессии и процессу деятельности. Мы выдвинули гипотезу о наличии временного ресурса индивида, не связанного с восстановлением физических и эмоциональных сил, а имеющего отношение к личностному росту в пространстве реализации не удовлетворяемых в профессии потребностей или не используемых в ней способностей. Мы рассматриваем этот ресурс как свободное время индивида, как досуг, а не отдых. И отношение к свободному времени индивида как ценностное отношение.

В более ранних исследованиях [4] нами изучались ценностное отношение к свободному времени и направленность свободного времени (ОТ/ДЛЯ), по которым мы различаем использование свободного времени как восстановительного или ресурсного. Мы разделяем взрослых (зрелых) респондентов на воспринимающих свободное время как ценность личностного роста, ресурса развития (направленность ДЛЯ), и на воспринимающих свободное время как ресурс восстановления (направленность ОТ). Выраженность направленности по методике получается качественная: условно +; -; +/-.

Разработанную анкету мы предложили участникам исследования (см. табл. 3)

Таблица 3

Направленность свободного времени в группах с разным уровнем эмоционального выгорания

уровень эмоционального выгорания	направленность свободного времени		
	+ (ДЛЯ)	+/- (ОТ/ДЛЯ)	- (ОТ)
1 (8 ч.) – очень высокий	-	2	6
2 (12 ч.) - высокий	2	4	6
3 (15 ч.) – средний	6	6	3
4 (16 ч.) - низкий	8	7	1

Тенденции использования свободного времени в различных группах явно различаются. Чем менее выражен синдром эмоционального выгорания, тем большая часть группы выбирает свободное время как время реализации личностного потенциала индивида. Таких педагогов вообще нет в первой группе. Вне рабочего времени, вне профессиональной деятельности, вне домашних и других обязательств есть только отдых и восстановление растроченных на работе сил.

Интересен результат сопоставления индивидов двух других направленностей, выраженного ресурсного (столбец таблицы +) и балансного (столбец +/-). В первую группу вошли все учителя-предметники, ведущие разные дисциплины, но все имеющие дополнительное увлечение (хобби) музыку: трое ходят в городской хор при филармонии, 2 причисляют себя к бардам (сами пишут и исполняют песни, правда, участвовали в слетах только местного уровня), остальные играют на разных музыкальных инструментах, 10 человек из 16 закончили в свое время музыкальную школу (1 – музыкальное училище). Конечно, есть и другие занятия. Поскольку наша выборка образованная, такое занятие как чтение есть у всех педагогов, прогулки, природа и пр. Но

значимость музыки отмечают все, причем именно занятия музыкой, а не просто концерты или слушание дисков. Еще одно различие между группами явилось повторением более ранних результатов. Эта группа, в отличие от двух других, и свободное время определяет как время для себя лично, отграничивая себя даже от близких (семьи, друзей), общение также не выделяется как особый вид отдыха. Занятия с детьми или домашние дела рассматриваются скорее как дополнительная нагрузка, чем как разгрузка от профдеятельности. Мы и раньше отмечали несколько более эгоистичное отношение к свободному времени в этой группе, чем в других группах. У них же выражена большая независимость от обстоятельств при реализации своих желаний в интервал свободное время. Можно предположить, что именно такие индивиды способны так организовать свою жизнь, чтобы максимально полно использовать тот очень небольшой временной ресурс для себя, не только для восстановления, но и для раскрытия своего потенциала.

Таким образом, эмпирическое исследование, проведенное на группе педагогов, позволило обнаружить достоверную связь эмоционального выгорания и увле-

ченности со способностью педагога к дополнительным собственным усилиям по отношению к себе, к заботе о раскрытии себя как личности не только в профессиональной деятельности, но и вне ее. Забота о себе, своих не реализуемых (или не достаточно раскрываемых) в профессии возможностях, позволяет педагогу сопротивляться развитию негативных и способствовать увеличению позитивных последствий профессиональной деятельности.

Литература

1. Буякас Т.М. О феномене наслаждения процессом деятельности и условиях его возникновения (по работам М. Чиксентмихайи) // Вестник МГУ. Серия 14 «Психология». 1995. №
2. Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий: коллективная монография. /Под ред. В.В. Лукьянова, Н.Е. Водопьяновой, и др. - Курск: КГУ, 2008.
3. Шауфелли В. Лекция «Увлеченность сотрудников». URL vitaliyeliseev.podfm.ru/lectures/2/
4. Юркова М.Г. Свободное время в жизни человека этапа зрелости. / Седьмая волна психологии. Вып.10. Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2013. С. 373-381.

*Завозяев И.И. (Иваново, Россия),
Назаров В.И., (Иваново, Россия),
Турчин А.С., (Санкт-Петербург, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПОДРОСТКОВО-ЮНОШЕСКОЙ СРЕДЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К УПОТРЕБЛЕНИЮ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

Аннотация: В статье приведены данные теоретико-экспериментального исследования, направленного на выяснение малоизученного в современной психологии вопроса, касающегося устойчивости к влиянию феноменов наркокультуры в подростковом и юношеском возрасте, а именно гендерный аспект проблемы психопрофилактики склонности к употреблению психоактивных веществ.

Ключевые слова: наркокультура, психоактивные вещества, интроспекция наркоматов, психопрофилактика.

Abstract: the paper describes the theoretical and experimental studies aimed at clarifying poorly known in modern psychology question concerning resistance to impact phenomena narco-culture in adolescence and young adulthood, namely gender aspect of psychoprophylaxis propensity to use of psychoactive substances.

Keywords: drug culture, psychoactive substances, intoccia of Narkomat, psychoprophylaxis.

На фоне распространения демократических процессов в российском обществе особенно чувствительными к негативным последствиям кризисных явлений в экономике и социальных отношениях оказываются такие возрастные категории населения как школьники и студенты [3; 4; 11]. Психологические и социально-психологические детерминанты поведения школьников-подростков и их базовые реакции изучены достаточно основательно [5; 8; 9]. Тем не менее, есть проблемы, которые связаны с восприятием себя и других, с оценкой своих возможностей и жизненных перспектив и угроз, с построением ориентировки в окружающем мире, актуальность которых для современных подростков, по мере взросления, лишь возрастает.

Несмотря на то, что достаточно много исследований выполнено по проблемати-

ке девиантного и аддиктивного поведения подростков, старших школьников и студентов, значительная их часть касается относительно выраженных форм этого поведения [1; 2; 7; 10]. В гораздо меньшей степени изучены «стертые» формы отклоняющегося развития личности в образовательном пространстве и психологические механизмы его блокирования, поскольку это относится к психопрофилактике, которая требует больших затрат и не предполагает гарантированного успеха.

При достаточно частом обращении исследователей к проблеме отклоняющегося развития в период подростничества [3; 7; 11] или ранней юности [4; 6; 10], недостаточно изученным остается вопрос о социально-психологической детерминации, способствующей возникновению и углублению отклоняющегося от соци-

альной нормы поведения. Недостаточно изучены факторы, являющиеся общими для большинства видов девиаций. Большинство авторов в предшествующие годы анализировали личностные особенности или психологические особенности семейного воспитания, способствующие к отнесению учащихся-подростков или студентов вуза к группе риска наркотизации.

В этой связи представляется актуальным рассмотрение социально-психологических особенностей процесса вхождения современного учащегося в наркокультуру, как обобщенной модели отклоняющегося развития личности, пытающейся повысить свой социальный статус в группе и социуме теми средствами, которые не воспринимаются ею как «прямая и явная угроза» здоровью и жизни, но воспринимаются, как обещающие достижение быстрого результата без серьезной работы над собой.

Объектом профилактики распространения и употребления психоактивных веществ (ПАВ) обычно рассматривается категория наркозависимых потребителей, лиц, с риском наркотизации, уже включенных в наркокультуру. При этом упускается из виду, что это - лишь «верхушка айсберга», а поэтому профилактические меры, ориентированные на попавших в зависимость от ПАВ, не приводят к существенному сокращению количества наркоманов среди молодежи, да и количество рекрутируемых в сфере этого вида криминального не уменьшается.

С целью более детального и точного ответа на вопрос о том, какая именно часть современных школьников и студентов в большей степени подвержена воздействию наркогенных мифов и скрытой

рекламы наркосодержащих веществ, то есть составляет группу риска по отношению к ПАВ, нами был проведен дополнительный анализ полученных в эмпирическом исследовании данных. Речь идет о сравнении ответов на вопросы девушек и юношей по их отношению к наркокультуре. Для этого мы использовали Т-критерий Стьюдента.

Начальным этапом стало сопоставление показателей склонности школьников-подростков и студентов вуза к интроекции, а также устойчивости к действию наркогенных мифов. Однако по этому критерию статистически значимых различий обнаружено не было (вероятность ошибки превысила уровень в 0,05). Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение показателей склонности к интроекции и устойчивости к наркогенным мифам

	Девушки (средний бал)	Юноши (средний бал)	Вероятность ошибки
Склонность к интроекции наркогенных мифов	9,6	8,8	0,244145
Устойчивость к воздействию наркогенных мифов	19,2	19,6	0,910535

Следующим шагом был анализ ответов на вопрос, употребляли ли молодые люди когда-либо наркотические средства. В данном случае вероятность ошибки составила 0,02, а значит, различия между группами существуют и являются достоверными. В итоге складывается ситуация, что принимали ПАВ и признаются в этом, преимущественно лица мужского

пола. Для наглядности данная закономерность отражена в таблице 2 и на рисунке 1.

Однако мы не склонны преувеличивать эту закономерность. Скорее можно предположить, что для парней такое признание дается легче, нежели девушкам, которые, как свидетельствует опыт других исследователей [44;135;203], склонны утаивать факты своего приобщения к наркотикам или не относят к ПАВ таблетки, принимаемые ими случайно в ситуациях «культурного отдыха» (в барах, на дискотеках, в ночных клубах и др.), выполняющие функции стимуляторов.

Таблица 2

Сравнение школьников и студентов в отношении потребления наркотических средств

	Девушки (средний бал)	Юноши (средний бал)	Вероятность ошибки
Пробовали наркотики	0,12	0,16	Ошибка! Связь недопустима.

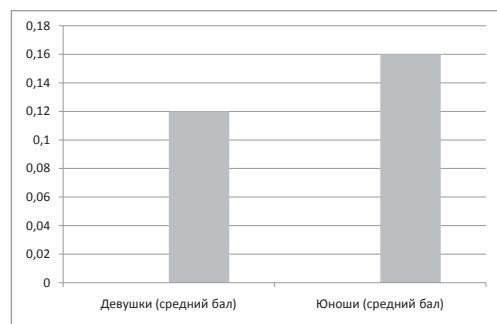

Рис. 1. Различия в отношении потребления наркотических средств среди лиц мужского и женского пола.

Что касается различий по вопросу об оценке рекламных средств, с помощью которых потребительские товары выпол-

няют функцию привлечения внимания молодежи к ПАВ, то с учетом данных таблицы №5 можно констатировать, что особенности восприятия средств и приемов привлечения внимания к скрытой рекламе и оценки подобного воздействия у девушек и юношей совпадают (см. таблицу 3).

Таблица 3

Оценка особенностей привлечения внимания к рекламе

Какие сочетания образа и текста привлекают внимание в большей степени	Девушки (средний бал)	Юноши (средний бал)	Вероятность ошибки
Яркая цветовая гамма	0,36	0,36	0,248154
Сочетание контрастных цветов	0,28	0,2	0,617952
Черно-красные сочетания	0,12	0,2	0,292149
Текст на русском языке	0,2	0,24	0,406066
Текст на английском языке	0,28	0,04	0,291201
Текст на сленге	0	0,04	0,562881

В рамках изучения следующего аспекта проблемы формирования зависимости от ПАВ, наоборот, был обнаружен целый ряд гендерных различий. Речь идет о желании молодых людей приобрести какой-либо товар с символикой наркотических средств.

Так, девушки ориентированы на покупку брелоков, кулонов, серег, в то время как юноши указывают на готовность обзавестись рюкзаками, майками и толстовками, а также бейсболками и другими головными уборами с символикой ПАВ. То, что девушки чаще выступают покупателями серег и брелоков, объяснимо, прежде всего, самой спецификой товаров – они сами по себе являются атрибутами именно жен-

ского гардероба. Не все из этих предметов демонстрируются на людях. Исходя из этого, можно говорить, что именно лица мужского пола в раннем возрасте становятся потребителями и соответственно носителями пропаганды наркотических средств, так как изображение паутины на всей тыльной поверхности рюкзака или майки демонстрируется учащимся ежедневно в силу специфики товара.

Таблица 4

Желание приобрести товар с символикой наркотических средств

Какой вид товара с символикой наркотических средств захотели бы приобрести	Девушки (средний бал)	Юноши (средний бал)	Вероятность ошибки
Брелок, серьги, кулон	0,28	0,08	0,017757
Рюкзак	0	0,16	0,008839
Майка или толстовка	0,24	0,56	0,000384
Бейсболка или бандана	0	0,12	0,036165
Напульсники или шейные платки	0,04	0,08	0,562881
Мобильный телефон с цветным рисунком на тыльной стороне	0,08	0,04	0,432862

Напульсники обычно носят в комплекте с другими атрибутами соответствующей контркультуры, для чего требуется произвести тщательный подбор все прочих соответствующего гардероба. Это дорого и требует посещения специализированных магазинов (например, тех, в которых продается атрибутика рок-групп).

Покупка мобильного телефона для подростка сама по себе выполняет функцию демонстрации материального статуса. Здесь важна «крутизна», в том числе цена и функциональные возможности самого аппарата, а не яркость его оформления. Именно этими фактами мы руко-

водствовались в оценке ответов респондентов.

Рюкзаки и бейсболки, как следует из данных рис.2, девушек вообще не интересуют.

Рис. 2. Различия в желании приобрести товары с символикой ПАВ между лицами мужского и женского пола.

Статистически достоверные различия присутствуют и по такому критерию, как умение различать символы наркотических средств на различных товарах.

Мы получили ответы, свидетельствующие о том, что юноши лучше умеют опознавать подобные знаки на телефонной технике и сопровождающих аксессуарах (вероятность ошибки 0,02). Таким образом, еще раз подтверждается предположение о том, что именно мужской пол является наиболее податливым к скрытому воздействию наркокультуры, а, следовательно, и более уязвимым, когда речь идет о размещении ее символики на потребительских товарах. Результаты отображены в таблицу 5 и на рисунке 3.

Таблица 5

Умение различать символы наркотических средств при покупке товаров

Умение различать знаки каннабиса при покупке	Девушки (средний бал)	Юноши (средний бал)	Вероятность ошибки
Одежды	0,48	0,73	0,332915
Рюкзака, портфеля, сумки	0,24	0,44	0,348288
Чехла для телефона	0,28	0,44	0,025788

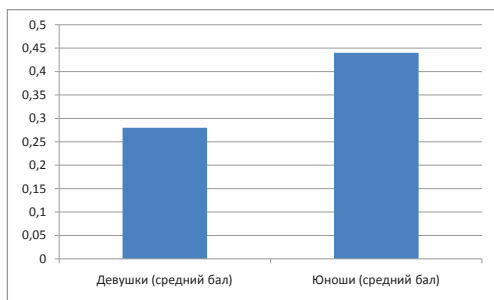

Рис.3. Различия в умении различать символику наркотических средств на чехле и других атрибутах для мобильных телефонов

Далее рассматривался вопрос о мотивации покупки товаров с символикой наркотических веществ. Здесь также нами были выявлены статистически достоверные различия, указывающие на меньшую критичность к наркогенным мифам и рекламе ПАВ у школьников и студентов сильного пола. Юноши, по полученным данным, гораздо чаще утверждают, что готовы купить подобную продукцию ради «прикола» (см. таблицу 6 и рисунок 4).

Таблица 6

Цель приобретения товаров с символикой наркотических средств.

Цель покупки товара с символикой наркотических средств	Девушки (средний бал)	Юноши (средний бал)	Вероятность ошибки
Для самоутверждения	0,12	0,04	0,515655
Для «прикола»	0,28	0,53	0,000818
Из иных соображений	0,2	0,24	0,804767

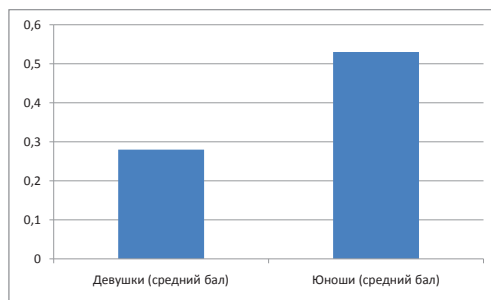

Рис.4. Различия в готовности приобрести товары с символикой ПАВ ради «прикола».

Еще одно подтверждение не критического отношения молодых людей к наркокультуре, по сравнению с девушками, получено и в случае изучения вопроса о готовности приобрести товар с символикой ПАВ для своих друзей. Вероятность ошибки составляет 0,02 и свидетельствует о том, что девушки в более категоричной форме отказываются совершать подобные действия.

Таблица 7

Готовность приобрести товар с символикой наркотических средств для друзей

	Девушки (средний бал)	Юноши (средний бал)	Вероятность ошибки
Покупка товаров с символикой ПАВ для друзей	-0,48	-0,12	Ошибка! Связь недопустима.

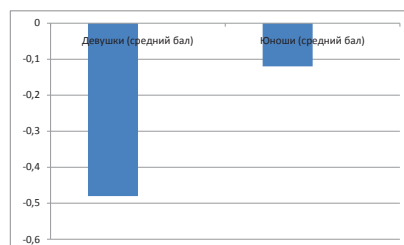

Рис.5. Различия в готовности купить товары с символикой ПАВ для друзей.

Что же касается остальных аспектов восприятия наркорекламы и отношения респондентов к наркогенным мифам, то статистически достоверных различий в результатах обеих групп выявлено не было. К таким аспектам относятся: согласие передать посылку, содержание которой внешне напоминает наркотическое вещество; реакция на появление всходов мака или конопли на садовом участке или

огороде; оценка изображений наркосодержащих растений на различных товарах; оценка красочных описаний ПАВ в книгах, песнях, кинофильмах, как средство стимулирования интереса к наркосодержащим веществам и способствования их поиску и приему; а также сведения, которые дает реклама наркотических веществ.

Все результаты представлены в таблице 8.

Таблица 8

**Сравнение ответов юношей и девушек
по другим аспектам восприятия наркорекламы**

	Девушки (средний бал)	Юноши (средний бал)	Вероятность ошибки
Согласие передать другому посылку с подобной продукцией			
Ткань или бумага с необычным знаком	0,04	0,12	0,117057
Что-то вроде зеленого чая	0,12	0,28	0,105362
Непрозрачный пакет с сыпучим содержимым	0	0,08	0,788088
С содержимым, напоминающим на ощупь траву	0,12	0,12	0,2732
Действия в случае, если в огороде взойдет мак или конопля			
Сообщить куда следует	0,04	0,08	0,928155
Попытка узнать, кто это сделал	0,08	0,12	0,928155
Уничтожение всходов	0,4	0,4	0,376905
Ничего не делать	0,24	0,32	0,626045
Оценка изображений наркосодержащих растений на различных товарах			
Оценка изображений наркосодержащих растений на различных товарах, как средство возбуждения интереса к наркотикам	0	-0,16	Ошибка! Связь недопустима.
Оценка красочных описаний в книгах, песнях, кинофильмах			
Оценка красочных описаний в книгах, песнях, кинофильмах, как средство стимулирования интереса к наркосодержащим веществам и способствования их поиску и приему	-0,88	-0,72	Ошибка! Связь недопустима.
Сведения, которые дает реклама наркотических веществ			
О способах приобретения	0,12	0,12	0,782207
О характере воздействия на организм	0,08	0,08	0,540257
О внешнем виде	0,2	0,4	0,935137
О мере доступности	0,08	0,12	0,29794
О формах употребления	0,04	0,08	0,669929
О последствиях для здоровья и судьбы	0,24	0,28	0,437226

Таким образом, мы можем определенно говорить о следующих итогах проведенного статистического анализа полученных эмпирических данных.

Молодые люди чаще, чем девушки употребляли (или склонны к употреблению) ПАВ. Они лучше разбираются в их символике и готовы купить товары с символикой ПАВ для друзей и для себя. Наиболее привлекательными товарами с символикой наркокультуры, они считают толстовки, майки, бейсболки, рюкзаки, сумки.

То есть спектр товаров подобного рода товаров достаточно широк. Приобретают они такую продукцию по собственному мнению ради прикола.

В целом, мы получили подтверждение частной гипотезы о том, что именно юноши являются менее критичными и податливыми к воздействию скрытой рекламы наркотических средств, а также лучше усваивают наркогенные мифы. Это означает, что и потенциальную группу риска в основном составляют студенты и школьники мужского пола.

Библиографический список:

1. Андрияненко О.Н. Формирование смысловой регуляции поведения подростков группы риска наркотизации: дис. канд. пед. наук. - Саратов, 2002. – 166 с.
2. Березин С.В., Лисецкий К.С. Психология ранней наркомании. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. – 72 с.
3. Быстров А.Н. Основные подходы к

исследованию психологической структуры личности и деятельности подростка // Прикладная психология и психоанализ. 2006. №2. С.4-16.

4. Вишневецкий Ю.Р. Социальный облик студенчества 90-х годов // Социологические исследования, 1997. -№10. – С.56-69.

5. Клейберг, Ю.А. Психология девиантного поведения: Учебное пособие для вузов. – М.: ТЦ Сфера, 2003. – 160 с.

6. Назаров В.И., Завозяев И.И. Особенности детерминации поведения школьников и студентов с риском наркотизации: к постановке проблемы исследования // Вестник Западно-Казахстанского государственного университета им. М.Утемисова. №3 (51), 2013. С.3-13.

7. Профилактика употребления психоактивных веществ у детей и подростков: подходы, практические программы и методы / Под ред. Г.У. Солдатовой. – М.: АСОУ, 2006. – 72 с.

8. Розин М.В. Психологические ловушки контркультуры // Современные тенденции молодежной социализации: наблюдения, оценки, суждения / Под ред. А.Г. Быстрицкого, М.Ю. Розина. – М., 1992. – С. 61-74.

9. Турчин, А.С. Педагогическая психология : Учебное пособие. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. – 104 с.

10. Цветкова, Л.А. Социальная психология наркотизма в студенческой среде: автореф. дис. ... доктора психологических наук; Санкт-Петербург, 2011.- 41 с.

11. Эльконин, Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах: избранные психологические труды. – 3-е изд. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2001. – 416 с.

Кашанов А. С. (Ярославль, Россия)

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТИРОВАННОСТЬ
ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В КОНТЕКСТЕ
ТВОРЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТОМ**

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ
(Проект МК – 3523.2014.6)

Аннотация: Статья посвящена описанию психологических характеристик управления конфликтом (цель, процесс, сущность, функции, условия, типы, стратегии, стили). Определены компоненты готовности к управлению конфликтом. Обосновано, каким образом учёт принципов управления конфликтами способствует более гибкому поведению в условиях конфликтного взаимодействия. Творческий потенциал в управлении конфликтом раскрыт посредством анализа факторов, способствующих быстрому нахождению оригинального решения конфликтной проблемы. Представлено описание первоПСИпосвята как средства обучения управлению конфликтом.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптированность, цель, процесс, сущность, функции, условия, типы, стратегии, стили, личность

Abstract: the Article devoted to the description of psychological characteristics of conflict management (aim, process, nature, functions, conditions, types, strategies, styles). Defined components of readiness to conflict management. Justified, how accounting principles of conflict management contributes to a more flexible behavior in conditions of conflict interaction. Creativity in managing the conflict revealed through the analysis of the factors contributing to the fast finding of the original solution of conflict problems. Describes pervopsyposvyat as a teaching tool, manage conflict.

Keywords: socio-psychological adaptation, purpose, process, nature, functions, conditions, types, strategies, styles, the identity of

Развитие высшего образования сопряжено с множеством проблем, поэтому акцент в анализе процессов происходящего реформирования вузов многими исследователями делается на формирование творческого и нравственного потенциала студентов, развитие их инициативы, активности и способностей. Одной из наиболее важных проблем обучения в современном вузе является адаптация первокурсников не только к учебной нагрузке, но и к резкой смене окружающей социальной и образовательной среды. Адаптация молодого человека в вузе является важным составным элементом

в системе учебно-воспитательной деятельности. Процесс адаптации чрезвычайно динамичен и его успех во многом зависит от целого ряда объективных и субъективных условий. Каждый студент по-разному относится к одним и тем же событиям, поэтому один и тот же воздействующий «средовой фактор» у разных студентов может вызвать различный резонанс. В одном случае отклик может актуализировать творческий потенциал личности, а в другом – заблокировать. Таким образом, изучение социально-психологических механизмов и закономерностей адаптации студента в разнообраз-

ных учебных и социальных условиях приобретает в настоящее время важное социальное значение.

Любой молодой человек, поступивший в вуз, неизбежно проходит адаптационный период. И от того, как он его перенесет, зависит успешность обучения в вузе, формирование личностных целей и мотивации учебной деятельности. Поэтому проблема адаптации к вузу очень актуальна. Ежегодно множество первокурсников болезненно переживают адаптационный период, что нередко завершается добровольным уходом из вуза. Возможно, если они будут владеть способами совладания, управления возникающими затруднениями, в том числе и конфликтного содержания, то смогут более адекватно адаптироваться в новой ситуации. Поэтому проблема вузовской социально-психологической адаптации занимает одно из центральных мест в психологических исследованиях. Это обусловлено тем, что система образования в вузе оказалась в определенной мере неподготовленной к трансформациям общественной жизни, когда овладение только знаниями в традиционном понимании не могут выступать в качестве средства успешной адаптации вчерашних школьников. Современному обществу необходимы люди, способные не только сосуществовать с окружающей средой, но и эффективно реализовывать свой внутренний творческий потенциал в ней. Однако большая часть современной молодежи, по мнению ряда исследователей (Б.Н. Алмазов, С.А. Беличева, Р.Б. Березин, С.В. Бондаренко, А.А. Налчаджян, А.В. Петровский, С.Б. Семичев, С. Раттер), неспособна приспособливаться и развиваться в условиях быстро изменяющейся действительности.

Нарастание дезадаптационных явлений у представителей студенчества отражается не только на качестве выполняемой учебно-профессиональной деятельности, но и на их мотивационной, когнитивной, эмоциональной сферах. Вследствие этого возрастает актуальность исследования проблем неадаптированной активности в развитии личности (К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, А.Н. Леонтьев, В.С. Мухина, В.А. Петровский, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов, А.Ш. Тхостов, Э. Эриксон). Последствия низкой адаптации студентов охватывают широкий круг как личностных, так и социальных явлений: нарушение процесса профессионального самоопределения; снижение или искажение мотивации учебной и профессиональной деятельности, ухудшение качества учебного процесса, вплоть до демотивации.

Неадаптированная личность находит особый стиль социального поведения, позволяющий преодолеть переживание собственной несостоятельности, но преодоление осуществляется за счет безвозмездной эксплуатации ресурсов других людей. Такую личность уместно характеризовать как дефицитарную («комплекс доминирования и власти» у А. Адлера, «несексуальный садизм» у Э. Фромма, дефицитарная личность у А. Маслоу). А. Маслоу в разработанной им концепции метапатологий под личностным дефицитом понимал недостаток психической функции, отсутствие которой приводит к нарушению механизмов социальной адаптации. А. Маслоу выделял типологические черты дефицитарной личности: цинизм, «низкие» потребности, эгоизм, асоциальность, потребительское отношение к жизни и к людям, подозритель-

ность, тяготение эмоциональной сферы к полюсу депрессии и дисфории, все это – на фоне обедненной когнитивной сферы личности. У дефицитарной личности существенно снижена способность к удовлетворению социальных потребностей приемлемыми для других людей способами.

Вариантом выхода дефицитарной личности из ситуации переживания собственной дезадаптированности становится создание «вокруг себя» специфической среды межличностных взаимоотношений. В указанной среде личность удовлетворяет потребность в желаемых или близких к желаемым эмоциональных реакциях. В связи с этим необходима разработка и реализация психологического сопровождения преодоления дезадаптации студентов, позволяющая нивелировать негативные последствия дезадаптации и развивать адаптивные способности студентов.

Ускорение процессов адаптации первокурсников к новому для них образу жизни и деятельности, исследование особенностей психических состояний, возникающих в учебной деятельности на начальном этапе обучения, а также выявление социально-психологических условий оптимизации данного процесса – чрезвычайно важные задачи. От того, как долго по времени и по различным затратам происходит процесс адаптации, зависят текущие и предстоящие успехи студентов, процесс их профессионального становления и личностного развития.

В связи с поиском средств профилактики явлений дезадаптации большой интерес для нашего исследования представляет активная адаптация. Именно она является инструментом в решении такой

проблемы, как формирование успешной социализации в целом, когда субъект не только принимает нормы и ценности новой социальной и образовательной среды, но и строит свою деятельность, отношения с людьми на основе усвоенных ценностных ориентаций. При этом у него формируются новая цель – собственная самореализация в новой социальной среде.

Психолого-педагогическое сопровождение первокурсников в период их адаптации, осуществляемое в настоящее время в системе вузовского образования, к сожалению, направлено на развитие пассивной адаптации, когда студент не осуществляет самореализацию, а, приспособляясь и привыкая к новым социальным условиям, принимает их, не пытаясь преобразовывать. Поэтому в системе высшего профессионального образования не в полной мере учитывается роль профессиональной и личностной самоактуализации и самореализации, и как следствие, не создаются условия для ее развития [13; 14]. Исследование социально-психологической литературы, теоретических исследований и практического отечественного и зарубежного опыта свидетельствуют об отсутствии научно обоснованной и экспериментально подтвержденной программы формирования активной адаптации студентов-первокурсников, способствующей становлению профессиональной и личностной самореализации.

Адаптация молодежи к студенческой жизни - сложный и многогранный процесс, требующий вовлечения социальных и биологических резервов еще не до конца сформировавшегося организма. Именно начальный этап профессио-

нального обучения играет особую роль в формировании личности будущего специалиста. Чем эффективнее пройдет адаптация первокурсников к вузовскому обучению, тем выше будет психологический комфорт, учебная мотивация, направленность и характер учебно-профессиональной деятельности на старших курсах. Поэтому такие задачи, как ускорение процесса "вхождения" вчерашнего школьника в систему вузовских отношений, исследование психологических особенностей, возникающих в учебной деятельности на начальном этапе обучения, а также выявление социально-психологических и педагогических условий активизации данного процесса являются чрезвычайно важными и актуальными.

Сложность процесса социально-психологической адаптации заключается в том, что у студента происходит перестройка всей системы ценностно-познавательных ориентаций личности, осваиваются новые способы познавательной деятельности и формируются определенные типы и формы межличностных связей и отношений: новые формы и способы коммуникативных взаимодействий. В основе адаптации личности лежат противоречия между требованиями, предъявляемыми условиями новой среды и готовностью личности к ним на основе предшествующего опыта.

Многие авторы различают адаптацию (*adaptation, adjustment*) как процесс, и как результат, но иногда для описания результата используются производные термины типа «адаптированность» или «приспособленность». Разумеется, выразить в едином понятии все психологические смыслы адаптации вряд ли возможно и целесообразно. Даже в от-

ношении понятия социально-психологической адаптации, которое, очевидно, охватывает бесчисленное разнообразие жизненных ситуаций, это представляется трудноразрешимой проблемой; и, несмотря на множество, уже вошедших в традицию дискуссий вокруг этого понятия, в конечном счете, появляются чересчур общие, абстрактные и логически нечеткие формулировки. Однако главное, что не должно утрачиваться в ходе таких дискуссий – это следующие фундаментальные признаки данного психологического понятия. Во-первых, процесс адаптации всегда предполагает взаимодействие двух систем в различных ситуациях жизнедеятельности. Изменения системы «человек – социальная среда» приводят к нарушению прежних (знакомых и привычных) взаимоотношений между человеком и социальной средой. Следует различать, по крайней мере, два типа ситуаций: 1) типичные, в которых происходят малозаметные изменения в рамках существующей системы взаимоотношений и 2) особенные, внештатные, в условиях которых осуществляются качественные изменения, о которых можно говорить, в терминах Л.С. Выготского, как о смене социальной ситуации развития (как, например, в случае поступления недавних школьников в высшее учебное заведение). Во-вторых, взаимодействия двух систем разворачиваются в особых условиях – условиях дисбаланса, несогласованности между системами: в ответ на дестабилизирующие изменения вырабатываются адаптационные ответные изменения человека в рамках более широкого процесса взаимоадаптации (коадаптации) человека и самой социальной среды. В третьих, социально-психологи-

ческая адаптация связана с вхождением индивида в новую социальную среду, с ознакомлением и принятием установок, норм, ценностей нового коллектива, освоением новых социальных ролей, формированием у субъекта собственной позиции в нем. Основной целью такого взаимодействия является некоторая координация между системами, степень и характер которой могут варьироваться в достаточно широких пределах. В процессе достижения цели происходят определённые изменения во взаимодействующих системах. Эти проблемы рассмотрены в работах И.Л. Васильевой, Н.А. Березовина, Н.Ф. Коваленко, И.К. Кряжева, Б.-М.Ю. Пацюте, Л.М. Растовой, Е.Л. Рудневой, В.А. Семиченко, А.А. Смирнова, А.Е. Чертковой и др. Следовательно, собственно социально-психологическая адаптация является весьма сложным многоуровневым и многокритериальным процессом, который необходимо исследовать с разных точек зрения (с позиций разных подходов и научных направлений).

Однако в современной социальной психологии слабо разработанным является вопрос определения личностных детерминант социально-психологической адаптированности (СПА) студентов. Исследование структурных характеристик СПА субъектов социально-психологической адаптации представляет большой интерес, поскольку дает возможность установить психологические механизмы и закономерности, уровни СПА студентов.

В более узком смысле актуальность исследования определяется необходимостью устранения рассогласований между потребностью в нахождении те-

оретически обоснованных и адекватных способов становления структуры СПА субъектов деятельности и недостаточной концептуальной разработанностью этого явления. Кроме того, само понятие «социальная адаптация студентов» во многих работах неадекватно, с нашей точки зрения, рассматривается как процесс включения (курсив – А.К.) представителей этой возрастной страты в социальную коммуникацию, что теоретически часто приводит к противоречивому смешению субъектных и объектных позиций адаптантов. Учитывая социальную значимость, недостаточную теоретическую разработанность и сложность проблемы, острую необходимость практического решения вопроса был сделан выбор темы исследования.

Основная научная идея исследования состоит в том, что впервые будет выявлена структура СПА. В качестве критерия СПА рассматривается способность обобщения и переноса приобретенных знаний на решение новых социально-обусловленных задач, одна из которых – оптимальное разрешение возникающих конфликтных ситуаций, а также овладения технологией управления конфликтами в контексте социальной адаптации. В процессе реализации данной идеи, во-первых, определена динамика взаимосвязей когнитивного, мотивационного, коммуникативного и саморегуляционного компонентов структуры СПА; во-вторых, выявлены структурные элементы, влияющие на академическую успеваемость студентов на разных этапах обучения в вузе; в-третьих, разработаны психо- и социотехнологии, направленные на повышение уровня СПА старшеклассников, студентов.

Творческий потенциал в управлении конфликтом – внутренняя, энергетическая единица, стимулирующая появление различных творческих способностей. Творческий потенциал характеризуется не только способностью принимать нестандартные решения, проявлять активность в управленческом поведении, но и своеобразной способностью творчески относиться к себе, к своему труду, обществу, взаимодействию с другими людьми, решению самых различных проблемных ситуаций и вообще к жизни в целом.

В научной литературе для характеристики способности управлять конфликтом используются содержательно близкие понятия: «конфликтологическая компетентность» (А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Л.Н. Цой), «конфликтная компетентность» (Н.В. Гришина, Н.И. Леонов, Л.А. Петровская, Б.И. Хасан), «конфликтоустойчивость личности» (А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов). Выделение качеств, значимых для управления конфликтом, связано с пониманием природы данного явления. Так, понимание конфликта как проявления сталкивающихся энергий представлено в работе Томаса Ф.Крама. Он рассматривает природу конфликта на физическом уровне, изнутри, как энергию. Он не отрицает конфликт, а пытается охватить его и понять. «Конфликт естественен; ни позитивен, ни негативен, он просто есть. Неважно, есть ли конфликт в Вашей жизни. Важно то, как Вы реагируете на конфликт» (Т.Ф. Крам, 2000, С. 51).

На ведущих уровнях управления конфликтами существует ряд условий и обстоятельств, общей результирующей действия которых оказывается усиление личностной опосре-

дованности деловых интеракций руководителей (А.Л.Журавлев, Ю.В.Синягин, В.А.Толочек, G.Donaldson & J.W.Lorsch, G.B.Graen, J.P.Kotter, H.J.Leavitt). Адекватное понимание закономерностей и механизмов личностно-психологического управления конфликтами возможно лишь при обязательном учете содержания того ситуационно-деятельностного (и шире – организационно-культурного) контекста, в котором оно реализуется. В качестве одного из психологических условий образовательных технологий является обучение творческому управлению конфликтом. Именно конфликт служит источников развития, в том числе и образовательных систем, понимаемых (по мнению В.И.Панова) как концептуальное единство образовательных программ, образовательной среды, организации управления ими и типа образовательного учреждения.

Цель управления конфликтом – изменение содержания и интенсивности конфликтного взаимодействия, его масштабов для эффективного разрешения или урегулирования возникающих противоречий.

Процесс управления конфликтом состоит из серии непрерывных, взаимосвязанных действий, включающих в себя целеполагание (в том числе принятие решений), координацию совместных действий, контроль за соблюдением стандартов группового поведения и выполнением принятых решений.

Управление конфликтом, по мнению А.Я.Анцупова и А.И.Шипилова, достигается различными воздействиями, но наиболее эффективны – прогнозирование, профилактика и конструктивное завершение в виде урегулирования и разрешения

конфликта. Управляющее воздействие на конфликт – организованная активность субъекта по обеспечению развития взаимодействия в конфликте, в котором проявляется не разрешенное в прошлом или разрешаемое в настоящем противоречие, обусловленное противоположно выбранными целями, образами и действиями его участников (Н.И.Леонов, 2002).

Сущность управления конфликтом заключается в создании условий, под влиянием которых разворачиваются творческие способности сторон, участвующих в дискуссиях. Вместе с тем оппоненты не выходят за определенные рамки, иначе противоречия могут перерасти в ссору и сопутствующие ей оскорбления. Необходимо построить такие личные и деловые отношения в предстоящей ситуации, которые смягчат возможные осложнения для обеих сторон. Это также означает, что надо таким образом сконструировать процесс взаимодействия, чтобы отделить существо дела от взаимоотношений партнеров и тем самым избежать негативного субъективного влияния на решение проблемы.

Компоненты готовности к управлению конфликтом: 1) целевой, функциональный; 2) диагностический; 3) организационно-методический; 4) коммуникативный; 5) мотивирующе-регулятивный; 6) рефлексивный; 7) оценочный, 8) прогностический. Основным показателем готовности служит успешное выполнение следующих функций управления конфликтом.

Функции управления конфликтом характеризуются правильно организованной конфликтной ситуацией, которая оказывает благотворное влияние на деятельность человека и системы, в которой

он трудится. Управление, в том числе и создание специальных ситуаций, предусматривает образование такой цепи событий, которые, отражаясь в сознании человека, логикой своего развития приводят его к определенным выводам.

Учёт принципов управления конфликтами способствует более гибкому поведению в условиях конфликтного взаимодействия. В одних ситуациях целесообразно управление по слабым сигналам: когда нечто может произойти. А в других - управление осуществляется с учётом реперных точек, т.е. по контрольным моментам. К принципам управления конфликтами можно отнести: 1. Принцип авторитетного третьего для обеих конфликтующих сторон. 2. Принцип обнажения и разоблачения агрессивного намерения оппонента. 3. Принцип принудительного слушания собеседника. 4. Принцип подмены позиций. С указанными принципами определенным образом соотносятся стратегии управления конфликтами.

Тип управляющего воздействия руководителя на конфликт – категория способов разрешения конфликта руководителем, объединенных сходными признаками по разрешению возникшего противоречия, инициируемая и направляемая образом разрешения конфликта (Н.И. Леонов, 2011).

Стратегии управления конфликтом строятся на следующих принципах: принцип опережающего, превентивного воздействия; принцип разумной достаточности в реагировании на возникшую конфликтную проблему; принцип нелинейной оптимизации социального взаимодействия предполагает не прямое воздействие на участников конфликтной

ситуации; принцип конструктивной доминанты в условиях конфликтного взаимодействия.

Стили управления конфликтом - это характеристика не столько отдельного исполнителя, сколько управленческого взаимодействия, так как руководители, учитывающие и не учитывающие особенности исполнителей, проявляют при этом и свои индивидуальные особенности. Стилль управления является определенной системой предпочитаемых руководителями методов и приемов управленческой деятельности. Стилль управления определяется сочетанием стратегий управления, а также индивидуальных особенностей подчиненного и руководителя в контексте конкретной ситуации. Выбор того или иного стилия руководства детерминирован множеством взаимодействующих объективных и субъективных факторов, поэтому ни один стилль управления не является оптимальным без учета контекста конкретной ситуации и поставленных субъектом целей.

Степень управляемости конфликтом – это сложное качество, которое выводится из сочетания, с одной стороны, уровня образования и профессиональной компетентности, а с другой – из уровня самооценки и притязаний личности. Различное сочетание указанных качеств проявляется в разной степени управляемости исполнителей. Степень управляемости определяется сочетанием индивидуальных особенностей исполнителя и руководителя в контексте конкретной ситуации управленческого взаимодействия.

Структура действий по управлению конфликтом.

1. Планирование ситуации или цепочки ситуаций, способных привести оп-

понентов к необходимому выводу. Целеполагание.

2. Организация ситуаций, их инструментовка с учетом общих задач и содержания деятельности данного коллектива. Повышение качества управленческого воздействия за счет выявления приоритетных проблем.

3. Тактичное руководство действиями оппонентов в ходе данной ситуации, косвенное и осторожное подведение их к социально-приемлемым выводам. Создание у оппонента целесообразного представления об уровне своей коммуникативной компетентности. Трансформация сопротивления оппонента от конфронтации к кооперации обеспечивает мобилизацию его способностей, повышает ответственность исполнителя. Особую роль играет регулирование уровня рассогласования в межличностном взаимодействии. Конструктивное воздействие на степень активности оппонента способствует оптимальному разрешению возникшей конфликтной проблемы.

4. Выбор ситуации, свидетельствующей о том, что мнение коллектива уже созрело, помощь коллективу в его практическом воплощении. Обеспечение непротиворечивости процесса межличностного взаимодействия.

5. Рефлексия результатов, полученных в результате предпринятого управления конфликтом. В случае необходимости коррекция средств управления конфликтом.

Условия управления конфликтом характеризуются следующими особенностями: типичные возрастные особенности личности; личностные характеристики и качества; структура мотивационно-потребностной сферы личности; воз-

растные и социально-психологические особенности группы; структура группы и характеристики её основных единиц; уровень развития группы и характеристика межличностных отношений. Важным внутренним условием управления конфликтом является понимание его сущности. Существуют различные направления в области современной конфликтологии. Представляется перспективной точка зрения Н.И.Леонова, согласно которой конфликт – это форма проявления противоречия, не разрешенного в прошлом или разрешаемого в настоящем, которое возникает в ситуации непосредственного взаимодействия субъекта с окружающими людьми и обусловленного противоположно выбранными целями, осознаваемыми или неосознаваемыми участниками ситуации действиями, направленными на разрешение или снятие противоречия. А конфликтное поведение личности понимается как пространственно-временная организация активности субъекта, регуляция которой опосредована образом конфликтной ситуации (Н.И. Леонов, 2002).

Результаты проведенного нами теоретического анализа, а также обобщения полученных эмпирических данных были воплощены в организацию и проведение цикла внеучебных студенческих мероприятий «Первописопсывят», осуществленных в период с 2005 по 2011 г.г. (А.С.Кашапов, 2006, 2013). Данные мероприятия характеризовались направленностью на адаптацию первокурсников к специфике студенческой жизни на факультете психологии. В контексте неформального общения студенты имели возможность более ярко проявить свои индивидуальные качества, значимые для

бесконфликтного общения, для установления конструктивных отношений с однокурсниками и студентами старших курсов.

В целях повышения социально-психологической адаптированности (СПА) студентов была создана благоприятная социально-психологическая атмосфера образовательного процесса первокурсников. Для этого целенаправленно проводились следующие мероприятия: организация выездного «Первописопсывята», ориентированного на установление дружественных отношений между первокурсниками; выявление организаторов с выраженными лидерскими качествами способных разнообразить внеучебную деятельность студентов; приобщение младшекурсников посредством общения с кураторами к накопленным на факультете традициям студенческой жизни.

Данные мероприятия «Первописопсывят», проведенные нами в течение 7 лет, были направлены на социальную адаптацию первокурсников к особенностям студенческой жизни на факультете психологии. На основе проведенного анализа результатов обратной связи полученной от первокурсников-участников «Первописопсывята» была создана система целенаправленной интеграции студентов первого курса в разноплановую жизнь факультета. Данная система включает в себя отбор активных студентов для организации разнообразных факультетских и университетских мероприятиях («Лагуна» (лагерь университетского актива), «День первокурсника», «Студвесна» и др.).

Знания об особенностях динамики компонентов структуры СПА студентов и курсантов использованы при оптимизации внеучебной и учебной деятельности,

профориентации и профессиональной профилактики деструктивных конфликтов в вузах. Установлено, что внедрение результатов исследования способствует повышению эффективности учебной деятельности студентов и курсантов. Психологические знания о развитии компонентов структуры СПА, взаимосвязи их элементов с академической успеваемостью позволяют студентам и курсантам повысить уровень осознанности, целенаправленности и эффективности учебной деятельности.

Основные результаты внедрены в практическую работу психологической службы ЯрГУ им. П.Г. Демидова, ориентированной на повышение качества вузовской адаптации студентов, а также используются командирами взводов Ярославского высшего военного учебного заведения. Так, выявлено, что для высокоадаптированных студентов и курсантов характерно желание открывать для себя новые социальные и профессиональные знания, проявление самостоятельности, стремление за рамками вузовской программы погружаться в новый мир – мир социальных отношений с очень разнообразным кругом знакомств. В результате участия в мероприятиях, организованных в контексте процессов социальной адаптации, происходит развитие их личности, способной к постоянному, качественному саморазвитию, к творческому мышлению, умению создавать собственные концепции, планировать и осуществлять свою внеучебную деятельность, умению защищать свою точку зрения, психологически грамотно управлять конфликтом.

Таким образом, в основе управления конфликтом лежит деятельность, спо-

собствующая бескризисному развитию конфликта. Кризис в конфликте – период задержки процесса конфликтного взаимодействия субъектов (псевдофаза, возникающая внутри одной из трех фаз конфликта) – такое взаимодействие субъектов, при котором не происходит поступательного перехода от фазы к фазе (например, длительная задержка на одной фазе, разрушительная зацикленность, фазовая стагнация или даже возврат к предыдущей фазе). Слово «кризис» греческого происхождения и в переводе означает «момент принятия решения». Кризис – это развилка на дороге: успех или неудача. Кризис характеризует резкое нарастание остроты конфликта до такой степени, за которой наступает перелом ситуации: либо стороны отступают, либо прибегают к силе. Чрезмерное давление обстоятельств парализует способность к творческому мышлению. В кризисной обстановке под давлением обстоятельств руководитель порой способен чему-то быстро научиться, но едва ли сможет овладеть тонкостями мастерства. Например, критическая ситуация заставит человека быстро научиться как-то держаться на воде. Но таким путем ему никогда не стать классным пловцом. Следовательно, в целях более эффективной актуализации творческого потенциала студента важно заблаговременно, т.е. задолго до возникновения кризисных состояний обеспечивать психологические основы творческого управления конфликтом.

В проведенном нами исследовании [4-9] эмпирически обосновано, что когнитивный компонент связан со становлением оценочной деятельности и овладением способами социальной ориентировки, а также характеризуется степенью адек-

ватности знаний о социальной среде, к которой человек должен адаптироваться. Структурные характеристики данного компонента обнаруживаются в анализе и разрешении конфликтной ситуации. Когнитивные процессы обеспечивают идентификацию индивидом себя как члена определенной социальной группы.

Характеристики мотивационного компонента («Мотивация стремления к успеху», «Доминирование») проявляются в зависимости от позитивных отношений к условиям деятельности и способны оказывать влияние на скорость и результат адаптации, что выражается в характере и интенсивности мотивации достижения. Мотивационный компонент определяет фундаментальное, стержневое психическое образование личности – её направленность, и является важнейшей стороной личности. Изменения ситуации взаимодействия служат не фрустрирующим фактором, а импульсом к дальнейшему развитию мотивации к социальной адаптации.

Коммуникативный компонент направлен на анализ и разрешение социальных ситуаций, а также и на реализацию поведенческих стратегий в целом, в том числе, в условиях конфликтного взаимодействия. Коммуникативная активность выражается в решении социальных задач и включает в себя уровень сформированности коммуникативных умений и навыков и качеств. Структурные характеристики данного компонента проявляются в умении устанавливать конструктивные отношения во взаимодействии, как с отдельными личностями, так и с группой, к которой адаптируется человек.

Саморегуляционный компонент содержит операциональные возможности,

обеспечивающие переход от внешнего управления к самоуправлению своим личностным и профессиональным становлением. Данный компонент выражается, прежде всего, в самоуправлении эмоциональным состоянием («Эмоциональная комфортность»). Саморегуляция проявляется в стратегии поведения и в сформированности навыков и умений самоорганизации и саморазвития. Посредством структурных характеристик данного компонента актуализируется и реализуется адаптационный ресурс личности.

В зависимости от содержания профессионально-ориентированного обучения определены особенности психологической структуры СПА студентов. Индекс организованности структуры социально-психологических качеств личности студентов, обучающихся на бюджетной и договорной основе, а также студентов, проживающих в Ярославле и иногородних, не имеют значимых различий.

Конкретизированы социально-психологические представления об одновременном влиянии, с одной стороны, специфики высшего образования на структуру СПА студентов, а с другой стороны - внутренних факторов, прежде всего, личностных характеристик обучающихся в высшем учебном заведении. Данные факторы не рассматриваются изолированно друг от друга, поскольку решающую роль играет их синергетическое взаимодействие, интеграция. В связи с чем, в исследовании реализован системный подход, который характеризует всякое сложное явление как систему, состоящую из взаимодействующих частей, каждая из которых имеет свои собственные функции или задачи, обусловленные целостностью предмета познания.

Расширено представление о взаимосвязи учебной мотивации и саморегуляции учебной деятельности в период социально-психологической адаптации студентов в учебном заведении. Уточнены содержание и динамика структуры СПА. Систематизированы социально-психологические детерминанты ведущих типов реагирования на конфликты, возникающие в процессе социальной адаптации студентов, курсантов и солдат. Выявлено, что основными детерминантами межличностных конфликтов являются значимые для субъекта противоречия в социальной сфере, в которой взаимодействуют участники конфликта. Показано, что конфликты в школьных, студенческих и курсантских коллективах связаны с целым комплексом причин, среди которых доминируют субъективные факторы. Установлено, что на взаимоотношения солдат-призывников влияют такие особенности воинской службы, как автономность, изолированность, строгая иерархия служебных взаимоотношений, а также их индивидуально-личностные качества. Разработаны психотехнологии становления СПА в различных социальных системах (вузовской и армейской). Данные технологии имеют направленное влияние на становление СПА и могут использоваться как комплексно, так и отдельными блоками, сохраняющими при этом свою эффективность. Новым является обращение к возможностям составляющих социальной ситуации как средств воздействия на СПА; именно социальная ситуация в этом случае выступает не только как среда формирования, но и как способ.

Такое понимание ситуации позволяет усилить адаптационный потенциал, как

социальной среды, так и личности: моделирование содержания ситуации способствует целенаправленному выбору тех её параметров, реализация которых адресно активизирует определенные качества субъекта, необходимые для успешной адаптации. В результате проведенного исследования выявлены дополнительные возможности использования социального контекста для повышения уровня СПА студентов а, следовательно, и их профессионализма и конкурентоспособности.

Эмпирические данные воплощены в организацию и проведение цикла внеучебных студенческих мероприятий «Первопосвяты». Данные мероприятия были направлены на адаптацию первокурсников к традициям студенческой жизни на факультете психологии. В контексте неформального общения студенты имели возможность более ярко проявить свои индивидуальные качества, значимые для бесконфликтного, неагрессивного общения, для установления конструктивных отношений с одноклассниками, однокурсниками и студентами старших курсов.

Основным научным содержанием работы является обсуждение следующих проблемных вопросов:

1. Социально-психологическая адаптированность – интегративное качество личности, характеризующееся наличием в своей структуре когнитивного, мотивационного, коммуникативного и саморегуляционного компонентов. Данные компоненты неаддитивно образуют целостную структуру СПА, которая обладает познавательными, мотивирующими и преобразующими функциями, обеспечивающими самореализацию адаптационных ресурсов в межличностном взаимодействии.

Однако остается открытым вопрос о том, что включает в себя адаптационный ресурс? Каким образом соотносятся понятия «адаптационный ресурс» и «адаптационный потенциал»?

2. Когнитивный, мотивационный, коммуникативный и саморегуляционный компоненты психологической структуры СПА студентов характеризуются взаимосвязью отдельных элементов. Выявлены элементы компонентов структуры СПА, влияющие на академическую успеваемость студентов на разных этапах обучения в вузе. Базовым качеством в структуре СПА личности является субъективный локус контроля как показатель саморегулятивного компонента. Выбор личностью оптимального типа реагирования на конфликт определяется степенью развития у нее креативности. Тем не менее, по-прежнему остается нерешенным вопрос о психологических закономерностях и механизмах взаимосвязи выявленных компонентов.

3. Специфика обучения на психологическом факультете оказывает влияние на успешность адаптации студентов. Выявлено, что у студентов второго курса выше значения по показателям «Адаптация» и «Самопринятие» по сравнению со студентами-второкурсниками факультета биологии. Динамика СПА студентов младших курсов имеет неоднородный характер. Отрицательная динамика СПА студентов-биологов проявляется по показателю «Мотивация стремления к успеху». Необходимость постоянного обращения студентов-психологов к рефлексии и самопознанию в процессе обучения способствует формированию позитивного отношения к своей личности и самопринятию. Поэтому представляется

перспективным дальнейшее рассмотрение степени эффективности процессов социальной адаптации в зависимости от специфики образовательной среды факультета, вуза.

4. «Стремление к доминированию» и использование стратегии «Избегание» в конфликте более характерно для студентов, обучающихся на бюджетной основе. У студентов-психологов и биологов на протяжении обучения на первых двух курсах наблюдается увеличение значения по показателю «Соперничество» и снижение значения по показателю «Компромисс». Зависимость социально-психологической адаптации от конфликтостойчивости студентов первого курса характеризуется тем, что в ситуации конфликта студенты-биологи склонны использовать конструктивную стратегию поведения, проявлять высокий уровень эмоциональной саморегуляции. При этом они не всегда готовы принимать на себя ответственность за свои действия. У данной категории студентов «Мотивация избегания неудач» доминирует над «Мотивацией стремления к успеху», а «Принятие других» – над «Самопринятием»; проявляются тенденции нарушения механизмов социальной адаптации. Возникает вопрос: почему одни студенты адекватно вписываются в новую образовательную среду, а другие – имеют определенные затруднения. В данной работе сделана попытка подробного рассмотрения базовых личностных характеристик, типичных для выявленных групп высоко и низко адаптированных студентов.

5. У низкоадаптированных студентов ведущим в структуре качеств личности является «Принятие себя», а доминирующими стратегиями поведения в

конflikте «Избегание» и «Соперничество». У высокоадаптированных студентов преобладают «Интернальный локус контроля», «Соперничество» и «Сотрудничество». Структура характеристик социально-психологической адаптации у высокоадаптированных студентов отличается организованностью; образуется большое количество значимых связей, в основном положительных. Информация подобного рода позволяет в определенной мере получить ответ на вопрос, каким образом можно управлять процессом социальной адаптации в учебном заведении?

6. Какие именно личностные качества позволяют субъекту успешно пройти процесс социальной адаптации? Причём представляется важным выявление не отдельных качеств, а специфики их сочетания и степени интегрированности.

7. Индексы организованности структуры социально-психологических качеств личности студентов, обучающихся на бюджетной и договорной основе, а также студентов, проживающих в Ярославле и иногородних, не имеют значимых различий. По сравнению с ярославскими студентами, у иногородних студентов выше «Мотивация стремления к успеху», поэтому они в большей степени нацелены на достижения в учебной деятельности. Подобного рода факты способствуют более целенаправленному ответу на вопрос: каковы основные психологические механизмы и закономерности социально-психологической адаптации?

Литература

1. Абдульманова Д.М., Гришина Н.В., Погребницкая В.Е., Аллахвердов М.В., Психология ситуаций: теория и исследования.

Изд-во С.-Петербургского ун-та, Санкт-Петербург, 2011.

2. Анцупов А.Я., Прошанов С.Л. Конфликтология: междисциплинарный подход, обзор диссертационных исследований. М., 1997. 240 с.

3. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2000. 464 с.

4. Кашапов А.С. Соотношение когнитивных характеристик конфликтоустойчивости и коммуникативной креативности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова «Акмеология образования». – 2009. – № 2. – Т. 15. – С. 24-28.

5. Кашапов А.С. Конфликтоустойчивость как личностная детерминанта адаптивного поведения студентов // Вестник Университета (Государственный университет управления). Социология, психология, педагогика и управление персоналом. – М.: ГУУ, 2011. - № 4. – С. 60-61.

6. Кашапов А.С. Динамика социально-психологических качеств студентов в процессе вузовской адаптации // Вестник Ярославского государственного университета им П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки, 2012. № 1 (19). – С. 92-95.

7. Кашапов А.С. Когнитивные и метакогнитивные характеристики конфликтоустойчивости в процессе социально-психологической адаптации студентов // Творческая деятельность профессионала в контексте когнитивного и метакогнитивного подходов. / Под науч. ред. проф. М.М. Кашапова, доц. Ю.В. Пошехоновой. ЯрГУ - Ярославль, 2012. С. 269-320.

8. Кашапов А.С. Типы реагирования на конфликт в условиях социальной адаптации студентов // Метакогнитивные основы конфликтной компетентности / Под науч. ред. проф. М.М. Кашапова; ЯрГУ. – Ярославль, 2012. С. 192 – 261.

9. Кашапов А.С. Конструктивная конфликтность личности как основа управления конфликтом // Психология конструктивной

конфликтности личности. Монография / Под ред. проф. А.В. Карпова, проф. М.М. Кашапова. – Ярославль: ИПК «Индиго», 2013. С. 230 – 268.

10. Крам Т.Ф. Управление энергией конфликта: АСТ. РЕФЛ-бук, 2000.

11. Леонов Н.И. Конфликт, конфликтность и поведение в конфликте. Ижевск, 2002.

12. Конфликтология: Хрестоматия / сост. Н.И.Леонов. – 4-е изд., испр. и доп. М.: МПСИ; Воронеж: Издательство «МОДЭК», 2011.

13. Смирнов А.А. Психология вузовской адаптации: учебное пособие /

А.А.Смирнов, Н.Г.Живаев; Яросл. гос. ун-т им. П.Г.Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2009. 114 с.

14. Смирнов А.А. Адаптация студентов и образ вуза: монография / А.А.Смирнов, Н.Г.Живаев; Яросл. гос. ун-т им. П.Г.Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. 168 с.

15. Управление конфликтом: методические указания / Сост. А.С. Кашапов; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2013. – 52 с.

16. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. СПб.: Питер, 2003. 250 с.

*Ковалёв С.Э., Аксёнова Т.А.
(Усть-Каменогорск, Казахстан)*

ПРИНЦИПЫ ИНТЕГРАТИВНОЙ СКАЗКОТЕРАПИИ.

Аннотация: В статье осуществлена попытка проектирования принципов сказкотерапии на методологической базе интегративной психологии (автор – профессор В.В. Козлов, д.пс.н.).

Ключевые слова: интегративная психология, трансперсональная психология, принципы интегративной психологии, сказкотерапия, принципы интегративной сказкотерапии.

Summary: In article attempt of design of the principles of a skazkoterapiya on methodological base of integrative psychology (the author – professor V. V. Kozlov, д.пс.н is carried out.).

Keywords: integrative psychology, transpersonal psychology, principles of integrative psychology, skazkoterapiya, principles of an integrative skazkoterapiya.

Постнеклассическая наука предполагает, что субъект и объект исследования становятся взаимозависимыми, от состояния субъекта зависит не только исследовательский результат, но и общая тенденция изменений, происходящих в объекте. Процесс производства знания становится чрезвычайно субъективным. Субъективность становится основной характеристикой нового знания. Субъект и объект

сливаются в единый поток изменений, взаимодополняют друг друга, сотворяют друг друга. Современная культура сталкивается с идеей виртуальности мира, его условности. Тысячи условий оказывают влияние на событие, многоуровневая условность становится также характеристикой нового знания. Любая наука, производя новые знания, оказывается в потоке влияния не одной субъективности,

а множества. Тысячи влияний формируют общий поток, каждое влияние становится лучиком, отражённым и преломленным через другие миры. Призма взгляда, угол зрения становится способом мышления, «многослойный пирог» точек зрения создаёт пространство диалогов и полилогов. Учёт всех точек зрения, сквозь призму которых рождается новое знание, множественность взглядов является ещё одной характеристикой нового знания.

Метафора призмы становится моделью постнеклассической науки. Луч, попадая на призму, получает десятки преломлений, играет в потоке непредсказуемости и случайности. Призма становится физической метафорой, интегрирующим началом становления нового знания.

Психологическая наука в постнеклассическую эпоху в силу своей высокой «человекоразмерности» (Степин) раньше других входит в пространство субъективности, условности и множественности взглядов. Субъект-субъектная объективность становится для психологии тем основанием, которое усложняет модель «призмы». «Человекоразмерная» призма – это множество не просто отражающих тенденций, а порождающих тенденций. Каждая грань «человекоразмерной» призмы имеет не просто отражающую функцию, она рождает новые отношения, чувства, направленность, волю. «Человекоразмерная» призма имеет бесконечную многослойность. Представьте, что идёт тренинг, и каждый член группы играет свою роль, надевает маски, снимает их только потому, что присутствуют все члены этой группы, каждый член группы становится гранью «человекоразмерной» призмы отношений и только в его присут-

ствии складывается структура, порождающая все чувства, роли и маски... Если из группы уходит хотя бы один человек, то структура принципиально меняется, расставляются другие акценты, играют уже другие роли, надеваются и снимаются уже другие маски.

В истории психологии профессором В.В. Козловым выделены 7 волн психологии: физиологическая психология, психоанализ, бихевиоризм, экзистенциально - гуманистическая психология, трансперсональная психология, коммуникативная психология и интегративная психология. «Коммуникативная методология является необходимой стадией формирования седьмой волны - интегративной психологии (К. Уилбер, В.В. Козлов), которая предполагает консолидацию множества областей, школ, направлений, уровней знаний о человеке в смысловом поле психологии. Можно сказать, что существуют пять базовых моделей психологии со своими принципами, методологией, предметом и пятью магическими кристаллами, пятью линзами, через которые воспринимают психологи каждого клана психическую реальность совершенно своеобразно. И вот усилия седьмой волны психологии, интегративной, направлены на то, чтобы наладить взаимодействие этих «линз», магических кристаллов с целью сформировать, сконструировать совершенный объектив, адекватно отражающий психическую реальность». [1]

Интегративная психология предполагает максимальное использование возможностей диалога с представителями всех пяти направлений психологии, позволяющего расширить представления о подходах и исследовательских мето-

дологиях, применяемых к изучению психической реальности. Этот диалог предполагает включение механизмов идентификации, эмпатии и рефлексии как условий понимания представителей всех пяти волн психологии и налаживания продуктивного взаимодействия между ними, подчиненное общей цели, - углублению представлений о сути психического, нахождения путей и способов сотрудничества.[1] Интегративная психология - это система концепций, методов и техник, которые ведут человека к большей целостности, к меньшей конфликтности и раздробленности в сознании, в деятельности и в поведении.[1]

Интегративная психотерапия – ряд психотерапевтических подходов, как правило, авторских, ориентированных на интеграцию и восстановление целостности эмоционального, поведенческого, когнитивного, физиологического уровней функционирования, не исключая и духовное измерение. Интегративный подход это чрезвычайно новый подход в истории западной психологии и исходя из своей специфики наиболее продуктивный. Наряду с этим существует множество разнообразных психотерапевтических направлений: арт-терапия, сказкотерапия, телесноориентированная психотерапия, музыкотерапия, гештальттерапия и т.д. Все они являются системой трансформационного воздействия на психику и через психику на организм человека. Когда мы начинаем работать с клиентом наше взаимодействие не может быть не интегрированным. Интеграция является главным условием действия. Что бы совершить функцию надо найти в себе интегрирующий центр. Это может происходить, конечно, на фундаменте какого-либо про-

цесса мышления, но глубокий психотерапевтический эффект можно получить, по нашему мнению, только в интеграции парадигм. Например, что бы дать полноценную трансформацию личности, необходимо задействовать все потенции и уровни: физиологический, глубинный, поведенческий, экзистенциально - гуманистический, трансперсональный и коммуникативный. Именно в такой практике психотерапии раскрываются все аспекты интеграции. Реальную интеграцию может осуществить только наукообразная практика. [1]

Сказкотерапия – это новое направление современной психотерапии, основывающееся на идее прямого проникновения в осознаваемые и бессознательные структуры ценностно-смысловой сферы личности. То есть в структуре личности существует такая часть сознания, которая формируется в рамках родовой культуры «коллективного бессознательного». В рамках этой части сознания существуют осознаваемые и бессознательные эмоционально-установочные комплексы, социальные стереотипы и экспектации (ожидания). Они формируются в способах социализации, воспитания, методах инициации, технологиях обучения и прочее. В процессе социализации формируются базовые отношения человека к миру людей, миру вещей, к природе, к прогрессу и технологиям. Эти базовые отношения и обнаруживаются при использовании методов современной сказкотерапии.

По мнению Н. Пезешкиана [2] сказки выполняют в психокоррекции следующие функции:

1) Функция зеркала. Содержание сказки становится тем зеркалом, кото-

рое отражает внутренний мир человека, облегчая тем самым идентификацию с ним.

2) **Функция модели.** Сказки отражают различные конфликтные ситуации и предлагают возможные способы их решения.

3) **Функция опосредования.** Сказка выступает в качестве посредника между клиентом и психологом, снижая тем самым сопротивление клиента.

4) **Функция хранения опыта.** После окончания психокоррекционной работы сказки продолжают действовать в повседневной жизни человека.

5) **Функция возвращения на более ранние этапы индивидуального развития.** Сказка помогает клиенту вернуться к прежней радостной непосредственности. Она вызывает удивление и изумление, открывает доступ в мир фантазий, образного мышления, непосредственного и никем не осуждаемого вхождения в роль, которую предлагает им содержание. Сказка способствует пробуждению детских и творческих сил в самом психологе, активизирует его работу на уровне интуиции и метафоры.

6) **Функция альтернативной концепции.** Сказка звучит для клиента не в общепринятом, заранее заданном смысле, а предлагает ему альтернативную концепцию, которую клиент может либо принять, либо отвергнуть.

7) **Функция изменения позиции.** Сказки неожиданно вызывают у ребёнка или взрослого новое переживание, в его сознании происходит трансформация позиции. [2]

В работах современных специалистов по сказкотерапии раскрываются следующие возможности работы со сказкой:

1) Обсуждение поведения и мотивов действий персонажа.

2) Рисование по мотивам сказки.

3) Проигрывание эпизодов сказки.

4) Использование сказки как притчи, нравоучения.

5) Творческая работа по мотивам сюжетов сказки: сочинение сказки или истории, анализ и интерпретация, рассказывание сказки, переписывание сказки и пр.

6) Использование сказки как метафоры. [3]

В нашей практике сказкотерапии мы используем следующие базовые практики:

- работа с авторскими историями и текстами как проекциями личности, их проектирование и трансформация;

- создание коррекционных текстов как способов проектирования ценностно-смысловых сфер сознания;

- создание комплексов предметов материального мира, примет и символов, имеющих энергетическую валентность, коррекционный характер которых обнаруживается в проектировании и трансформации энергетических полей;

- моделирование ритуалов как комплексов действий человека или групп людей как способов управления энергопотенциалом человека и его воздействия на будущее.

Стратегия интегративной психологии — постижение природы человека через сопровождаемое критической рефлексией интегрирование, синтез различных традиций, подходов, логик, диагностического и психотехнического инструментария, при сохранении их автономии в последующем развитии. Суть ее заключается в многоплоскостном, многомерном,

многоуровневом, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного исследования, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, многомерности психического феномена. [1] При этом надо отметить, что интегративный подход является наследником и выразительным преемником трансперсонального, В.В. Козлов является прямым учеником С.Грофа, что свидетельствует, что способ мышления унаследует культуру научной школы. Поэтому интегративный способ мышления интегрируется вокруг известного научного направления, а поскольку трансперсональная психология имела интегративную претензию, то и интегративная психология унаследует трансперсональный подход. По мнению В.В.Козлова в науке нет революций, есть новый этап системности мышления и интеграции прошлого опыта. Пятая волна интегрировала все прошлые парадигмы. [4]

Трансперсональная психология выступает интеллектуальным лидером этого всеобъемлющего порыва к беспредельному развитию, давая экспертную оценку древним и современным методам целостного и духовного совершенствования, переводя на язык современной западной культуры древние знания об искусстве трансценденции. Пятая волна психологии выделила в качестве пред-

мета психологии области за пределами общепринятого, персонального, индивидуального уровня — переживания, в которых чувство самотождественности выходит за пределы индивидуальной, или личной, самости, охватывая человечество в целом, жизнь, Дух и космос.[4]

Таким образом, пятую волну мы можем обозначить как психо-логическое учение о трансперсональных переживаниях, их природе, разнообразных формах, причинах и следствиях, а также о тех проявлениях в областях психологии, философии, практической жизни, искусства, культуры, жизненного стиля, религии и т.д., которые вдохновляются ими или которые стремятся их вызвать, выразить, применить или понять.[4]

Мы решили рассмотреть возможность применения интегративного подхода к такому направлению как сказкотерапия, рассмотреть методологические и методические аспекты интегративного подхода в сказкотерапии, для определения ее возможностей и влияния на личность, привести к целостности, гармонии человека и способствовать её развитию.

После проделанного теоретического анализа мы сделали попытку включения сказкотерапии в контекст интегративной психологии и разработать принципы интегративной сказкотерапии. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Принципы интегративной сказкотерапии

№	Принципы интегративного подхода (В.В. Козлов)	Принципы сказкотерапии (Т.Д. Евстигнеева - Зинкевич)	Принципы интегративной сказкотерапии
	1	2	3
1	<p>Принцип целостности. Подразумевает понимание психики как чрезвычайно сложной, открытой, многоуровневой, самоорганизующейся системы, обладающей способностью поддерживать себя в состоянии динамического равновесия и производить новые структуры и новые формы организации. Принцип целостности в контексте интегративной методологии является в первую очередь принципом экологичности и подразумевает следование логике внутреннего процесса трансформации личности.</p>	<p>Принцип базовых Жизненных Ценностей. Психологическое воздействие происходит на ценностном уровне, сказкотерапевт в своей работе опирается на базовые жизненные ценности</p>	<p>Принцип целостной сказки. Один из основных аспектов интегративного подхода это расширение свободного самосознания и движение вперед, т.е. возможность дать человеку понять кем он хочет и может быть. Для этого необходимо помочь человеку осознать свою жизнь в прошлом, посмотреть на себя со стороны в будущем и только тогда человек сможет понять чего ему не хватает, для того что бы стать тем, кем он хочет стать. Для этого необходимо обращение к трем временам жизни человека - прошлое, настоящее, будущее. В данном случае это можно сделать по средствам сказки которую сочиняет сам человек. Можно написать 3 варианта сказочной истории, о том что было, что есть сейчас и сказка о будущем. Или продолжать написание одной сказки до тех пор, пока в ней не будет четко прописаны три времени. Сказка, как текст в наибольшей степени позволяет обратиться к трем временам жизни.</p>
2	<p>Генетический принцип или принцип развития. Выражается в том, что человеческая психика, личность, группа любого уровня структурной и функциональной сложности, имеет множество потенциальных направлений своего развития. Эти направления определяются в критических точках — точках кризисного состояния, где личность, или группа, делает выбор в отношении пути своего дальнейшего развития.</p>	<p>Принцип Жизненной Силы. Для положительных изменений нужна Жизненная Сила, сказкотерапевт укрепляет веру человека в собственные силы, закладывает позитивную жизненную программу, учит человека копить, восстанавливать и познавать собственную силу</p>	<p>Принцип жизненных путей. В данном случае применяя генетический принцип к сказкотерапии мы делаем упор на возможные эффективные варианты развития жизненного сценария человека по средствам сказки и перекладывание их на жизнь пациента. После написания сказки, пациент прописывает несколько возможных вариантов истории в будущем (или психолог сам пишет их к данной сказки) и человек на бессознательном уровне выбирает тот вариант который хотел бы и мог реализовать в своей жизни. Здесь же, действует другой принцип интегративного подхода - принцип многомерности истины.</p>
3	<p>Принцип обусловленности. Психическое пространство представляет собой систему взаимосвязанных пространственно-временных сознательных и бессознательных структур (гештальтов, целостностей психической реальности, систем конденсированного опыта и т.п.), между которыми существует энергоинформационное взаимодействие внутри психики; характер этого взаимодействия определяют паттерны отношений человека с окружающим миром. Принцип обусловленности подразумевает существование не только линейных причинно-следственных отношений «здорового смысла», но и каузальных взаимосвязей как внутри психики, так и между событиями внутреннего и внешнего мира.</p>	<p>Принцип многогранности. «Проблемное видение» ситуации возникает тогда, когда рассматривается лишь одна или две ее грани, в то время, когда их значительно больше. На основании третьего принципа сказкотерапевт старается изменить отношение человека к ситуации за счет рассмотрения наибольшего спектра ее граней. В этом случае задача – показать одну и ту же сказочную ситуацию с нескольких сторон.</p>	<p>Принцип архетипа. В данной работе, в дальнейшем мы будем рассматривать развитие личности и основой будет теория личности К.Г. Юнга, где говорится о системах личности и энергообмене между этими системами. Применяя принцип обусловленности к сказкотерапии, в данном случае обратимся к архетипу который находится в бессознательном и который является основой теории К.Г. Юнга. В каждой сказке есть архетипы и человек сочиняя сказку проецирует в нее свои бессознательные архетипы. В данном случае, когда человек находится в кризисном состоянии то наполняет свой архетип исходя из своего состояние. Задачей интегративной сказкотерапии является наполнение архетипа человека таким содержанием, которое бы вывело человека из состояния кризиса.</p>

№	Принципы интегративного подхода (В.В. Козлов)	Принципы сказкотерапии (Т.Д. Евстигнеева - Зинкевич)	Принципы интегративной сказкотерапии
	1	2	3
4	<p>Принцип позитивности. Принцип позитивности подразумевает центрирование специалиста и клиента на положительном опыте. Одним из первых шагов в психосоциальной работе является нахождение позитивных смыслов в проблемном состоянии, если это удастся, клиент может быть впервые получает возможность увидеть то, что с ним происходит, в ином свете.</p> <p>Главный смысл принципа позитивности в том, что сонастроенность человека с положительными состояниями обеспечивает его высокой степенью энергии, доступом к творческим ресурсам, эффективными навыками саморегуляции, проявления в социуме. Выражением принципа позитивности для пациента является осознание им необязательности страдания ради того, чтобы жить в соответствии со своими потребностями, возможностями и способностями творить положительные переживания в собственной жизни</p>	<p>Принцип осознанности – осознание причинно-следственных связей в развитии сюжета; понимание роли каждого персонажа в развивающихся событиях</p>	<p>Принцип позитивного опыта. Принцип позитивности в интегративном подходе соотносится с принципом Базовых жизненных ценностей в сказкотерапии. Психотерапевт пишет такую сказку которая отражала бы жизненную ситуацию и душевное состояние клиента на данный момент и показывает в сказке все позитивные моменты которые человек мог бы взять из данной ситуации.</p>
5	<p>Принцип соответственности. Подразумевает соответствие характера и интенсивности воздействия психотехнологий уровню зрелости пациента и степени сензитивности его психики</p>	<p>Связь с реальностью – осознание того, что каждая сказочная ситуация разворачивает перед нами некий жизненный урок. Здесь задачей выступает кропотливое и терпеливое прорабатывание сказочной ситуации с позиции того, как сказочный урок будет использован в реальной жизни, в конкретных ситуациях</p>	<p>Принцип соответствия. Данный принцип говорит о том, что для каждого пациента необходимо подбирать ту сказку, которая в большей степени будет подходить возрасту пациента, его состоянию на данный момент, уровню сознания.</p>
6	<p>Принцип потенциальности. Использование этого принципа предполагает, что индивидуум мобилизует свои ресурсы для преодоления кризисного состояния, фрустрации и страха, возникающих из-за отсутствия поддержки со стороны окружающих и неадекватность самоподдержки. На взгляд Козлова, каждый человек обладает тенденцией к саморазвитию и потенциальностью, интенцией к целостности, большей свободе. Раскрытие потенциальности может быть достигнута на разных уровнях и не обязательно включать в себя так называемый духовный уровень</p>		<p>Принцип творчества.</p> <p>Принцип потенциальности в интегративном подходе отождествляется с принципом Жизненной силы в сказкотерапии. Здесь применимо любое творчество связанное со сказкой, волшебством, разыгрыванием различных ролей и продумывание сценариев. В состоянии творчества будут мобилизоваться все творческие силы которые есть у человека. Основная цель данного принципа - возродить творческий потенциал человека. По средствам этого расширить границы свободного сознания и дать человеку почувствовать свою внутреннюю силу.</p>
7	<p>Принцип многомерности истины. Любая теория, концепция, терапевтический миф, учение, идея, житейское суждение о психической реальности при кажущейся зачастую их полноте и универсальности являются справедливыми лишь при определенных обстоятельствах и с известной долей вероятности. Наш разум производит объяснения, а реальность снисходительно принимает любое из них.</p>		<p>Принцип жизненной многогранности. Этот принцип соотносится с одним из принципов сказкотерапии. Говорит о том, что надо научить клиента смотреть на любую жизненную ситуацию с разных сторон и с точки зрения разных людей. С точки зрения этого принципа любая проблема может иметь несколько вариантов решения и с точки зрения разных людей может нести множество разнообразных смыслов для одного человека. По средствам сказки и сказочных героев можно спроектировать любую ситуацию, для любого человека. Из множества смыслов и точек зрения отраженных в сказке человек бессознательно выберет ту, которая в наибольшей степени ему близка.</p>

Мы сделали попытку распространить принципы интегративного подхода на методологические основания сказкотерапии. И таким образом положить начало разработки методологических оснований нового метода - интегративной сказкотерапии, принципы которой гипотетически должны быть более эффективны в процессе интеграции личности. Таким образом,

Интегративная сказкотерапия – это метод постижения и трансформации природы человека через сопровождаемое символическое и метафорическое интегрирование посредством волшебных, сказочных, мифологических текстов,

историй, предметов силы и действий, имеющих трансперсональный потенциал и родовую архетипическую энергию.

Литература:

1. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности.— М.: Психотерапия, 2007. -528 с.
2. Пезешкиан Н. Торговец и попугай. Восточные истории в позитивной психотерапии. – СПб. – 1995.
3. Осипова А.А. Общая психокоррекция: Учебное пособие для студентов ВУЗов. – М. – 2000.
4. Практикум по трансперсональной психологии. Учебное пособие. Сост. Козлов В.В. – Ярославль, ЯрГУ.-134 с.

Кукина М.В. (Иркутск, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ВИЗУАЛИЗАЦИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОБРАЗНОЙ ТЕРАПИИ В РАБОТЕ С ИНКУРАБЕЛЬНЫМИ ОНКОБОЛЬНЫМИ

Аннотация

Рак – это следствие разрастания негативных эмоций в психике. Проявляется не только в теле, но и в поведении, кругозоре, жизни частной и профессиональной. Как только стало известно, что в теле есть раковая опухоль, важно сразу начать искать конфликт, из-за которого она возникла. Бывает, что ее рост не только задерживается, но возможно и исцеление.

Важно помочь пациентам изменить взгляды на себя и восприятие тех проблем, с которыми столкнулись перед началом заболевания. На этом этапе особенно эффективна работа с чувством вины, обиды. Традиционные способы лечения способны разрушать атипичные клетки, тогда как психологическая помощь помогает развернуть в обратном направлении весь цикл развития раковой опухоли и заставить организм работать на увеличение его сопротивляемости болезни и уменьшение производства раковых клеток.

Ключевые слова: визуализация, эмоционально-образная терапия, психосоматические изменения, отношение к смерти

Abstract

Cancer is the consequence of growing negative emotions in mind. It can appear not only within the body, but also in behavior, open-mindedness, private and professional lives. As soon as it became clear, that the body has cancer, it is important to start searching for a conflict which caused the cancer. The growth may slow down and even stop.

It is highly important to help patients change their vision of themselves and the way they see the problems they had faced before the illness occurred. At this stage it is effective to work with the sense of guilt, offense. Traditional methods of treatment may destroy atypical cells, whereas psychological assistance tends to turn cancer growth back and make the body work to build its resistance and decrease cancer growth.

Key words: visualization, emotional image therapy, psychological changes, attitude to death

В настоящее время очень часто приходится сталкиваться с явлением, когда представители различных дисциплин, изучая определенную проблему, разрабатывают свой собственный язык, систему величин, методов исследований и передачи информации, не зная при этом разработок представителей другой дисциплины. Об этой проблеме многократно говорилось на V Всероссийском Съезде онкопсихологов, проходившем в Москве в ноябре 2013г. Представители медицины с удивлением узнавали о результатах психологических исследований в области онкологии и туберкулёза и повторяли, что очень нуждаются в помощи психологов, а психологи жаловались на огромные трудности внедрения на территории медицинских институтов и клиник. Не утратила актуальности и проблема отсутствия связи между практическими разработками и теоретическими исследованиями. Именно из-за отсутствия междисциплинарных связей, на протяжении многих лет с большим трудом решается проблема улучшения качества жизни онкологических больных после операций, химиотерапии, радиологической терапии. Исследования отечественных и зарубежных ученых многократно показывали, что у онкологических больных отмечаются следующие психологические проблемы:

- угроза рецидива заболевания;

- специфика оперативных вмешательств;
- инвалидизация больного;
- миф о заразности рака;
- изоляция или самоизоляция больного.

Березанцев А.В. с соавторами отмечает наличие суицидальной готовности у 50% больных, т.е. помимо зафиксированных суицидов существуют «пассивные» или «анонимные» суициды [1].

Если люди не могут найти смысл в своих страданиях и смерти, они не могут найти смысл в жизни. Таким образом, они сталкиваются с экзистенциальным кризисом. Проблему внутреннего конфликта в своих трудах описывает Р. Мэй, называя его конфликтом между бытием и небытием. К внутреннему конфликту приводит тревога: «Тревога имеет место в тот момент, когда человек сталкивается с возникающим потенциалом или возможностями осуществлять свое бытие; именно эта возможность влечет за собой нарушение настоящей безопасности, что, в свою очередь, приводит к тенденции разрушения новых потенциальных возможностей [4, с.57]. Основными экзистенциальными проблемами современного человека, с точки зрения Р. Мэй, Э. Фромма, являются одиночество, изоляция, переживание отдаленности от собственной жизни, проблема утраты своего

мира. У больных в терминальной стадии эти проблемы ещё более усугубляются.

Реакции на грозящую смерть формируются под воздействием связанных между собой факторов:

- Психологическая зрелость индивида;
- Доступные ему способы, позволяющие справиться с ситуацией;
- Влияние таких систем координат, как религиозная ориентация, возраст, пол;
- Степень опасности протекающих в организме процессов;
- Позиция врача и других людей, играющих важную роль в жизни пациента.

В работах А.Ш. Тхостова установлено, что ситуация тяжелого, смертельно опасного заболевания приводит к изменению «позиции» больного, его мироощущения [6]. У больных актуализируется мотив «сохранения жизни», который становится главным побудительным и смыслообразующим мотивом их деятельности. Центральным психологическим механизмом личностных изменений выступает перестройка иерархии мотивов по типу переподчинения главному смыслообразующему мотиву, т.е. перестройка, которую А.Ш. Тхостов называет «сдвигом цели на мотив» [6]. К сожалению, такие процессы удаётся наблюдать лишь у трети больных, находящихся в терминальном состоянии.

• Многие авторы отмечают трудности в общении, возникающие у больных. Ощущение беспомощности, невозможности помочь близкому человеку, заставляет родственников психологически отстраняться от онкологического больного, который и так чувствует, что

другие люди, включая медицинских работников, относятся к нему по-особому. Ведь, боясь, лишний раз обидеть или потревожить больного, представители социального окружения меняют поведение, создавая впечатление отстранения и отчуждения. Это вызывает болезненное ощущение «погребенности заживо» [2]. Диагноз злокачественной опухоли сопровождается необычайно сильными эмоциональными переживаниями, которые разрушают наиболее важные стереотипы поведения, установки, выработанные в течение всей предшествующей жизни. Изменяется социальный статус больных, сужается круг контактов, нарушаются личные и семейные планы, достижение определенных целей становится невозможным, видоизменяются привычный уклад и стиль жизни, изменяется социальная ситуация развития человека. Болезнь изменяет уровень психических возможностей осуществления деятельности, меняет объективное место, занимаемое человеком в жизни, а тем самым его «внутреннюю позицию» по отношению ко всем обстоятельствам жизни. Именно в этот момент чрезвычайно важна психологическая поддержка больного и его родственников. Это работа должна касаться следующих моментов:

- Проба изменить реальную ситуацию, т.е. более четкий контроль симптомов, избегание агрессивных методов лечения, стремление к удовлетворению всех потребностей пациента и его семьи;
- Проба изменить содержание ожиданий больного на более реальные;

Нам очень близка позиция В. Франкла – представителя европейской гуманистической психологии (логотерапии), который в отличие от А. Маслоу считал,

что человек обладает свободой по отношению к своим потребностям и способен «Выйти за пределы самого себя» в поисках смысла. Воля к смыслу – истинно человеческое начало поведения. Каждый должен знать, чего он хочет, что ему необходимо преодолеть, чтобы прийти до намеченной цели. Смысл должен быть во всем: в любом действии в любом поступке. Если человек что-то делает, значит, ему это необходимо. Если поступки имеют смысл, значит и жизнь имеет смысл. Теория В. Франкла получила беспрецедентную проверку жизнью в условиях концлагеря, где выживали те, кто отличался наиболее крепким духом, кто имел смысл, ради которого нужно выжить [7], [8].

Всех больных стоит знакомить с уникальной программой американских специалистов К. Саймонтон и С. Саймонтон [5]. Опыт показывает, что интерес к этому методу возникает практически у всех. Это связано еще и с тем, что больные, находящиеся в стационаре, более всего они ожидают от персонала обычной беседы (94,3% мужчины и 91,7% женщины) и эмоциональной поддержки. На втором месте среди ожиданий пожелание «больше тепла» (68,6% мужчины и 41,7% женщины), что подразумевает сердечность, интерес и понимание их проблем. Когда объясняешь, что успешность использования метода Саймонтон зависит от самого больного, от его настойчивости и аккуратности и что это ничего не стоит в материальном смысле, то желание начать работать декларируют практически все пациенты. Надо признать, что невозможно обучить абсолютно всех методикам релаксации и визуализации, преодоления страха и боли. Это зависит от когнитив-

ных способностей, личностной зрелости и тяжести состояния больного. Онкологическое заболевание практически ликвидирует чувство автономии и независимости, обрекает на беспомощность, что ведет к утрате надежды и веры в будущее. Страх перед смертью и потеря надежды ведут к истощению внутренней энергии (силы Я), которая так необходима, чтобы мочь сопротивляться проблемам. Важно, чтобы и социальное окружение поддерживало больного, особенно на начальных этапах работы с этим методом. Используя методики визуализации и релаксации, преодоления страха и боли в течение последних шести лет, могу наблюдать улучшение качества жизни больных, способность некоторых пациентов уменьшать страх боли или удушья, улучшение общего состояния, повышения аппетита и активности в целом. Большого успеха достигают те, кто ранее был знаком с медитацией, им значительно легче самостоятельно три раза в день работать с образом опухоли. Хорошие результаты и у практикующих верующих, они не только отдают в руки Божьего Проведения свою болезнь и исцеление, но ощущают любовь и заботу самого Бога. К сожалению, еще не было случаев полного исцеления от рака, но большой победой является то, что многие из наших пациентов обрели смысл жизни, повысился уровень качества жизни. Еще Ницше писал: «Если есть «Зачем», можно выдержать любое «Как». Первым делом необходимо помочь пациентам поверить в эффективность лечения и способности своего организма сопротивляться заболеванию. Болезнь – это сигнал, что необходимо менять свой стиль жизни. Более всего подвержены онкологическим новообразованиям те,

кто склонен к алекситимии, подавлению своих эмоций. Если переживаешь трагедию и не можешь победить своих реакций, то будешь побежден ими. Рак – это следствие разрастания негативных эмоций в психике. Проявляется не только в теле, но и в поведении, кругозоре, жизни частной и профессиональной. Как только стало известно, что в теле есть раковая опухоль, важно сразу начать искать конфликт, из-за которого она возникла. Бывает, что ее рост не только задерживается, но и возможно исцеление.

Важно обучать и больных, и их родственников справляться со стрессовыми ситуациями. Необходимо, чтобы пациенты изменили взгляды на самих себя и восприятие тех проблем, с которыми столкнулись перед началом заболевания. На этом этапе особенно эффективна работа с чувством вины, обиды. Поскольку условия стационара и общее состояние больных не позволяют планировать значительное количество психологических сессий, чаще всего используем метод эмоционально-образной терапии Н.Д.Линде [3]. Эта работа ведёт к тому, что пациенты начинают верить в собственные силы и в то, могут разрешать проблемы более эффективно.

Многие инкурабельные онкологические больные используют свою кризисную ситуацию и нависшую над ними угрозу как стимул к изменению. Они рассказывали о поразительных сдвигах, о внутренних переменах, которые нельзя охарактеризовать иначе, чем «личностный рост» или изменение установок.

Больные в терминальной стадии заболевания, не только сопровождаемые и психологами, и врачами, и родственниками, но и работающие по предложенным

методикам отмечают следующее:

- Изменение жизненных приоритетов, уменьшение значения тривиальностей;
- Чувство освобождения: появление способности сознательно не делать то, что не хочешь;
- Обостренное переживание жизни в настоящем, вместо откладывания ее до пенсии или какой-нибудь еще точки будущего;
- Переживание природных явлений: смены времен года, перемены ветра, опадания листьев, последнего Рождества и т.д., – как высоко значимых событий;
- Более глубокий, чем до кризиса, контакт с близкими;
- Уменьшение страхов, связанных с межличностным общением, и озабоченности отвержением; большая, чем до кризиса, готовность к риску [9, с.41-42].

Появившаяся у пациента вера в возможность поправиться и новое отношение к стоящим перед ним проблемам формируют такую жизненную позицию, в которой есть место надежде и вере в будущее. Здоровье можно сравнить с зеркалом, в котором отражается наша жизнь. Традиционные способы лечения способны разрушать атипичные клетки, тогда как психологическая помощь помогает развернуть в обратном направлении весь цикл развития раковой опухоли и заставить весь организм работать на увеличение его сопротивляемости болезни и уменьшение производства раковых клеток.

Список литературы

1. Березанцев А.Ю. Психонкология: пациент в ситуации выбора и преодоления болезни. Доклад на V Всероссийском съезде

де онкопсихологов, Москва, 14-16 ноября 2013г.

2. Гнездилов А.В. Путь на Голгофу: Очерки работы психотерапевта в онкологической клинике и хосписе. – СПб: АОЗТ ФИРМА «КЛИНТ», 1995, 134с.

3. Линде Н.Д. Эмоционально-образная терапия. Теория и практика. – М.: Издательство МосГУ, 2004, 452с.

4. Мэй Р. Открытие бытия: очерки экзистенциальной психологии. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004, 104с.

5. Саймонтон К. и С. Психотерапия

рака. – Пер. с англ. – СПб: Питер, 2001, 288с. (Серия «Современная медицина»)

6. Тхостов А.Ш. Депрессия и психология эмоций Психология телесности и психосоматика: <http://www.gestaltlife.ru/publications/13/1>

7. Франкл В.В борьбе за смысл: <http://hpsy.ru/link/21.htm> newacropol.ru litportal.ru

8. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. – Пер. с нем. – М: Альпина нон-фикшн, 2009, 239 с.

9. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. Перевод с англ. – М.: Независимая фирма «Класс», 2004, 576 с.

Романов И.В. (Москва, Россия)

НОВЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА ОСНОВЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Аннотация: рассматривается вопрос изучения процессов порождения новых научно-исследовательских идей в контексте развития современных информационных технологий и информационных сетей. Изучение, создание и совершенствование технологий научно-психологических исследований является необходимым условием создания новых алгоритмов и методов проведения научных работ.

Ключевые слова: инновации научно-психологических исследований, новые гуманитарные технологии, информационные сети

Abstract: the paper deals with the study of the processes of generation of new research ideas in the context of the development of modern information technologies and information networks. Study, development and improvement of technologies, scientific and psychological research is a necessary condition for the creation of new algorithms and methods of conducting scientific work.

Keywords: innovation scientific and psychological research, new humanitarian technologies, information network

Актуальность проблематики инноваций в технологиях получения новых психологических знаний в значительной мере определяется взрывоподобным расширением масштабов информационного обмена, происходящее в течение последних десятилетий.

В частности, всё чаще новые идеи и технологии находят своё отражение в

информационных сетях. Данный факт предопределяет необходимость своевременного изучения процессов возникновения и развития научно-психологических исследований с активным привлечением возможностей современных информационных систем.

В традиционном подходе XX века появление новых идей в научной, тех-

нологической, социальной и др. сферах в большинстве случаев происходило в узких профессиональных кругах, и только после этого они делались достоянием гласности. Другими словами, доступ широкой научной общественности к любым инновациям, новым технологиям, научным открытиям был возможен только после того, как они проходили ряд «фильтров», не пропускающих в информационное пространство (пространство дружественной семиосферы) многие продукты творчества. Притчей во языцех стал факт того, что подобный способ «дозированного» выпуска новых знаний в информационную сферу сдерживал в развитии значительное количество инновационных, нетривиальных идей и предложений.

В XXI веке, с распространением новых информационных технологий, в особенности Интернета, ситуация кардинально меняется. Любая идея, технология или продукт могут быть представлены в информационной сфере, и если они становятся релевантными в информационном поиске, т.е. соблюдается семантическое соответствие поискового запроса и поискового образа информации, информационная сфера (дружественная семиосфера) может определённым образом реагировать на их появление. При этом становятся возможными как минимум три варианта дальнейшего развития событий по оценке информации:

- оценка соответствует масштабу новых знаний и технологий;
- завышенная оценка по отношению к реальной значимости новых знаний и технологий;
- недооценка реальной важности новых знаний и технологий.

При этом становятся возможными ситуации, когда возникает эффект «инновационного скачка». Предпосылкой к последнему служит то, что новые знания становятся доступными большому числу респондентов, что приводит к резкому расширению возможностей их использования в самых разных областях жизнедеятельности человека. Более того, зачастую делаются многочисленные попытки практически применить основной принцип новых знаний и технологий в совершенно далёких от изначальной сферы появления областях. Поскольку средой для распространения новых знаний становятся современные информационные сети происходит «временное сжатие» реакций на появление новых знаний иногда на порядки превышающее традиционное распространение научных знаний (через печатные научные издания, конференции специалистов и проч.). И, что особенно важно, при этом может иметь место как интенсивное распространение объективной информации о новых знаниях, релевантное информационной сфере породившей новые знания, так и такая реакция информационной среды, которая переоценивает её значимость. В результате инициируются такие информационные процессы, которые могут спровоцировать возникновение «виртуального взрыва», инновационного скачка, который касается прежде всего трансформации представлений новых, в том числе психологических знаний о том или ином сегменте реальности. Новые научные знания проникают сквозь границу породившей их семиосферы и становятся центрами кристаллизации новых идей и инновационных процессов смежных, а иногда и достаточно удалённых областей научного знания.

Процесс достижения «точки невозврата», «критической массы» для такого инновационного скачка может происходить не только в сфере научных знаний, технических или гуманитарных технологий, но и в сфере формирования ожиданий и неудовлетворённых потребностей массового потребителя информации. В этом случае возникает специфическая ситуация, когда какое-либо новое научное знание, имеющее по своей масштабности и значимости локальный и специализированный по назначению характер, вызывает лавинообразную реакцию со стороны тех, кто ознакомлен с фактом его осуществления. Появляются многочисленные попытки использовать его другими способами, дорабатывать и задействовать в смежных областях жизнедеятельности.

Новые знания в научно-технической области в значительной степени ориентированы на специалистов соответствующего профиля и зачастую требуют для своего понимания и практического использования специальных знаний, профессиональной подготовки и навыков. В гуманитарной сфере, в частности психологии, ситуация выглядит иначе. Новые гуманитарные знания, технологии и инновации значительно больше понятны и близки большинству пользователей информационных сетей в силу того, что во многих случаях затрагивают такие вопросы, с которыми сталкивается в своей реальной жизни большинство людей. Как следствие, в формировании инновационных скачков в сфере гуманитарных технологий, в частности психологических исследованиях, значительную роль могут играть настроения и ожидания потребителей информации, что необходимо учитывать при анализе уровня «полезного

сигнала в информационных откликах».

Совершенствование технологий и постоянное усложнение мира требует от современного исследователя учета всей специфики процессов порождения новых идей. Для этого необходимо, чтобы эти процессы и потенциальные пути их дальнейшего использования стали предметом серьёзного научного анализа. Анализ различных этапов получения новых знаний, инновационных процессов в большинстве случаев сталкивается с проблемой, связанной с оценкой и выбором тех продуктов творческой деятельности, которые могут быть использованы и внедрены с наибольшим эффектом. Создание работоспособных моделей порождения научных знаний становится крайне сложным, а зачастую и невозможным без включения в контекст этих моделей компонент, которые тесно связаны с процессами новых информационных технологий и информационных сетей.

Важно отметить, что современные исследователи всё чаще обращают внимание на продуктивность и обоснованность подхода к исследованию процессов порождения новых знаний с совершенно разных философских, мировоззренческих и методологических позиций. В сфере возникновения новых научных знаний и технологий в настоящее время проявляется тенденция к смещению от модели, где знания формируются в рамках одной семиосферы реальности, к интерактивной модели, где новые научные знания рождаются во взаимодействии и столкновении различных точек зрения и картин мира [Gibbons, Limoges, and Nowotny, 1994]. Примером расширения картины научных представлений о знании как феномене человеческой жизни

может являться комбинация западной рационалистической позиции, в которой представлена ориентация на единственность истины или решения какой-либо

задачи, и восточной традиции, которая в значительной степени ориентирована на множественность решений и относительность истины [Bhawuk, 2008].

ПАМЯТЬ ОБ УЧИТЕЛЕ

12 августа 2014 года на восьмидесятом году жизни покинул нас Виктор Васильевич Новиков – доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, почётный президент Международной Академии психологических наук, профессор кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Виктор Васильевич Новиков - известный в нашей стране и за рубежом специалист в области социальной психологии, промышленной психологии и психологии коллектива, он внес своими исследованиями крупный вклад в психологическую науку и практику, активно участвуя в разработке научных проблем социальной и промышленной психологии.

Виктор Васильевич Новиков – личность, бесспорно, незаурядная: видный

ученый и организатор науки. Им созданы уникальные образовательные и научные школы. Под его руководством в течение более 20 лет работали Международная Академия Психологических Наук, Высшая школа практической психологии и менеджмента, два докторских диссертационных Совета, с 90-ых годов единственная в стране кафедра социальной и политической психологии, аспирантура и докторантура по организационной и социальной психологии.

Он – Действительный и Почетный член многих российских и международных академий, университетов, ассоциаций и обществ, член редколлегий нескольких научных журналов и других изданий. Им написаны и отредактированы сотни книг, Профессор Новиков — неперенный участник и организатор множества самых крупных научных конгрессов, съездов, симпозиумов и конференций, постоянный руководитель, консультант, рецензент и оппонент докторских и кандидатских диссертаций.

Кандидатская диссертация Виктора Васильевича «Основные факторы формирования коллективизма у колхозного крестьянства» готовилась в секторе Е.В. Шороховой по философским наукам. Но в конце 1966 года речь пошла о введении в номенклатуру специальностей ВАК СССР психологических наук. Дис-

сертация под прежним названием была переориентирована и оформлена на соискание ученой степени кандидата психологических наук с расчетом ее защиты на специализированном Ученом совете по психологии при Ярославском государственном педагогическом институте. Датой защиты наметили 17 марта 1967 года. Официальными оппонентами были назначены доктор философских наук, профессор Е.В. Шорохова и доктор педагогических наук, профессор Добрынин Николай Федорович. Защита состоялась в намеченный срок, прошла блестяще, но по «педагогическим наукам», ибо номенклатуру специальностей с психологическими науками Президиум ВАК СССР к тому дню официально еще не утвердил.

Так за семь месяцев до официального окончания очной аспирантуры Виктор Васильевич Новиков стал кандидатом педагогических наук в скобках (по психологии). День защиты диссертации официально считался днем окончания аспирантуры и очный аспирант подлежал государственному распределению. Министерское назначение оказалось весьма оригинальным – направить на курсы иностранных языков ЮНЕСКО для последующей работы за границей.

Вместе с другими психологами ЯГПИ Виктор Васильевич участвовал во многих хозяйственных работах на предприятиях Ярославля и других городов. Молодой, мобильный, хорошо знакомый с зарубежным опытом психолог стал весьма популярным специалистом, получавшим заманчивые предложения из многих городов и республик Союза. Он часто и охотно ездил в различные регионы СССР, но всегда возвращался в родной город.

В 1970 году группа преподавателей кафедры психологии ЯГПИ во главе с профессором В.С. Филатовым приглашается в возрождающийся Ярославский государственный университет, в котором предполагалось открытие третьего в стране факультета психологии. Ректор пединститута Л.В. Сretenский (кстати, бывший председатель ученого Совета по психологическим наукам) переводится на должность ректора нового вуза. Зная организаторские и профессиональные способности Виктора Васильевича, он назначает его сначала ответственным секретарем приемной комиссии университета, а с началом учебного года – деканом факультета психологии, истории и права (как в Сорбонне!), где на каждое отделение было принято по 50 студентов.

Декану третьего в стране факультета, готовящего профессиональных психологов с университетским образованием, пришлось тесно общаться со «старшими» по стажу и научным званиям деканами: А.Н. Леонтьевым (МГУ) и Б.Г. Ананьевым (ЛГУ). Б.Г. Ананьев, очень заинтересовался свершившимся фактом. Более того, он сразу же вызвался помогать становлению нового факультета и по-деловому сотрудничать с ним. Юный (по сравнению с давно перешагнувшими шестидесятилетний рубеж коллегами) декан уехал из Ленинграда окрыленный, привез с собой программы обучения, образцы учебных пособий, предложения на участие в различных конференциях и семинарах. С той поры факультет психологии ЛГУ стал для ярославских психологов не только ярким ориентиром в работе, но и поставщиком кадров, заказчиком новых исследований и публикаций. Так в Ярославле появился

выпускник ЛГУ Анатолий Журавлев. Его Виктор Васильевич выбрал одного из многих студентов. Тогда же зародилась дружба с ассистентами ЛГУ – будущими профессорами: И.П. Волковым, Н.Н.Обозовым, А.Л.Свенцицким, Э.А.Чугуновой и многими другими ныне известными учеными. Тем не менее, В.В. Новиков и его коллеги понимали, что Ярославский психологический факультет не может и не должен повторять даже лучший образец. У него было другое предназначение: с самого начала факультет призван был готовить специалистов в области индустриальной психологии, потребность в которых в те годы была велика, а у ярославских психологов имелись достаточные основания для того, чтобы обеспечить их подготовку. Под руководством Виктора Васильевича на факультете сразу же была создана хозрасчетная лаборатория психологии организации труда и управления, через посредство которой прежние ученики В.С. Филатова и новые студенты могли реализовать свой потенциал на предприятиях не только Ярославля, но и всей страны. Сразу же были заключены договоры с предприятиями нефтехимии, автомобильной и текстильной промышленности. Сам Виктор Васильевич ездит по городам и предприятиям Советского Союза, выступает перед руководителями организаций предприятий. Его лекции становятся откровением для руководителей, записываются на редкие еще магнитофоны, пленки передаются из рук в руки. Бывали случаи коллективного прослушивания этих записей. Психология становится популярной, в исследованиях и практической работе на заводах начинают участвовать студенты...

Почти полтора года вел за собой факультет энергичный и популярный декан. И вдруг 2 декабря 1971 года, по нелепому поводу, его увольняют с работы.

В декабре В.В. Новикова принимают на должность заведующего сектором социально-психологических исследований Центра НОТ Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР, где его разработки внедрялись еще с 1967 года.

Долгих шестнадцать лет провел он в этой многопрофильной, многолюдной и высокотребовательной отрасли, практически ежедневно решая сложные проблемы управления, организации и охраны труда в условиях повышенной взрыво- и пожароопасности, повышенной экологической вредности и т.п. Вскоре он организует первую в стране отраслевую психологическую службу.

В годы работы В.В. Новикова в Центре НОТ многие выпускники его родного факультета прошли его школу. Далеко не всем она оказалась по плечу, но даже те, кто не выдержал испытательных сроков, теперь с благодарностью вспоминают годы работы с ним и всячески демонстрируют свое уважение к нему. Кстати, из тех, кто тесно сотрудничал со службой Виктора Васильевича, вышло два министра, три их заместителя, несколько начальников главков, десятки генеральных директоров различных фирм, сотни начальников цехов, установок и других первичных производственных коллективов.

Авторитет службы был настолько высок, что почти ни одно крупное мероприятие в отрасли не проходило без участия ее руководителя. До 250 дней в году он проводил в командировках на предпри-

ятиях, располагавшихся буквально во всех регионах Союза... О работе службы писали центральные и республиканские газеты и журналы, снимались кинофильмы, устраивались теле- и радиопередачи. За научные и трудовые успехи Новикова В.В. признавали ударником трех пятилеток, награждали медалями различных выставок, избирали народным депутатом, наконец, он был удостоен ордена. Все эти годы психолог-практик вел собственные глубокие научные исследования и регулярно публиковал их в открытой (и, конечно же, в закрытой) печати.

8 февраля 1981 года В.В. Новиков блестяще защитил докторскую диссертацию на самом авторитетном для психологов Диссертационном Совете в Институте психологии АН СССР под председательством его знаменитого директора Б.Ф. Ломова. Труд опального ученого под названием «Социально-психологические проблемы управления (на материалах отраслевой службы Миннефтехимпрома СССР)» официальными оппонентами В.Д. Шадриковым, А.И. Китовым и Е.С. Кузьминым был признан новаторским, имеющим теоретическую и практическую значимость, открывавшим новое направление в науке. Неофициальные оппоненты: Ю.М. Забродин, А.Д. Глоточкин, К.К. Платонов, А.В. Филиппов, Е.В. Шорохова и другие назвали «психологическое управление», разработанное и внедряемое диссертантом, открытием отечественной науки. Самую защиту Е.С. Кузьмин охарактеризовал как «настоящий праздник советской психологии».

Совет, состоявший из 18 наиболее известных советских ученых, единогласно принял ходатайство перед ВАК СССР о присуждении В.В. Новикову ученой сте-

пени доктора психологических наук по специальности 19.00.05 — социальная психология.

Впервые в стране, как отмечали рецензенты, практическим психологом, обеспечившим собственными теоретическими разработками высокую действенность реализуемых на предприятиях огромной отрасли мероприятий, была достигнута высокая экономическая эффективность работы. Об этом свидетельствовали многочисленные акты внедрения научно-практических проектов В.В. Новикова. Все подобные «акты» неоднократно ревизовались финансовыми, экономическими инспекциями и даже компетентными органами.

Итак, основатель третьего в стране факультета психологии, первой отраслевой психологической службы, автор социально-психологического проектирования, психологического управления и концепции относительно самостоятельной социальной психологии производственного коллектива, изобретатель «социального паспорта» и «социально-психологического портрета» коллектива, родоначальник «проектов социального управления трудовым коллективом» и некоторых других методик, получил, наконец, полное профессиональное признание не только за рубежом, но и в своей стране. Появилось удовлетворение от самодостаточности и отсутствие необходимости доказывать другим и самому себе, в первую очередь, что жизнь состоялась во всех ее проявлениях...

2 декабря 1987 года, ровно через 16 лет после увольнения, подал заявление о возвращении на созданный когда-то факультет.

Несколько лет В.В. Новиков честно

исполнял роль рядового профессора кафедры общей психологии, был признан (по конкурсу!) сначала лучшим ученым, а затем и лучшим методистом университета. В одной из областных газет даже появилась ироничная заметка «Новиков и Ленин — близнецы-братья: обоих выгоняли из университета». Вел курсовиков, дипломников, аспирантов, успешно «защищал» их, руководил стажерами из разных стран.

В 1992 году создается Международная Академия Психологических Наук (МАПН), где его избирают президентом-организатором. Сначала в МАПН, призванную объединить разрозненные силы психологов стран СНГ и желающих работать в содружестве специалистов дальнего зарубежья, вступают представители 13 государств. С годами эта необычная научно-общественная организация привлекает внимание ученых более 40 стран. Появилась возможность прямых контактов с психологами всех частей света.

В родном университете Виктор Васильевич Новиков постепенно образовал первую уже в России кафедру социальной и политической психологии. В 1994 году под его председательством начинает работать кандидатский, а в 1999 году и докторский диссертационные советы под эгидой ВАК России.

В 1996 защитил ученую степень доктора философии международного бизнеса и коммерции, г. Сан-Франциско, США.

В декабре 1998 года он возглавляет Диссертационный Совет Международного Межакадемического Союза по поддержке образования и подготовке научных кадров при ООН и ЮНЕСКО. Этот совет рассматривает диссертации и присуждает ученые звания доктора и канди-

дата наук, а также профессора и доцента по истории психологии и управлению народным хозяйством (экономика).

В 1999г. В.В.Новиков защитил ученую степень доктора экономических наук ВМАК России и Международного межакадемического Союза при ЮНЕСКО, г. Москва.

Известный в нашей стране и за рубежом специалист в области социальной психологии, промышленной психологии и психологии коллектива, он внес своими исследованиями крупный вклад в психологическую науку и практику, активно участвуя в разработке научных проблем социальной и промышленной психологии. За выдающиеся заслуги в теории и практике психологической науки награжден медалями СССР и России, а также орденом «Знак почета», орденом «Звезда Вернадского первой степени за заслуги в науке» Международного Межакадемического Союза при ЮНЕСКО, орденом «За заслуги перед отечеством» 2 степени, Почетным Знаком Губернатора Ярославской области «За заслуги в образовании. Высшая Школа». В.В. Новиков первым из Ярославских психологов удостоен звания «Заслуженный деятель науки России». Лауреат Национального профессионального психологического конкурса «Золотая Психея» по итогам 2005 года в номинации «Патриарх российской психологии» (октябрь 2006). В 2009-ом году он стал победителем в конкурсе «Золотая Психея» на звание «Патриарх российской психологии».

В.В.Новиков - автор более 900 научных работ, в том числе 40 монографий. В 2002-2005 годах изданы избранные произведения профессора Новикова В.В. («Социальная психология и экономика»

в 11 томах). Труды В.В. Новикова получили широкое признание как в России, так и во многих странах "дальнего" (Австралия, Англия, Бельгия, Болгария, Германия, Голландия, Канада, США, Польша, Румынии, Франция, Япония и др.) и "ближнего" зарубежья (Украина, Беларусь, Литва, Латвия, Грузия, Армения, Казахстан, Эстония, Узбекистан, Таджикистан). Его произведения изданы на 43 языках мира.

В.В.Новиков проявил себя умелым организатором науки, руководителем ряда перспективных направлений исследований. Под его руководством подготовлено и защищено 85 кандидатских и 35 докторских диссертаций. Он является учредителем и главным редактором журнала «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР», включающего специализированные серии «Проблемы психологии и эргономики», «Социальный психолог», «Общество и

власть», является руководителем исследовательского проекта по кризисологии, номинированного на Государственную Премию РФ (2002 г.) и др.

Ушел из жизни профессор В.В.Новиков, который является эталоном научного руководителя, Учителя, психолога-профессионала и организатора науки для огромной массы его учеников и соратников.

Виктор Васильевич прошел долгий и часто трудный путь длиной более 79 лет, но всегда справлялся с любыми вызовами жизни, ибо его энтузиазм всегда был неистощимым.

Мы вспоминаем наше со-бытие с ним с восторгом и умилением и нежностью, как великий подарок судьбы.

Мы его вспоминаем как светлого, чистого, щедрого человека, который отдал всего себя людям и в этом находил свой смысл жизни

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксёнова Т.А. - магистр психологии (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Базиков М. В. - кандидат психологических наук, докторант кафедры общей и социальной психологии ЯГПУ (Ярославль)

Боллигер Л.В. - кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Иркутского государственного технического университета (г. Иркутск)

Завозяев И.И. – кандидат психологических наук, Ивановский государственный университет (Иваново),

Золотова Н. В. - кандидат психологических наук, докторант кафедры общей и социальной психологии ЯГПУ (Ярославль)

Кашапов А. С. - кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и педагогической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль)

Кашапов С. М. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, действительный член МАПН (Ярославль)

Клейберг Ю.А. - доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор факультета психологии Московского государственного областного университета, профессор, действительный член МАПН (Москва)

Козлов В.В. – заведующий кафедрой социальной и политической психологии ЯрГУ, профессор, доктор психологических наук, действительный член МАПН, президент МАПН (Ярославль)

Ковалёв С. Э. - кандидат психологических наук, (Dr.PhD), ассоциированный профессор НЦПК Орлея, ВКГУ им. С. Аманжолова, член-корреспондент Международной академии психологических наук (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Кукина М.В. - доцент кафедры психологии ОГАОУ ДПО ИИПКРО, канд. психолог. наук, чл.-корр. МАПН (Иркутск)

Мазилев В. А. - заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, доктор психологических наук, профессор, действительный член МАПН (г. Ярославль).

Назаров В.И. - заведующий кафедрой психологии социальной работы и прикладной психологии, первый проректор Ивановского государственного университета им., доктор психологических наук, профессор, действительный член МАПН (г. Иваново)

Романов И.В. - кандидат психологических наук, ОАО «КБ «СВЯЗЬ» член-корреспондент Международной академии психологических наук (г. Москва)

Турчин А. С. - доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД РФ, действительный член МАПН (г. Санкт-Петербург)

Юркова М.Г. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Иркутского государственного технического университета, член-корреспондент Международной академии психологических наук (Иркутск)

